Н. ЛАНСКАЯ.

ОБРУСИТЕЛИ.

РОМАНЪ

из общественной жизни западнаго края.

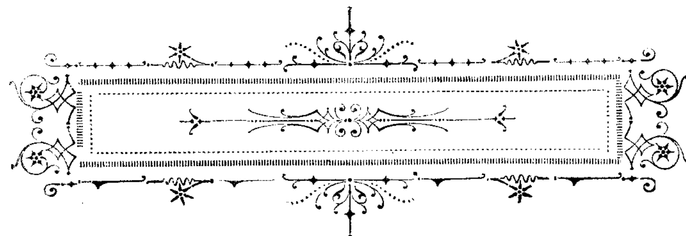
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.
Лештуковъ пер., уголъ Фонтанки, д. № 2—74.
1888.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., № 14.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Недалеко отъ историческаго Витязь-озера, въ непроходимой глуши лѣсовъ, расположилась съ своими деревнями, мѣстечками и слободами одна изъ большихъ волостей Полѣсья, подъ названіемъ Волчья. Волости посчастливилось: стряхнувъ иго крѣпостной зависимости, она попала подъ тройную опеку мирова̀го посредника, волостнаго старшины и княжескаго арендатора - еврея, изображавшихъ собою такой тріумвиратъ, согласію котораго могъ бы позавидовать древне-римскій тріумвиратъ Цезаря, Помпея и Красса.

Волчья волость составляла особый мірокъ, естественными границами которому, на подобіе китайской стѣны, служили знаменитыя Полѣсскія болота, нынѣ экономически осушаемыя полковникомъ Жилинскимъ, непроходимые во многихъ мѣстахъ лѣса, рѣка, разливающаяся весной на нѣсколько десятковъ верстъ, и удаленность отъ всѣхъ административныхъ центровъ.

Въ понятіяхъ мѣстныхъ крестьянъ мировой посредникъ считался здѣсь такимъ начальствомъ, за которымъ непосредственно стоялъ самъ Царь; но извѣст-

но, что до Царя такъ-же далеко, какъ до Бога высоко. Мировой посредникъ творилъ судъ и расправу, собиралъ подати, отдавалъ въ рекруты, каралъ и миловалъ и, никому не давая отчета, распоряжался крестьянскимъ трудомъ и имуществомъ на неотъемлемомъ правѣ собственности, и если не разорилъ всѣхъ поголовно, то на то была его добрая воля. Административная система была тамъ упрощена донельзя и на случай какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ надобностей было заведено такъ, что печати всѣхъ сельскихъ старостъ хранились въ волостномъ правленіи у старшины, скрѣпляя подчасъ такіе приговоры и рѣшенія, которые не только противорѣчили мірскимъ интересамъ, но нерѣдко санкціонировали вопіющій произволъ и насиліе. Это было просто и надежно вмѣстѣ.

Верховнымъ сюзереномъ всѣхъ этихъ деревень и мѣстечекъ былъ свѣтлѣйшій князь Фалькенштейнъ. Крестьяне, разумѣется, никогда его въ глаза не видали: это былъ миѳъ, фактическое существованіе котораго вовсе не было необходимо для того, чтобы его именемъ собирались подати, отбывались повинности и приводились въ исполненіе карательныя и другія мѣры. Крестьяне знали, что для порядка надъ ними поставленъ посредникъ и въ его лицѣ повиновались печатному закону; они работали и платили, не спрашивая, кому работаютъ и за что платятъ. Такъ велись дѣла по всему Полѣсью со времени освобожденія, такъ они велись и въ Волчьей волости: мужикъ бѣднѣлъ годъ отъ году и самъ не домекалъ, почему онъ бѣднѣетъ. Правда, арендаторъ его миѳической свѣтлости богатѣлъ съ каждымъ годомъ, прижимая мужика, въ чемъ только могъ, волостной старшина Тарасъ Сидоровичъ Кулакъ выстроилъ два дома, купилъ мельни-

цу, пріобрѣлъ стадо воловъ, господинъ посредникъ, Петръ Ивановичъ Лупинскій, торговалъ подъ рукою большое имѣніе, гдѣ были отличные заливные луга и разныя доходныя статьи—все это могло бы навести на мысль, но добродушный отецъ Лександръ толковалъ крестьянамъ о терпѣніи, показывалъ вдали царствіе небесное, которое дается въ награду за трудную жизнь на землѣ; писарь стращалъ закономъ, и въ далекой волости все было покойно. То было однако же непрочное спокойствіе, когда накопившееся электричество ждетъ только перваго толчка, чтобы разразиться грозой и хотя временно очистить воздухъ.

Какъ оазисъ среди пустыни, расположилась между Зеленыхъ болотъ Волчьей волости деревня Сосновка на возвышенной плоскости, подъ защитой десятка двухъ сосенъ, уцѣлѣвшихъ отъ времени и арендаторскаго топора и давшихъ ей свое названіе и тѣнь. Это былъ клочекъ уѣзда, куда не заѣзжало никогда никакое начальство, гдѣ культура остановилась въ самомъ первобытномъ состояніи, гдѣ не было ни мостовъ, ни дорогъ, ни переправъ и гдѣ на цѣлые мѣсяцы, весной и осенью, прекращались всякія сообщенія между сосѣдними деревнями, считая сосѣдними тѣ, до которыхъ можно доѣхать не раньше, какъ черезъ сутки и то на добромъ конѣ и въ благопріятное время года.

Сумерки спускались надъ Сосновкой. На дворѣ стояла глубокая осень, и туманъ, висѣвшій въ воздухѣ, поднимавшійся и клубившійся надъ прудомъ, какъ дымъ, скрывалъ и безъ того тусклый свѣтъ сѣраго короткаго дня. Во всю длину улицы вытянулся длинный рядъ однообразныхъ низкихъ строеній съ крошечными, едва пропускающими свѣтъ, окнами. Что это: избы или хлѣвы? Какъ можно тутъ жить, работать и какъ-ни-

будь развлекаться, потому что и развлеченіе, каково бы оно ни было, такъ же необходимо здоровому организму, какъ трудъ, ѣда, сонъ и бодрствованіе. Какъ тутъ жить?

Становилось уже совсѣмъ темно; кое-гдѣ въ избахъ зажгли лучину, и ярко-красный свѣтъ ея, освѣщая закоптѣлыя, почернѣвшія стѣны, составлялъ рѣзкій контрастъ съ убогой, печальной обстановкой. Обстановка была вездѣ одна и та же, и вездѣ убога; вездѣ не только проглядывала, но била въ глаза непокрытая голь и бѣдность: бѣдность въ одеждѣ, пищѣ, въ самыхъ лицахъ, во всемъ, что окружало тутъ человѣка съ минуты рожденія и до самой смерти. А между тѣмъ эта бѣдность, ета голь непокрытая составляла ту силу несмѣтную, которая кормила, поила и одѣвала безчисленное число тунеядцевъ, оставаясь въ то же время тупой, невѣжественной, покорной, полуодѣтой, полуголодной, если не совсѣмъ голодной. Эта сила умѣла только давать, никогда ничего не получая; этотъ зипунъ и лапти за тѣмъ только и существовали, чтобы, вѣчно работая, никогда не наслаждаться плодами своихъ рукъ въ томъ утонченномъ и разнообразномъ видѣ, въ какомъ они доставались тѣмъ избраннымъ счастливцамъ, которые умѣли такъ хорошо доказывать, что потому мужикъ и бѣденъ, что онъ глупъ, и потому онъ глупъ, что онъ бѣденъ. Да, именно потому и глупъ, что онъ бѣденъ. Мужикъ единственно въ силу того, что онъ былъ мужикъ, имѣлъ одно неотъемлемое право: онъ имѣлъ право платить всякому, даже не спрашивая, за что онъ платитъ, платилъ онъ за то, что ничего не зналъ, платилъ за то, что другіе знаютъ больше его, платилъ, если случалось что узнать, да еще вдобавокъ кланялся и благодарилъ. Его могъ учить всякій и всякому онъ платилъ за науку. Это была наука, за которую онъ не могъ расквитаться

во всю свою жизнь со времени Рюрика, Синеуса и Трувора. Прежде, до освобожденія, онъ платилъ своему пану, который, считая его «быдломъ», дрессировалъ его настолько, чтобы онъ, «панъ Богъ Брони» не вышелъ бы какъ-нибудь изъ роли вьючнаго скота; потомъ, тотчасъ послѣ освобожденія, онъ сталъ платить чиновнику, жиду и своему брату, разжирѣвшему кулаку-міроѣду. Иногда, право, выходило, что онъ промѣнялъ кукушку на ястреба. Правда, мужикъ слыхалъ, что существуетъ законъ, который обязанъ его защищать, но на бѣду всегда какъ-то такъ случалось, что каждый разъ, когда онъ обращался къ закону, этотъ законъ былъ противъ него, и все дѣло окончивалось либо собственноручной расправой господина посредника, либо законнымъ числомъ ударовъ на основаніи такой-то статьи. Словомъ, если представленіе о законѣ получалось не совсѣмъ утѣшительное, зато было, по крайней мѣрѣ, осязательное.

Но вернемся въ Сосновку.

Сосновка отстояла отъ своего уѣзднаго города на разстояніи цѣлыхъ 150 верстъ; другіе города были еще дальше, а центръ административной тяжести, губернскій городъ Болотинскъ, былъ отъ нея удаленъ на 400 верстъ слишкомъ. Населеніе состояло изъ католиковъ, евреевъ и православныхъ, были и уніаты. Длинная, растянувшаяся чуть не на двѣ версты, деревня не составляла исключенія: она, какъ всѣ русскія деревни, и горѣла и градомъ бывала побита, страдала изъ года въ годъ отъ падежей и засухи, и пила мутную воду изъ какого-то пруда, который лѣтомъ заросталъ высокой травой, а осенью вплоть до морозовъ покрывался тиной; но, какъ всякая благоустроенная деревня, имѣла въ центрѣ кабакъ, а съ краю часовню, гдѣ

изъ-подъ навѣса, изъ-подъ лентъ, кисеи и позумента, св. Янъ простиралъ на воздухѣ свою благословляющую десницу. Это было для католиковъ. Православные имѣли церковь, передѣланную изъ костела стараніями посредника, старшины и арендатора-еврея, которые, безъ различія вѣры, каждый въ предѣлахъ своего усердія и умѣнья, поживились отъ алтаря Господня. Церковь, впрочемъ, отстояла такъ далеко, что сосновцы посѣщали ее только въ большіе праздники, причемъ совершали всѣ требуемые религіознымъ уставомъ обряды, т. е. ставили передъ образами наиболѣе заслуженныхъ угодниковъ тоненькія желтаго воска свѣчи, служили молебны, поминали своихъ покойниковъ, крестили новорожденныхъ, говѣли, вѣнчались и тутъ же сваливали свои грѣхи на шею терпѣливаго батюшки, купивъ за баснословно-дешевую цѣну право грѣшить на весь слѣдующій годъ. Иногда, впрочемъ, довольно рѣдко, они выслушивали его проповѣдь и, ничего не понявъ, шли съ облегченнымъ сердцемъ домой. Иногда, впрочемъ, еще рѣже, когда въ храмовой праздникъ случалась ярмарка,—они возвращались и съ облегченнымъ карманомъ. Итакъ, часовня съ св. Яномъ для католиковъ, церковь для православныхъ, кабакъ для всѣхъ.

Надъ дверями кабака висѣла вывѣска съ заманчивымъ изображеніемъ штофа и бьющей изъ него струи. Кабакъ—это было то развлеченіе, безъ котораго нельзя жить на землѣ ни подъ какимъ градусомъ широты. Отнимите у мужика кабакъ—что же у него останется? Это было единственное и въ то же время ужасное мѣсто, когда въ мѣру, а иногда и совсѣмъ безъ мѣры, отуманенныя головы мѣстныхъ крестьянъ забывали про падежи, недоимки, пожары и многое другое. Это было ума помраченіе, но тѣмъ-то оно и было хорошо.

Для полноты топографической физіономіи Сосновки остается упомянуть, что въ концѣ деревни, недалеко отъ св. Яна и волостнаго правленія, стояли какой-то общественный магазинъ, который потому только былъ общественнымъ, что не принадлежалъ никому въ частности, и еврейская съ навѣсомъ корчма, которая уже рѣшительно принадлежала всѣмъ и каждому.

Въ описываемое время судьбою Волчьей волости заправляли мировой посредникъ, Петръ Ивановичъ Лупинскій, старшина, Сидоръ Тарасовичъ Кулакъ, и арендаторъ князя, еврей Мовша Цапликъ.

II.

Посредникъ Лупинскій пріѣхалъ въ западный край какъ разъ во-время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, западный край былъ центромъ, куда стекалось великое множество людей великорусскаго происхожденія преимущественно и православнаго исповѣданія непремѣнно. Въ то время край представлялъ собою арену, гдѣ, не рискуя ничѣмъ, можно было тысячу разъ отличиться, выйдти, что называется, въ люди и затѣмъ, успокоившись на лаврахъ, произнести съ спокойной совѣстью: мы обрусили. Сюда стремились всѣ тѣ, кто былъ чѣмъ-либо не доволенъ у себя дома: всякій, кого обошли чиномъ, мѣстомъ или наградой, чей не приняли или возвратили проектъ, чье имѣніе, вслѣдствіе новыхъ порядковъ, пришло въ упадокъ, а приняться за дѣло не было ни умѣнья, ни силъ — все это спѣшило въ западный край. Здѣсь стекались люди всякихъ профессій, возрастовъ и положеній: молодые, старые, любившіе пожить и прожившіеся вовсе, разочарованные въ любви, обманутые въ жизни и обманывавшіе сами,—всѣ стремились сюда съ лихорадочною поспѣшностью. Если

было много званыхъ, было много и избранныхъ. Это былъ пиръ, на который шли всѣ тѣ, кому нечего было терять, у кого ничего не осталось за душой дома. Здѣсь можно было только выиграть, тамъ ужь нечего было проигрывать. Это была ежечасная эмиграція. Манившій ихъ стимулъ былъ таковъ, что могъ расшевелить самаго равнодушнаго и неподвижнаго человѣка, и дѣйствительно: равнодушные и неподвижные, за немногими исключеніями, превращались здѣсь въ исправныхъ пріобрѣтателей. Завѣтной идеей было не просто пріобрѣсти, но пріобрѣсти, какъ можно скорѣе... Иные до того разошлись, что всякое препятствіе считали посягательствомъ на свои законныя права. Кромѣ того, человѣкъ, ѣхавшій въ этотъ провинившійся край на службу, часто считалъ это такимъ съ своей стороны подвигомъ, за который никакое вознагражденіе не могло быть достаточнымъ; такой жертвой, которую оцѣнить надлежащимъ образомъ могъ, разумѣется, только тотъ, кто ее приносилъ. И хотя, въ большинствѣ случаевъ, въ жертву приносилась полуграмотность, если не вовсе невѣжество, свободное время, которое было некуда дѣвать, пустой карманъ, который надлежало наполнить (и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!), а иногда и не совсѣмъ безгрѣшное прошлое—тѣмъ не менѣе иные считали себя благодѣтелями quand même, всячески вознаграждая себя въ размѣрѣ своихъ способностей и умѣнья. Иныхъ вознаграждало начальство, но большинство, не дожидаясь милостей и щедротъ сверху, спѣшило вознаградить себя снизу. Находчивымъ и смѣлымъ людямъ тутъ было раздолье; тутъ можно было сдѣлаться помѣщикомъ безъ гроша; не купивъ лѣса, выгодно продать его, совершить какую угодную сдѣлку, назваться чьимъ угодно именемъ, пустить легковѣрнаго человѣка по міру, раз-

богатѣть, и, въ концѣ концовъ, выйдти сухимъ и чистымъ (разумѣется, по-своему) изъ многихъ дѣлъ.

Аттестатовъ никакихъ не требовалось: достаточно было пріѣхать изъ Россіи и заявить себя православнымъ, чтобы получить право на такія льготы, права и преимущества, которыя превращались въ настоящій рогъ изобилія. Можно поэтому представить, какая масса разной дряни наводнила собой эти несчастныя 9 губерній! Какой контингентъ лжи, низости, всякихъ обмановъ, подкуповъ, подлоговъ и нравственнаго растлѣнія принесла съ собою эта православная армія алчущихъ и жаждущихъ, чающихъ и ожидающихъ! Какъ саранча, бросились они на готовыя мѣста, торопясь захватить все то пространство, которое было для нихъ насильственнымъ образомъ очищено; церемониться было не къ чему, и, подъ видомъ обрусенія и пропаганды православія, эти завоеватели преслѣдовали такія цѣли, которыя не имѣли ничего общаго ни съ религіей, ни съ нравственостію, ни даже съ политикой дѣйствительнаго обрусенія. Время было горячее: слѣдовало ковать желѣзо, пока оно не остыло; и, дѣйствительно, молотъ работалъ по наковальнѣ до тѣхъ поръ, пока и ковать стало нечего. Тогда все приносило свою пользу, изъ всего можно было извлечь выгоду и всякая правительственная мѣра, всякое ограниченіе правъ однихъ эксплуатировалась ловкими руками другихъ, какъ опредѣленная статья закона, ибо все то, что законъ запрещалъ, можно было за извѣстную плату дозволить.

Въ то время—это было въ шестидесятыхъ годахъ—гроза только-что стихла и въ атмосферѣ начинали проявляться симптомы чего-то новаго, какіе-то пришлые элементы: съ востока повѣяло новымъ духомъ. Прежде всего наѣхали новые чиновники въ формен-

ныхъ фуражкахъ; хотя это были люди не послѣдней формаціи, но они привезли съ собой сѣмена новой флоры. Прежде, бывало, наѣзжалъ изъ казенной палаты какой-то господинъ въ зеленомъ вицмундирѣ—и всѣ знали, зачѣмъ онъ пріѣхалъ и что надо дѣлать: никакихъ сомнѣній, ничего такого, что ставило бы людей въ неловкое положеніе другъ передъ другомъ; ему подносили—онъ бралъ, и этимъ немногосложнымъ актомъ все было сказано и все было кончено. Зеленый вицмундиръ объѣзжалъ такимъ образомъ города, ввѣренные его попеченію, и, получивъ должное, даже не заглядывалъ въ лавки. Потомъ вдругъ совершился переворотъ: пріѣзжій изъ палаты бросался прямо въ лавки—это было уже новостью—осматривалъ, измѣрялъ, прикладывалъ печати, подводилъ статьи, даже §§ статей, и хотя въ результатѣ система обвѣшиванія и обмѣриванія оставалась та же, но дань получалась удвоенная. Это уже было рѣшительно шагомъ впередъ. Затѣмъ наѣхали землемѣры, мировые посредники разныхъ фракцій (отъ самыхъ «красныхъ», вскорѣ безслѣдно пропавшихъ, до великихъ консерваторовъ, окончательно укрѣпившихся), акцизные чиновники, предводители дворянства по назначенію «со стороны» и часто не дворяне и пр., и пр. Прокуроры и адвокаты были послѣднимъ словомъ этого обновленія, послѣднимъ звеномъ этой послѣдовательной цѣпи. Главной задачей было измѣнить то, что было худо, насадить новыя сѣмена и ждать плодовъ обрусенія. Пока все это приводилось въ исполненіе, паны «будировали» по своимъ замкамъ; сбитые съ толку крестьяне переживали разныя направленія, идущія изъ генералъ-губернаторской канцеляріи; догадливые евреи, смекнувъ своимъ безошибочнымъ чутьемъ, на чьей

сторонѣ окажется право, учились говорить по-русски. Народилась новая культура.

Въ это время въ предѣлахъ обѣтованнаго уѣзда появился Петръ Ивановичъ Лупинскій. Онъ пріѣхалъ какъ разъ кстати: такіе люди были тогда нужны и тотчасъ находили себѣ мѣсто. Маленькій уѣздный городокъ метрополія огромнаго уѣзда, какъ будто его ждалъ. Петръ Ивановичъ пріѣхалъ въ старой еврейской будѣ, которую едва тащила пара заморенныхъ клячъ, погоняемая евреемъ въ ермолкѣ, съ пейсами, и въ нанковомъ лапсердакѣ, разорванномъ по всѣмъ швамъ. Путь былъ далекій, ѣхали съ отдыхомъ, еврей останавливался въ грязныхъ, пропитанныхъ нестерпимымъ запахомъ корчмахъ, онъ молился, облекаясь въ свой библейскій полосатый костюмъ, и вообще путешествовалъ съ комфортомъ, полагая, конечно, что онъ можетъ позволить себѣ нѣкоторыя вольности за ту дешевую плату, которую выторговалъ скромный путешественникъ. Петръ Ивановичъ былъ терпѣливъ, какъ человѣкъ, который видитъ вдали опредѣленную цѣль, и, глядя въ спину ямщика, всю сплошь покрытую разныхъ величинъ и цвѣта заплатами, любуясь его старозавѣтными кудрями, онъ мечталъ о будущемъ и строилъ удивительные планы... При рѣдкихъ встрѣчахъ съ проѣзжими, онъ прятался въ глубинѣ своего рогожнаго шатра, стыдясь своей бѣдности и считая за ничто свое здоровье, силу и молодость. Онъ пріѣхалъ въ этотъ далекій край завоевать себѣ состояніе, положеніе сдѣлать карьеру; онъ слыхалъ, что западный край былъ золотымъ дномъ для находчивыхъ людей, а онъ, Петръ Ивановичъ, былъ несомнѣнно находчивъ. Отчего не попробовать счастья? Онъ тогда только-что женился на полькѣ, которая скрывала свою вѣру и происхожденіе

изъ боязни повредить карьерѣ мужа. Она была компаньонкой или бонной, и толковала о своемъ родствѣ съ какими-то баронами. Со стороны это выходило смѣшно, но Петръ Ивановичъ былъ счастливъ. Есть люди, которые родятся съ шишкой семейственности и скопидомства. Петръ Ивановичъ всегда имѣлъ склонность къ тихой семейной жизни, это была одна изъ его добродѣтелей: онъ гулялъ съ женою подъ руку, самъ покупалъ ей бурнусы и шляпки, зналъ до тонкости разныя детали хозяйства и заглядывалъ въ каждый горшокъ на кухнѣ. Не смотря на эти скромные вкусы, онъ пріѣхалъ сюда съ самыми широкими планами и тотчасъ же принялся за ихъ исполненіе.

III.

Среди наплыва новыхъ людей, Петръ Ивановичъ былъ самымъ виднымъ, не потому чтобы его окружалъ какой-нибудь ореолъ прежней славы, а потому, что кругомъ него многіе или ничего не дѣлали, или думали только о томъ, чтобы поживиться на чужой счетъ. Положимъ, Петру Ивановичу хотѣлось сорвать не меньше, чѣмъ всякому другому, но онъ былъ много осторожнѣе и, какъ настоящій охотникъ, умѣлъ выждать и время, и случай. Онъ казался человѣкомъ другаго лагеря: онъ смотрѣлъ работникомъ въ то время, какъ другіе выглядѣли только коптителями неба; въ то время, какъ его сподвижники припадали за карточнымъ столомъ и водкой, онъ ѣздилъ, говорилъ, поднималъ вопросы, требовалъ объясненій, объяснялъ самъ— словомъ, всячески и вездѣ, гдѣ только могъ, заявлялъ себя человѣкомъ дѣла. Его можно было встрѣтить разъ двадцать въ день на улицѣ съ озабоченнымъ и дѣловымъ видомъ и быстрой походкой; онъ былъ

всегда занятъ по горло, и самый отъявленный недоброжелатель не могъ упрекнуть его въ лѣни и обычной чиновничьей распущенности; онъ осматривалъ больницу, заглядывалъ въ острогъ, останавливался передъ солдатской гимнастикой, раскланивался направо и налѣво, засѣдалъ въ комитетѣ, поспѣвалъ на торги, и вездѣ умѣлъ дать совѣтъ и сдѣлать дѣльное замѣчаніе. Онъ носилъ дворянскую фуражку съ краснымъ околышемъ, и всѣ знали, что Петръ Ивановичъ пользуется расположеніемъ самого Михаила Дмитріевича и принятъ запросто у Степана Петровича. Выйдя въ люди изъ ничего, сынъ неизвѣстныхъ родителей, Петръ Ивановичъ непремѣнно хотѣлъ дойдти до степеней извѣстныхъ. Это былъ человѣкъ молодой или, по крайней мѣрѣ, такимъ казавшійся, «съ столичнымъ образованіемъ», какъ у насъ выражались, и весьма рѣшительными манерами. Типъ лица Петръ Ивановичъ имѣлъ южный; но откуда онъ собственно былъ родомъ: съ сѣвера, или юга, достовѣрно сказать не могу, да это, впрочемъ, не имѣетъ никакого отношенія къ послѣдующему. Происхожденіе его было неизвѣстно даже его хорошимъ знакомымъ; на горизонтѣ же нашего уѣзда онъ появляется прямо въ фуражкѣ съ кокардой и сразу пріобрѣтаетъ репутацію хорошаго человѣка. Тогда, впрочемъ, дурныхъ людей не было, и назвать православнаго человѣка дурнымъ человѣкомъ было просто неблагонадежно. Петръ Ивановичъ былъ человѣкъ умѣренный, особенно сначала, когда взяточничество, утративъ деликатную форму добровольной сдѣлки, превратилось здѣсь въ безцеремонный поборъ. Петръ Ивановичъ былъ настолько строгъ къ самому себѣ, что довольствовался арендной платой съ какого-то конфискованнаго имѣнія, что въ ту пору было по-

истинѣ гражданскимъ воздержаніемъ. Петръ Ивановичъ былъ остороженъ и за собой наблюдалъ, но подъ вліяніемъ какого-нибудь внезапнаго чувства рѣшительно терялъ самообладаніе и былъ способенъ на такіе поступки, которые можно было объяснить только нервнымъ возбужденіемъ. Какъ человѣкъ самолюбивый, онъ всегда былъ на-сторожѣ, строго оберегалъ свое достоинство и до болѣзненности дорожилъ своею репутаціей, зная, что только одна ея неприкосновенность возвышаетъ его надъ многими другими. Таковъ былъ мировой посредникъ далекой Волчьей волости, куда я и приглашаю читателя.

IV.

Глухо и тихо текла жизнь въ Волчьей волости, когда вернулся на родину отставной солдатъ Гаврила Щелкуновъ. Дядя Гаврикъ, какъ его всѣ называли, былъ уроженцемъ Сосновки; у него была своя хата, жена и трое ребятъ, изъ которыхъ двое послѣднихъ были имъ пріобрѣтены въ отсутствіе; но солдатъ философски отнесся къ этому естественному приращенію своего семейства и былъ настолько великодушенъ, что ни разу не бросилъ слова упрека своей хозяйкѣ. Татьяна была баба смирная, съ-молоду красивая и хорошая хозяйка въ крестьянскомъ смыслѣ. Дядя Гаврикъ не даромъ шатался по бѣлу свѣту: онъ явился съ запасомъ разностороннихъ свѣдѣній и нѣкотораго рода критическимъ отношеніемъ, такъ сказать, къ той дѣйствительности, которая его окружала по возвращеніи на родину. Онъ кое-какъ выучился грамотѣ, могъ прочитать печатное и самъ выводилъ непонятныя каракули, которыя очень смѣло называлъ литерами; онъ могъ сосчитать хотя до тысячи, производя всѣ ариѳ-

метическія выкладки на пальцахъ, и былъ настолько силенъ въ лѣтосчисленіи, что могъ безошибочно опредѣлить, во всякое время, какой шелъ годъ со времени Р. Х. Дядя Гаврикъ любилъ выпить, и если бывалъ пьянъ, то непремѣнно плакалъ; лицо имѣлъ солдатскаго типа и всѣмъ забавамъ предпочиталъ божественное чтеніе. Гуляя по «Россеѣ», потолкавшись между бойкими крестьянами орловской и тульской губерній, присмотрѣвшись къ ихъ обычаямъ и порядкамъ, Щелкуновъ, когда вернулся домой, скоро рѣшилъ, что порядки въ его собственной волости никуда не годятся. Особенно его оскорбило нахальное поведеніе княжескаго арендатора, еврея Цаплика, который, благодаря своимъ таинственнымъ связямъ съ главной конторой князя и мѣстной администраціей, не хотѣлъ знать никакихъ законовъ и помыкалъ крестьянами, какъ своими крѣпостными. Дядя Гаврикъ молча присматривался круглый годъ къ новымъ для него порядкамъ волости и, смекнувъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, сталъ толковать съ тѣми, кто посмышленѣе. Онъ повелъ дѣло осторожно: сначала все ограничивалось разспросами съ одной стороны и неохотно даваемыми отвѣтами съ другой; потомъ мужики стали склоняться къ тому, что у нихъ въ волости и впрямь что-то неладно; ими овладѣло раздумье. Хотя Щелкуновъ толковалъ «Положеніе» совершенно своеобразно, перевиралъ слова и нерѣдко по цѣлому часу говорилъ вовсе нескладно, но онъ съумѣлъ, по крайней мѣрѣ, внушить, что «Положеніе» написано столько же для крестьянъ, какъ и для пановъ, и что слово «законъ» вовсе не такъ страшно, какъ его представляетъ волостной писарь.

— Вы, ребята, коли мнѣ не вѣрите, — разсуждалъ онъ за косушкой въ кабакѣ, —такъ хоть у попа спро-

сите... Отецъ Александръ не совретъ, а мнѣ что?.. Я свое отслужилъ,—по міру не пойду.

Мужики: Степанъ Черкасъ, Филиппъ Тилипутъ, старикъ Петръ Подгорный, молодой парень Иванъ Хмѣлевскій, два брата Бычковы, Сидоръ и Антипъ, сидѣли вокругъ стола на лавкѣ, чутко прислушиваясь къ солдатской рѣчи. Еврей-шинкарь дремалъ въ своемъ углу. Для мужиковъ онъ значилъ не больше того ливера, что висѣлъ на стѣнѣ и, вдобавокъ, помимо его всегдашней дремоты, это былъ еврей испытанной вѣрности. Въ рѣчахъ Щелкунова многое было не только новостью, многое было диковинкой для крестьянъ: имъ какъ-то не вѣрилось, что въ той далекой «Россеѣ», откуда пришелъ онъ, солдатъ, есть посредники, которые не дерутся кулаками, мужики во многихъ мѣстахъ обсуждаютъ свои крестьянскіе интересы сообща, міромъ, и старшинъ выбираютъ сами.

— Да ужъ полно, не шутитъ ли онъ?—думали и говорили мужики. Но дядя Гаврикъ божится всѣми святыми; онъ сердится, ему вовсе не до шутокъ; онъ бранитъ безтолковыхъ крестьянъ и въ то же время изо всѣхъ силъ отстаиваетъ ихъ интересы. Онъ неистощимъ въ своихъ доводахъ и разсказахъ; особенно казались диковинными сосновскимъ крестьянамъ отношенія другихъ крестянъ къ ихъ мировому посреднику: что-то ужъ выходило очень чудно и совсѣмъ непохоже на ихъ собственныя вассальныя отношенія къ Петру Ивановичу. Крестьяне Волчьей волости видѣли его чрезвычайно рѣдко, въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, и не обращались къ нему ни въ какихъ обстоятельствахъ своей жизни. Они полагали, что Петръ Ивановичъ существуетъ только затѣмъ, чтобы дѣлать смѣты и раскладки, собирать подати и недоимки, отдавать въ рекруты, а больше всего затѣмъ, чтобы распредѣлять то количество розогъ, которое ежегодно отпускалось на волость подобно тому, какъ отпускается изъ казначейства жалованье или изъ кухмистерской обѣды. Слова: мировой посредникъ сливались у нихъ какъ-то неясно съ словомъ законъ: это представленіе, само по себѣ довольно неясное, еще болѣе запуталось отъ толкованій волостнаго старшины и писаря. Для мѣстнаго крестьянина нѣтъ страшнѣе слова законъ; для него это пуще всякаго «жупела» и «металла». И чѣмъ менѣе онъ понимаетъ, чего законъ отъ него требуетъ, тѣмъ сильнѣе онъ его боится. Онъ зналъ, что каждый разъ, когда ему приходилось платиться своими боками или своимъ карманомъ, когда его сажали въ «холодную» или подвергали извѣстному числу ударовъ—это все было во имя закона. Немудрено, что онъ его боялся. Дикарь и младенецъ вмѣстѣ—его можно запугать, чѣмъ угодно. Это отлично поняли тѣ ловкіе мѣстные эксплуататоры, которые построили на его невѣжествѣ, простодушіи и безпомощности свою финансовую систему.

Предсѣдательствуя въ своемъ маленькомъ собраніи, сообразительный дядя Гаврикъ постарался внести хотя какой-нибудь свѣтъ въ эту непроглядную путаницу понятій. Съ знаніемъ человѣческой природы, Богъ знаетъ откуда у него взявшимся, онъ особенно налегалъ на идею собственности.

— Вотъ кабы вы твердо знали свою собственность, да соблюдали, что вамъ положено по уставной грамотѣ,—поучалъ онъ съ сознаніемъ своего юридическаго превосходства,—тогда никто бы васъ не обидѣлъ; а то вамъ даны, значитъ, права, а вы ровно бараны какіе: кто хочетъ, тотъ васъ и стриги!

— Оно, братцы, похоже, словно дядя Гаврикъ правду говоритъ, замѣтилъ старый Бычковъ, поглядывая на крестьянъ.

— Какія же это такія права, Степанычъ?—спросилъ молодой Иванъ Хмѣлевскій, стараясь уловить смыслъ солдатской рѣчи.

— Такія, значитъ, права, что коли этотъ кафтанъ, къ примѣру сказать, твой, такъ, стало, никто его отнять у тебя не можетъ, а съ васъ не токмо кафтанъ, голову снять можно! какъ есть бараны,—повторилъ онъ.

— Нѣтъ, ты постой, Степанычъ,—возразилъ Петръ Подгорный, старикъ лѣтъ 65-ти, съ длинной сѣдой бородой, сообщавшей ему какой-то библейскій типъ, и медленными внушительными движеніями. (Старикъ говорилъ тихо, вразумительно, почти сурово и между крестьянами пользовался большимъ авторитетомъ).—Постой, ты говоришь: кафтанъ. Кафтанъ точно что съ меня не сымутъ—потому онъ мой, и я его не дамъ, потому знаю, что онъ мой, а вотъ ежели придетъ приказъ на какую-нибудь надобность деньги представить—то какъ я могу имѣть сопротивленіе противъ закона?

— Экъ васъ закономъ-то настращали!—махнулъ нетерпѣливо рукой Щелкуновъ. — Словно звѣря какого боятся!—Да ты, дѣдушка, пойми, что законъ закону рознь: есть такой, что отъ Бога поставленъ—значитъ, не убей, не укради, не лжесвидѣтельствуй, хоть иной разъ и нельзя не соврать,—прибавилъ онъ какъ бы въ скобкахъ.

— Это точно, серьезно подтвердилъ Степанъ Черкасъ, мужикъ степенный и вдобавокъ сельскій староста.

— Безъ этого какъ же—согласились братья Бычковы, Сидоръ и Антипъ.

— На всякій часъ не убережешься,—улыбнулся имъ въ отвѣтъ Иванъ Хмѣлевскій.

— На счетъ бабъ тоже, продолжалъ Щелкуновъ,—значитъ, чужую жену, Боже сохрани! Все это отъ Бога и въ церкви читается, а есть законъ отъ царя,—продолжалъ тѣмъ же поучительнымъ тономъ дядя Гаврикъ:—служи вѣрой и правдой, себя въ чести соблюдай—на то присягу принималъ—это законъ печатный, тоже соблюдать всякъ долженъ; а у васъ старшина съ арендателемъ такой законъ выдумали, что ни въ какой книгѣ не найдешь и только въ вашей волости соблюдается.

— Ну, ты этого, дядя, не кажи, вступился Степанъ Черказъ,—во всѣхъ такъ. Вотъ намедни дядя Боровикъ, изъ Малковской волости, сказывалъ, что у нихъ страсть что дѣлается: посредникъ говоритъ, ажъ чистый звѣрь. Взялъ онъ это, братцы, большущее имѣніе на аренду, ну и хочется ему денежки съ прибыткомъ вернуть... Обложилъ, говоритъ, барщиной, вздохнуть не даетъ, и чуть что — сейчасъ къ себѣ на конюшню: самъ покуриваетъ, а тебя дерутъ... И пьетъ же шибко, сказываютъ: водку, говорятъ, ведрами съ графскаго завода доставляютъ... Вотъ, говоритъ, вамъ, подлецы, законъ, а самъ кулакъ показываетъ.

— Отколѣ онъ такой?—спросили въ одинъ голосъ Бычковы.

— Изъ «Россеи».

— Тамъ, значитъ, братцы, такихъ не требуется! съострилъ Хмѣлевскій, и всѣ засмѣялись.

— А какъ его звать? освѣдомился старикъ Подгорный.

— Звать Гвоздика, Михаилъ Ивановичъ Гвоздика.

Дядя Боровикъ сказывалъ: здоровый такой, ажъ быка повалитъ...

— Вотъ кабы его, братцы, къ намъ, они бы со старшиной помѣрялись! воскликнулъ Хмѣлевскій.

— Ну, типунъ тебѣ на языкъ, сказалъ Черкасъ и предложилъ всѣмъ выпить.

Мужики выпили и хотя потомъ еще долго толковали, но рѣшить ничего не могли. Послѣ пятаго шкалика, дядю Гаврика прошибла слеза, и онъ уныло смотрѣлъ на печку. Подгорный сказалъ, что пора домой, и всѣ разомъ поднялись, шумно отодвигая тяжелый столъ.

— Эй ты, Ицка, собирай гроши!

Сонный еврей, притворно или въ самомъ дѣлѣ дремавшій за стойкой, вмигъ отрезвился, заслышавъ звонъ мѣдной монеты и, тряхнувъ своими пейсами, съ дѣловымъ видомъ подошелъ къ мужикамъ. Расплатившись, всѣ вышли изъ корчмы.

— Экіе вы дубовоголовые, ей Богу! говорилъ, не твердо владѣя языкомъ, Щелкуновъ, выходя на улицу и утирая рукавомъ слезы, вызванныя лишней косушкой. Вѣдь мнѣ что? наплевать! а вы посмотрите, какъ въ «Россеѣ», вѣдь Царь да законъ—для всѣхъ одинъ...

— Оно такъ-то такъ, да словно какъ будто супротивъ начальства неловко, сказалъ въ раздумьѣ Черкасъ.

— Ну, чортъ съ вами, коли вамъ не ловко! А мнѣ что? сказалъ: наплевать! Какъ себѣ знаете; мнѣ все равно!—И дядя Гаврикъ заплакалъ.

Но Гаврику было не все равно; подъ его сѣрой шинелью билось доброе сердце; ему хотѣлось перемѣнить порядокъ, который противорѣчилъ его понятію о справедливости, и онъ, не долго думая, принялся за дѣло. Видя, какъ еврей-арендаторъ тѣснитъ со всѣхъ сторонъ крестьянина, какъ старшина, ради собственныхъ барышей, покрываетъ еврея, и оба, состоя подъ защитой мироваго посредника, пользуются полной безнаказанностью — Щелкуновъ рѣшился надоумить мужиковъ стоять на законѣ.—Послушаютъ—хорошо, не послушаютъ—имъ же хуже,—разсуждалъ онъ въ длинные осенніе вечера, усердно работая челнокомъ надъ рыболовной сѣтью. Была бы честь предложена, а отъ убытка Богъ избавитъ. Но отъ убытка Богъ не избавилъ. Щелкуновъ съумѣлъ задѣть струну, одинаково чувствительную для людей на всѣхъ ступеняхъ развитія, не смотря на кажущееся различіе въ пріемахъ и понятіяхъ каждаго, и, коснувшись собственности, этого роковаго стимула всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, онъ вступилъ на самый вѣрный путь: если мужикъ понималъ, что кафтанъ принадлежитъ ему на неотъемлемомъ правѣ собственности, то онъ способенъ понять и то, что волъ его, и поле его, и что если съ него требуютъ больше, нежели онъ долженъ дать по закону, то тутъ что-то неладно. Очень можетъ быть, что мужики понимали это сами и давно, но по врожденной безпечности, запуганные и почти одичавшіе въ своей глуши, зная въ добавокъ изъ долголѣтняго опыта, что кто силенъ, тотъ и правъ — молчали. Теперь же закваска, брошенная рукою Щелкунова, начинала свое медленное броженіе въ головахъ, и братья: Бычковы, и Степанъ Черкасъ съ Филиппомъ Тилипутомъ, и Иванъ Хмѣлевскій и послѣ всѣхъ самый осторожный Петръ Подгорный, прожившій слишкомъ полвѣка подъ ярмомъ — всѣ они призадумались. Отъ помышленія до дѣйствія былъ всего одинъ шагъ, и послѣ цѣлаго ряда поучительныхъ бесѣдъ, Щелкуновъ добился того, что крестьяне сочинили жалобу на без-

божные поступки еврея-арендатора Цаплика, подъ редакціей самого Щелкунова, и съ великими предосторожностями отправили ее въ главную контору княжескихъ имѣній. Отвѣта никакого не послѣдовало. Они написали другую, за ней третью и даже четвертую. На четвертую полученъ былъ такой отвѣтъ, который отбилъ у крестьянъ всякую охоту къ дальнѣйшимъ дипломатическимъ переговорамъ. Сосновцы навремя притихли; они, быть можетъ, притихли бы на долго, если бы не случилась одна изъ тѣхъ неожиданностей, о которой мы тотчасъ разскажемъ читателю.

V.

Въ Сосновкѣ родился, жилъ и кое-какъ работалъ мужикъ, по имени Макаръ Дуботовка. У Макара Дуботовки была совсѣмъ кривая старая изба, и надо было удивляться, какъ дождь не размылъ, какъ вѣтеръ не разнесъ этихъ вѣтхихъ, разъѣхавшихся во всѣ стороны бревенъ; но бревна, какъ будто по привычкѣ, держались на своихъ мѣстахъ, и никому не приходило въ голову, что изба могла каждую минуту развалиться и придавить своихъ жильцевъ. Макаръ Дуботовка былъ мужикъ смирный, задумчивый и вялый; онъ носилъ на головѣ колтунъ, ходилъ въ теплой шапкѣ зимой и лѣтомъ, и по праздникамъ посѣщалъ шинокъ, гдѣ выпивалъ косушку за косушкой подъ неумолкаемую болтовню еврея, который, болтая, не упускалъ однако случая обчесть и обмѣрить простоватаго парня. Подъ вліяніемъ водки, приправленной нерѣдко для крѣпости и вкуса дурманомъ, смирный и вялый Дуботовка становился рѣшителенъ и смѣлъ. Какъ сила экономическая, Дуботовка былъ мужикъ солидный, платилъ подати безпрекословно, работалъ не разсуждая, боялся волостнаго старшины хуже черта, а мироваго посредника считалъ такимъ начальствомъ, выше котораго не было во всемъ краѣ, а, пожалуй, и дальше. Таковъ онъ былъ трезвый; напившись-же, не признавалъ властей и готовъ былъ лѣзть въ драку съ кѣмъ угодно. Дуботовка жилъ въ законѣ, т. е. будучи женатъ, считалъ свою бабу чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и всякой другой тварью, требовалъ отъ нея работы, иногда ругалъ — что случалось по праздникамъ, послѣ косушекъ преимущественно, — но вообще былъ мужикъ добрый, и если въ крайнихъ случаяхъ употреблялъ крѣпкія словечки и безъ косушекъ, то потому, что въ крестьянской жизни безъ нихъ вообще нельзя. Ни жена въ толкъ не возьметъ, ни онъ не съумѣетъ объяснить, что ему требуется. Впрочемъ, на такіе педагогическіе пріемы Наталья не жаловалась, любила своего хозяина всѣмъ сердцемъ и, за исключеніемъ нѣсколькихъ бурныхъ дней въ году, супруги жили мирно, сообща несли бремя своей трудовой жизни и въ теченіи восьми лѣтъ имѣли трехъ дѣтей, которыя росли, какъ ростутъ въ лѣсу подъ дождемъ и солнцемъ грибы.

И жилъ, и умеръ бы спокойно и невѣдомо ни для кого Макаръ Дуботовка, еслибы не попутала его нечистая сила, подъ видомъ лишней косушки услужливаго шинкаря.

Однажды, послѣ обѣда, похлѣбавъ тощихъ щей, приправленныхъ сушеными вьюнами (употребляемыми въ массѣ по всему краю), Макаръ Дуботовка сидѣлъ подъ окномъ, въ глубокомъ раздумьи. Макаръ былъ огорченъ и смотря сквозь крошечныя стекла въ окно, изъ котораго виднѣлись только заборъ и крыша сосѣдней хаты, вся сплошь покрытая тыквами, мысленно посылалъ къ черту старшину со всей его родней.

— И какъ его дьяволъ, этакого аспида, не задавитъ!—проговорилъ онъ вслухъ, отворачиваясь отъ крыши съ тыквами.

— Да что у васъ опять съ нимъ такое, Макарушка?—спросила Наталья, отходя отъ корыта, въ которомъ она что-то мѣсила и крошила для хрюкавшаго въ пріятномъ ожиданіи поросенка.

— Терпѣть онъ меня не можетъ, вотъ что! Либо мнѣ, либо ему на этомъ свѣтѣ не жить...

— Господь съ тобой, Макаръ! И что за оказія у васъ опять? Вѣдь недоимку намедни уплатили, грустно проговорила Наталья, вспомнивъ проданную по этому случаю за безцѣнокъ, телушку.

— Либо мнѣ, либо ему!—повторилъ мрачно Макаръ, не отвѣчая на ея вопросъ.

— Ему-то какъ не жить! вздохнула Наталья и выгнала за дверь своего наѣвшагося питомца.

— Теперь ты возьми только, продолжалъ, слѣдуя теченію своей мысли, Макаръ: — такой дорожный участокъ мнѣ присудили, что на немъ пропадать надо. Туда верстъ сто, да оттудова верстъ сто — семь дней и пропало, кромѣ работы.

— Что ужъ тутъ!—вздохнула опять Наталья, унимая раскачиваніемъ кричащаго въ люлькѣ ребенка.

— И сѣрому жеребчику, какъ телушкѣ, стало за жидомъ пропадать, потому, коли ежели не продашь его на Егорьѣ—ну, и ступай по міру.

Сѣрый трехъ-годовалый жеребчикъ былъ капиталомъ Макара Дуботовки: онъ его выростилъ, воспиталъ, кормилъ, часто не доѣдая самъ, и надежда— продать его на ярмаркѣ съ барышами — стала центромъ всѣхъ его финансовыхъ пожеланій.

— А ты отпросись,—сказала Наталья, успокоивъ ребенка и подсаживаясь къ мужу на лавку, — можетъ и отложитъ, коли что...

— Нельзя, сурово отвѣтилъ Макаръ. — Бумага изъ города пришла: Пишутъ, что самъ губернаторъ ѣдетъ, чтобы безпремѣнно дорогу чинили.

— Экое дѣло какое! Да нешто ты ее одинъ починишь? Вонъ и Бычковы, и Жуковы, и Подгорный — всѣ откупились.

— Они откупились, а мнѣ нечѣмъ. Жиду кланялся, такъ нѣтъ, антихристъ эдакой! больно дорого хочетъ...

— А сколько жъ бы ему? полюбопытствовала Наталья.—Цыцъ, проклятые! постучала она въ окно, увидавъ, что ея ребята, босоногіе и бѣлоголовые, оба на одно лицо, гонялись за писарскимъ гусакомъ, ядовито на нихъ шипѣвшимъ. Ребятишки бросились въ разныя стороны, а гусакъ, переваливаясь съ боку на бокъ, со свойственной гусакамъ степенностью, медленно отправился на писарскій дворъ. — Сколько-жъ бы ему? повторила свой вопросъ Наталья.

— Давай, говоритъ, четвертную, безъ того квитанціи не выдадутъ... А мнѣ откудова взять?

— Гдѣ ужъ тутъ? Соли не на что поди купить!

Макаръ посмотрѣлъ вокругъ себя, точно пробуя оцѣнить: нельзя-ли пустить что въ оборотъ; но кругомъ было все такъ скудно и убого, что даже ничѣмъ не брезгующій еврей едва-ли могъ на что прельститься.

— Кабы телушка была! подумала Наталья, но ничего не сказала. Мужъ и жена помолчали.

— А ты-бы къ Сидору Тарасовичу сходилъ,—робко посовѣтовала Наталья, перебравъ въ умѣ одно за другимъ всѣ подходящія средства. Макаръ молчалъ.— Право, родимый; а то какъ-же жеребчикъ-то?

Макаръ словно очнулся. — Эхъ жизнь, жизнь! Нѣту

тебѣ задачи ни въ чемъ, вотъ хоть что хошь! Онъ опустилъ голову, и тоскливое выраженіе пробѣжало по его молодому, но уже какъ будто завядшему лицу.

— Право, Макарушка, сходи, можетъ и отпросишься.

— Да вѣдь просить-то эдакаго звѣря каково? Все нутро выворачиваетъ, а что подѣлаешь!

— Все-бы попытался, продолжала Наталья, съ женской настойчивостью добиваясь цѣли.

Макаръ видимо колебался: онъ то вставалъ, то опять садился на лавку подъ окномъ; наконецъ надѣлъ шапку и пошелъ къ двери.

— А ты поласковѣе, Макаръ, самъ знаешь—начальство.

Макаръ вышелъ изъ хаты.

— А вы все балуете, пострѣлята!—сердито крикнулъ онъ Степкѣ и Ѳедькѣ, сидѣвшимъ верхомъ на заборѣ съ морковью въ рукахъ.—Пошли домой въ хату!

Но пострѣлята, свалившись съ высокаго забора, какъ мѣшки, бросились бѣжать по улицѣ, заливаясь веселымъ хохотомъ своего безпечнаго возраста.

— Эки безпутные!—проговорилъ Макаръ съ несоотвѣтствующей этому строгому слову лаской въ голосѣ:—вѣдь продрогли, небось!..

Услышавъ хозяйскій голосъ, сѣрый жеребенокъ заржалъ подъ навѣсомъ и, повернувъ свою умную голову, словно ждалъ обычной ласки хозяина. И Макаръ, поддавшись всегдашней привычкѣ, подошелъ, погладилъ его по шеѣ, и что-то похожее на грусть, мелькнуло въ сѣрыхъ глазахъ мужика. Постоявъ съ минуту на дворѣ, онъ опять вернулся въ хату.

— А ты, Наталья, коли что, такъ ты того... Ну, да тамъ видно будетъ...—И, не договоривъ, онъ вышелъ. Молодая женщина проводила его тоскливо глазами и, управившись по хозяйству, опять вернулась къ колыбели.

Чтобы пояснить въ чемъ дѣло, я позволю себѣ маленькое отступленіе.

Въ той непроходимой глуши, гдѣ жилъ Дуботовка, приходилось подчиняться такимъ порядкамъ, которые, существуя вопреки здравому смыслу, вопреки мѣстнымъ потребностямъ и въ явный ущербъ хозяйственнымъ интересамъ края, — держались только потому, что не встрѣчали протеста со стороны тѣхъ, на кого непосредственно ложилась ихъ тягость. Напримѣръ, починка дорогъ, составляя здѣсь натуральную крестьянскую повинность, была совершенно не натуральна въ своемъ отправленіи. Дорожные участки были распредѣлены такимъ удивительнымъ способомъ, что крестьянамъ приходилось отправляться въ отведенныя имъ мѣста за 70, 80 и даже за 100 верстъ, т. е. употреблять на путешествіе туда и обратно около семи дней, какъ справедливо жаловался Дуботовка. Понятно, что, желая избѣгнуть такого неестественнаго отправленія этой натуральной повинности, мужикъ взывалъ о помощи. И помощь въ видѣ предпріимчиваго и на все готоваго еврея немедленно являлась: мужикъ проситъ— еврей торгуется, мужикъ кланяется — еврей набиваетъ цѣну, и, въ концѣ концовъ, совершается, по всей формѣ, денежная сдѣлка, въ силу которой крестьянинъ сдаетъ за извѣстную плату свой участокъ еврею, а еврей, получивъ квитанцію въ исправномъ состояніи путей (причемъ строго соблюдается установленная такса), оставляетъ дороги на произволъ всѣхъ стихій и всѣхъ временъ года. Иногда заплатить бываетъ нечѣмъ, и тогда крестьянинъ, проклиная свою горькую судьбу, плетется съ котомкой за плечами чинить и улучшать какой-нибудь клочекъ за тридевять земель. Невозможное состояніе дорогъ

описываемой мѣстности обусловливаетъ собою бюджетъ тѣхъ доходовъ и расходовъ, о которыхъ принято обыкновенно умалчивать, а если и говорить, то не иначе, какъ иносказательно и съ помощью многоточія.

Макаръ Дуботовка былъ въ положеніи мужика, которому заплатить нечѣмъ: сдѣлка съ евреемъ, запросившимъ несообразную цѣну, не состоялась, и Дуботовкѣ приходилось тащиться, покинувъ жену и ребятъ, при ненастной осенней погодѣ. Разумѣется, такія отлучки были ему не въ диковинку; но въ этотъ разъ безотчетное чувство какой-то тоски, вмѣстѣ съ жалостью къ сѣрому жеребчику, сжимало сердце Макара, когда онъ вспоминалъ о предстоящемъ путешествіи.

Выйдя за ворота своего двора, Макаръ остановился: надвигались сумерки и холодный вѣтеръ насквозь пронизывалъ испещренный заплатами тулупъ мужика. Направо былъ шинокъ, налѣво—большая дорога. Макаръ постоялъ, подумалъ и повернулъ направо. Надъ шинкомъ привѣтливо и тускло горѣлъ фонарь. «Зайти что ли?» мелькнуло у него въ умѣ. «Нѣтъ лучше обойду,—ну, его!» Но черезъ минуту онъ уже стоялъ у стойки, а услужливый еврей проворно наливалъ косушку за косушкой. Выходя изъ шинка съ тяжелой головой и рѣшительнымъ видомъ, Макаръ нахлобучилъ свою баранью шапку и быстро пошелъ къ волостному правленію. Было уже совсѣмъ темно, похолодѣло, вѣтеръ съ каждой минутой усиливался, но Макаръ ничего не замѣчалъ и не чувствовалъ. «Ну, какъ не пуститъ», мысленно проговорилъ онъ, сжимая кулакъ и мрачно смотря въ темную даль. Большая деревня съ своими низкими, точно придавленными хатами, вытянувшимися въ одну ровную линію, утопала во тьмѣ и только въ волостномъ правленіи, какъ два глаза, свѣтились

двѣ свѣчки сквозь закоптѣлыя стекла двойныхъ рамъ. Это волостное правленіе обошлось крестьянамъ ровно въ шесть тысячъ, не считая даровыхъ рабочихъ рукъ и дешеваго въ той странѣ лѣснаго матеріала и, кромѣ того, ежегодно ремонтировалось на крестьянскія деньги.

Старшина Сидоръ Тарасовичъ сидѣлъ за самоваромъ, очередуя водку съ чаемъ, когда Макаръ Дуботовка поднялся на высокое мокрое крыльце.

VI.

Старшина Волчьей волости, Сидоръ Тарасовичъ Кулакъ, носилъ свое званіе съ умѣньемъ и такъ въ немъ укрѣпился, что не только считалъ его для себя созданнымъ, но полагалъ, что никакія силы не въ состояніи его сдвинуть съ этого волчьяго трона. И онъ былъ правъ: подъ сѣнью покровительственной опеки Петра Ивановича, разжирѣвъ на крестьянскомъ трудѣ и даровомъ хлѣбѣ, онъ, какъ полновластный хозяинъ, распоряжался имуществомъ, трудомъ, честью и даже, можно сказать, жизнью нѣсколькихъ тысячъ людей. Это былъ самый тяжелый видъ закрѣпощенія. Тутъ возникла своего рода барщина, гдѣ барами были, во-первыхъ, свой братъ міроѣдъ и еврей, а во-вторыхъ, посредникъ, которые, наживаясь и властвуя временно, не имѣли никакого резона щадить мужика.

Старшина зналъ свою силу: она была у него въ туго набитой мошнѣ. Онъ хлопалъ себя по карману, говоря: «вывезетъ!»—и его вывозило. Накопляясь годъ отъ года, переходя изъ копѣекъ въ рубли, сотни и тысячи рублей, крестьянскіе гроши обезпечивали ему безнаказанность такихъ дѣйствій, которыя другаго и въ дру-

гомъ мѣстѣ могли-бы привести въ острогъ или куда-нибудь дальше; но здѣсь деньги были самымъ надежнымъ оплотомъ, и пропорціонально тому, какъ онѣ росли, росла сила старшины. Мужикъ кланялся ему въ ноги, отпрашиваясь отъ какой-нибудь повинности, подходилъ къ рукѣ, какъ подъ благословеніе, работалъ на него и безпрекословно ему повиновался. На старшину управы не было: посредникъ сажалъ его рядомъ съ собою на диванъ, собственноручно подносилъ ему водку и простиралъ дружбу такъ далеко, что, взявъ у него взаймы или, какъ говорятъ въ томъ краѣ, «пожичивъ», забывалъ отдать; кромѣ того, у нихъ велись сообща и разные другіе «гешефты». На старшину не только не было управы, на него нельзя было и жаловаться, а въ его арсеналѣ исправительныхъ и карательныхъ мѣръ, кромѣ произвольныхъ штрафовъ, арестовъ и розогъ, былъ еще и собственный здоровый кулакъ, его однофамилецъ, которымъ онъ распоряжался безъ всякой экономіи, считая его наравнѣ съ медалью, аттрибутомъ своей власти и самымъ надежнымъ средствомъ укрощенія строптивыхъ. Въ первое-же трехлѣтіе своего безотвѣтственнаго управленія волостью, старшина показалъ себя съ самой лучшей стороны; онъ искалѣчилъ нѣсколькихъ человѣкъ «за супротивство противъ закона», т. е. противъ своей власти, и нѣсколькихъ разорилъ въ конецъ. Я не считаю тѣхъ, которые высидѣли на хлѣбѣ и водѣ въ холодной, поплатились штрафами и подверглись законному числу ударовъ розгами—такихъ уже перестали считать. Зато старшина несомнѣнно увеличилъ доходную производительность каждаго мужика, и тамъ, гдѣ мужикъ прежде платилъ рубль, съ него стали получать три, четыре и больше. Какъ-то разъ избитые мужики вздумали пожаловаться посреднику, но тотъ ихъ вытолкалъ и слушать не сталъ; мировой съѣздъ хотя и выслушалъ, но ничего не сдѣлалъ, а губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, руководствуясь, конечно, закономъ, передало жалобу тому же посреднику, на котораго жаловались. Это значило рѣшить вопросъ безъ всякихъ хлопотъ. Крестьяне догадались, въ чемъ дѣло и замолчали. Въ это-то время подоспѣлъ Щелкуновъ.

Сидоръ Тарасовичъ уже наливалъ себѣ шестую рюмку, когда въ волостное правленіе вошелъ Макаръ Дуботовка. Передъ старшиной сидѣлъ писарь Курочка. Въ просторной комнатѣ, съ лубочными картинками по стѣнамъ, было жарко натоплено, отъ кипѣвшаго самовара шелъ паръ, и дымъ писарской папиросы зеленоватою пеленой неподвижно стоялъ въ густомъ воздухѣ. Нагорѣвшія сальныя свѣчи тускло освѣщали пространство около стола, оставляя въ совершенномъ мракѣ дальніе углы и входную дверь.

Войдя, Макаръ Дуботовка кашлянулъ, давая знать о своемъ присутствіи.

— Кто тамъ?—крикнулъ сиплымъ голосомъ старшина, снимая пальцами нагорѣвшій фитиль свѣчи и всматриваясь въ глубину комнаты.

— Это я, по своему дѣлу, Сидоръ Тарасовичъ,—отозвался изъ своего угла Макаръ.

— Да кто ты таковъ, чтобы по своему дѣлу безъ времени таскаться!.. Дѣлъ-то вашихъ всѣхъ не передѣлаешь... Черти! Не знаете часу. Вздохнуть не дадутъ, проклятое отродье!—ворчалъ старшина. Чтобъ васъ!

Онъ зѣвнулъ, перекрестился и, снявъ фитиль съ другой свѣчи, растеръ его на полу ногою.

Такое начало не предвѣщало успѣха, но подогрѣтый водкой Макаръ не хотѣлъ отступить. На минуту водво-

рилось молчаніе, и только осеннія мухи, отогрѣтыя высокой температурой комнаты, жужжали и бились между балками потолка.

— Чего надо?—грубо спросилъ старшина.—Небось опять о недоимкѣ?

— Недоимки за мной, Сидоръ Тарасовичъ, нѣтъ! За недоимку у меня послѣднюю телушку продали.

— Послѣднюю телушку,—передразнилъ старшина.— А ты не доводи себя до этого, плати во-время, прибавилъ онъ наставительно и мягче.

— Я на счетъ опять, значитъ, того... Я все на счетъ участка...

— Чего на счетъ участка? спросилъ старшина, поворачиваясь къ нему лицомъ.

— Да далече-то больно, не сподручно... Опять же Егорій на дворѣ. Ослобоните; я, Сидоръ Тарасовичъ, вашей милости заслужу, говорилъ Макаръ, вспоминая наставленіе жены о ласковости къ начальству и думая въ то же время: «Чертъ бы тебя подралъ, дьявола эдакаго»...

Старшина налилъ рюмку, подумалъ и налилъ другую писарю. Тотъ съ необыкновенною ловкостью опрокинулъ ее себѣ въ ротъ. Подъ потолкомъ жужжали мухи.

«Ишь, черти, пьютъ!» подумалъ съ завистью Макаръ и рѣшился опять приступить.

— Ослобоните, Сидоръ Тарасовичъ, сдѣлайте божескую милость,—принудилъ онъ себя выговорить, подавляя накопившійся гнѣвъ и вертя въ рукахъ свою шапку.—Опять же ярманка въ пятницу...

Старшина выпилъ рюмку и поглядѣлъ на Дуботовку.

— Сказано ступай,—ну, и маршъ! Понимаешь? Чтобы безъ разговора, потому ежели, значитъ, сегодня слушать тебя, завтра Ивана, послѣ-завтра болвана, а тамъ еще какого лѣшаго, то на это нашихъ силъ не хватитъ... Поворачивай оглобли, нечего попусту толочься. Акулина Савишна!—крикнулъ старшина за перегородку, давая этимъ знать, что аудіенція кончена:— Убирайте самоваръ, да ставьте чего тамъ закусить. А ты ступай!... Сказано разъ: поворачивай оглобли-то!

Но Макаръ не только не повернулъ оглоблей, а сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и вступилъ въ полосу свѣта.

— Сидоръ Тарасовичъ, мочи моей нѣту, опять-же ярманка... Воля ваша...

— Не моя воля, а законъ!—крикнулъ старшина.— Бумага получена, понимаешь?

— Отъ господина становаго... бумага, да... бормоталъ писарь, тупо ворочая пьянымъ языкомъ.

— Ихъ превосходительство губернаторъ ѣдутъ, продолжалъ старшина. Ступай, говорятъ, вонъ.

И старшина опять обернулся къ графину.

— Вотъ что, Сидоръ Тарасовичъ... Какъ что тамъ будетъ, а я не пойду, потому силъ-мочи моей нѣту!— вдругъ сердито и рѣшительно выговорилъ Макаръ, истощивъ весь запасъ самообладанія. Подъ вліяніемъ грубой рѣчи старшины и паровъ водки, бросившихся въ голову въ жарко натопленной комнатѣ, Макаръ мгновенно вышелъ изъ себя.—Воля ваша, не пойду!

— Такъ ты, значитъ, противъ закона, бунтовщикъ!— выпрямился во весь ростъ старшина.—Такъ ты сопротивляться, значитъ?.. И онъ подступилъ къ мужику, смотря разбѣгавшимися злыми глазами. Макаръ невольно попятился назадъ.

— Какой тамъ законъ, когда вы насъ съ посредникомъ продали жидамъ...

— Цыганамъ продамъ!—крикнулъ старшина, не вла-

дѣя собой отъ гнѣва.—Слышь ты, цыганамъ!.. Ахъ ты такой-сякой!

И здоровый кулакъ старшины сбилъ съ ногъ Макара Дуботовку.

— Сторожъ! Еремка!—крикнулъ онъ, отворивъ ногой дверь въ волостное правленіе:—тащи, волоки его въ холодную... На хлѣбъ на воду... Заковать его, бунтовщика!

Кулачная расправа кончилась безобразно и, какъ всегда, у сильнаго былъ виноватъ безсильный.

VII.

Поминутно заглядывая со двора въ непроглядную темь осенней ночи, ждала Наталья своего мужа. Въ деревнѣ часовъ нѣтъ, но для того, кто ждетъ, время тянется также медленно, какъ и тогда, какъ на него указываетъ стрѣлка циферблата. Наталья видѣла, какъ въ сосѣдней избѣ, у старой солдатки Арины, зажгли лучину, какъ она, догорая, погасла, какъ гасли одинъ за другимъ всѣ огни ихъ улицы—что означало, по крестьянскому опредѣленію, близость полуночи—и сердце ея сжималось отъ недобраго предчувствія какой-то бѣды. Тоска захватывала ее все сильнѣе и сильнѣе, и она инстинктивно, ища противодѣйствія отъ этой всепоглощающей тоски, безпрестанно подходила къ колыбели своей семи-мѣсячной больной дѣвочки. Ребенокъ метался въ жару, и бѣдная мать, со страхомъ и ничего не понимая, тупо глядѣла на крошечное личико, завернутое въ худыя, грязныя тряпки. Она ее вынимала изъ люльки, подносила къ груди, опять укладывала и, не зная, что дѣлать и какъ помочь, вдругъ горько, безпомощно заплакала... А ночь медленно совершала свой путь надъ спящей деревней. Это была

тихая и темная ночь: ни звѣздъ, ни мѣсяца; казалось, конца не будетъ этой безразсвѣтной тьмѣ. Къ утру ребенокъ уснулъ спокойнѣе, забылась тяжелымъ сномъ и Наталья, поминутно вздрагивая и просыпаясь. Вдругъ на сосѣднемъ дворѣ пропѣлъ пѣтухъ, за нимъ другой, третій и, словно повторяя одинъ другаго, привѣтствовали они своимъ однообразнымъ крикомъ занимающееся утро. По деревнѣ встаютъ рано, и когда у тетки Арины снова засвѣтилась лучина, борясь своимъ красноватымъ пламенемъ съ наступающимъ сѣрымъ днемъ, къ Натальѣ кто-то постучался. Съ сильно бьющимся сердцемъ бросилась она къ двери.

— Макаръ, ты?—проговорила она, отмыкая дрожащими руками задвижку.

— Погоди Макара-то звать, Макара-то еще нѣтути,—раздался за дверью дребезжащій старческій голосъ, и вся съежившаяся старуха, вся спрятанная подъ разнымъ тряпьемъ и полотенцами, показалась на порогѣ хаты. Наталья остановилась и молча, вопросительно глядѣла на старуху своими карими, еще красивыми глазами.

— Ты не пугайся, Натальюшка, а съ твоимъ хозяиномъ не ладное приключилось...

— Гдѣ онъ?—спросила чуть слышно Наталья, почти угадывая отвѣтъ.

— Да ты дверь-то хоть притвори, вишь холоду напустили... Ты не бойся,—бормотала старуха: онъ въ вѣрномъ мѣстѣ...

— У старшины?—подсказала Наталья, и щемящая боль сжала ея сердце, когда она вспомнила свои вчерашнія рѣчи.

— У него, у аспида, въ холодной. Бунтовалъ твой-

то; Еремка у колодца бабамъ сказывалъ: такой, говоритъ, лютый...

— Господи!—воскликнула съ отчаяньемъ Наталья. Вѣдь это я его къ старшинѣ послала... Ахъ, тетка!

И горячія слезы потекли по ея изнуренному лицу.

Наталья была простая баба: она ничего не знала, нигдѣ не бывала дальше своего села, но она чувствовала горе, какъ всякая другая женщина, и внезапное исчезновеніе Макара, подъ замкомъ у лютаго старшины, поразило ее въ самое сердце тѣмъ сильнѣе, что она во всемъ винила себя. Наплакавшись вволю подъ причитанья тетки Арины, сообразивъ все, что можно было сообразить изъ безсвязной рѣчи старой солдатки, Наталья накинула на голову платокъ, перекрестилась и вышла изъ хаты. Она пошла прямо въ правленіе. Вся деревня была давно уже на ногахъ и за работой; встрѣчные перекидывались съ нею двумя-тремя словами; бабы, съ ведрами за плечами, смотрѣли ей вслѣдъ, переговариваясь между собою. Новость о Макарѣ была уже извѣстна всѣмъ черезъ словоохотливаго сторожа Еремку; всѣ, кромѣ того, знали, что Макаръ сидитъ за буйство.

— Вѣдь старшина-то звѣрь, вѣдь онъ его теперь задушитъ,—толковали въ избѣ у Петра Подгорнаго.

— Жаль парня-то!—сказалъ, соболѣзнуя, Степанъ Черкасъ, зашедшій подѣлиться новостью со старикомъ Подгорнымъ, который, что-то не домогая, нѣсколько дней никуда не выходилъ.

— Долго-ли вамъ этого аспида, прости Господи, терпѣть?—спрашивала его невѣстка, большая пріятельница и кума Натальи, старательно отправляя горшокъ въ печку.

Старшины не было дома, когда Наталья робко постучалась въ дверь волостнаго правленія. Сердце у нея сжималось отъ жалости, и слезы поминутно подступали къ глазамъ. Всегда заспанный Еремка, просунувъ носъ въ полуотворенную дверь, тотчасъ же захлопнулъ ее опять, узнавъ хозяйку Макара.

— Не велѣно пущать, не велѣно никого пущать!—махалъ онъ руками, стоя за дверью.

— Тимоѳеичъ!—сдѣлай такую божескую милость...

— И не просись! — говорилъ онъ въ щель.

— На минуточку, только бы взглянуть...

— Никакъ невозможно. С а м о м у поклонись, Наталья Гавриловна: изобью, говоритъ, коли что... Небось, знаешь каковъ!

— Еремѣй Тимоѳеичъ!..

— Ступай, ступай себѣ съ Богомъ!

— Тимоѳеичъ, голубчикъ, скажи ты мнѣ только, живъ ли онъ, мой родимый!

— Какъ не быть живымъ? Сердитый такой. Я ему: не хочешь ли, молъ, хлѣбца? А онъ мнѣ кулакъ показываетъ. Ступай, ступай, Натальюшка, неравно застанетъ... бѣда! Иди, говорю, съ Богомъ!

Но Наталья не двигалась съ мѣста; она словно приросла къ той двери, за которой, какъ звѣрь въ клѣткѣ, былъ запертъ Макаръ Дуботовка. Разсердившись на ея упорство, сторожъ Еремка окончательно заперъ дверь и, нарочно стуча сапогами, отправился на свое обычное мѣсто въ уголъ за печку, гдѣ онъ, дымя махоркой, пребывалъ большую часть дня и ночи въ горизонтальномъ положеніи и въ состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ.

— Голубчикъ мой!—проговорила Наталья. Вѣдь тутъ близехонько, а не пускаютъ, христопродавцы эдакіе! Жалости въ нихъ нѣту... Нешто опять постучать?

Она чуть тронула скобку.

Еремка и вида не подалъ, что слышитъ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ не слыхалъ. Прождавъ часа два, не зная, сколько прошло времени, страдая за мужа и за больнаго ребенка, Наталья пошла домой. Такъ протянулось трое томительныхъ сутокъ. Каждый день по нѣскольку разъ бѣгала она въ волостное правленіе, кланялась старшинѣ въ ноги, сулила Еремкѣ пятакъ, но волостной церберъ былъ неподкупенъ, и Наталья уходила съ растерзаннымъ сердцемъ домой.

— Не велѣно пускать! Потерпи до пятницы, на Егорья выпустимъ!—твердилъ Еремка.—Просись у самаго,—прибавилъ онъ въ очищеніе своей совѣсти.—Изобью, говоритъ, коли что!—болталъ онъ тѣ же самыя слова, и Наталья, постоявъ у двери, подождавъ и поплакавъ, тащилась по грязи домой, не замѣчая ни дождя, ни вѣтра, хлеставшихъ ее прямо въ лицо и заплаканные глаза. Никогда она такъ не жалѣла и не любила своего Макара. Она тѣмъ больше любила и жалѣла его, что считала себя первой и главной причиной обрушившейся на него бѣды. Такъ прошло пять дней. Настала пятница, день освобожденія Макара. Наталья почти не спала всю ночь; забываясь тревожнымъ сномъ, она безпрестанно просыпалась и, вспоминая, что это пятница, начинала радостно креститься. Стало свѣтать; на востокѣ показалась красная полоса зари, погода обѣщала разгуляться, и восходящее солнце освѣтило своими лучами словно застывшія бѣлыя облака. Но, увы! Не на радость озарило яркое осеннее солнце убогую хату Макара Дуботовки: въ ту минуту, когда прибравшаяся Наталья загребла въ печкѣ жаръ, приступая къ обѣду, котораго не готовила четыре дня, кормя ребятъ кое-чѣмъ съ помощью солдатки Арины—

на улицѣ, подъ самыми окнами хаты, послышался шумъ, неясный говоръ нѣсколькихъ голосовъ и, минуту спустя, топотъ тяжелыхъ мужицкихъ сапогъ въ темныхъ, заставленныхъ разнымъ хламомъ, сѣняхъ хаты. Предчувствуя что-то неожиданное и зловѣщее, объятая ужасомъ какой-то новой бѣды, Наталья бросилась къ двери, и въ ту минуту, когда она ее распахнула, страшная картина представилась ея глазамъ: нѣсколько крестьянъ, поддерживая окровавленнаго и едва переступающаго Макара, ввели его въ избу.

— Родимый ты мой!—вскрикнула Наталья и обхватила мужа руками. Макаръ слабо и болѣзненно застоналъ.

— Убилъ! убилъ, злодѣй! прошептала она и безъ чувствъ, словно подкошенная, упала на лавку среди плача ребятъ, стоновъ Макара и говора крестьянъ, на суровыхъ и обычно-безучастныхъ лицахъ которыхъ выражалось губокое состраданіе.

А вечеромъ сторожъ Еремка, улучивъ свободную минуту, разсказывалъ у колодца, «что какъ это его выпустили, а онъ повстрѣчалъ старшину, да вмѣсто благодарности и зачни его ругать всякими словами, а тотъ повалилъ его на земь, да и давай его таскать».

— Спасибо Бычковымъ,—прибавилъ Иванъ Хмѣлевскій,—а то-бы на смерть: насилу отняли...

— Охъ! охъ! охъ!—вздыхала тетка Арина.—Что-же это съ нимъ приключилось? Парень-то смирный, вѣдь сосѣди... Нешто выпимши былъ,—сообразила она.

— Все время пилъ, я и полушубокъ закладывать носилъ,—добросовѣстно пояснилъ Еремка.

На другой день у Макара открылась горячка. Наталья не оставляла его ни на минуту; Степку съ Федькой взяла на свое временное попеченіе невѣстка

Петра Подгорнаго, Степанида, а старая солдатка Арина возилась у колыбели.

Сѣрый жеребчикъ попалъ къ тому-же еврею, который уже владѣлъ макаровымъ полушубкомъ.

VIII.

Происшествіе съ Макаромъ дало новый аргументъ въ руки Гаврику Щелкунову. Онъ былъ почти радъ, что случилось именно такъ, какъ случилось, и, соболѣзнуя о Макарѣ, въ тоже время тотчасъ смекнулъ, что такой выдающійся случай поправитъ дѣло гораздо лучше безпрестанныхъ мелкихъ притѣсненій, которыя, войдя почти въ норму мѣстной жизни крестьянъ, принимались ими, какъ нѣчто неизбѣжное, какъ градъ, засуха, наводненіе или пожаръ.

На третій день послѣ исторіи съ Макаромъ, въ еврейскомъ шинкѣ собрались опять знакомые намъ крестьяне: тутъ были братья Бычковы, Филипъ Тилипутъ, состоящій въ дальномъ родствѣ съ Дуботовкой, Петръ Подгорный, Иванъ Хмѣлевскій, Степанъ Черкасъ и новый членъ собранія, Василій Крюкъ. Степанъ Черкасъ былъ, какъ извѣстно, сельскимъ старостой и потому считался всѣми законникомъ и докой. Гаврикъ Щелкуновъ явился послѣ всѣхъ и тотчасъ повелъ рѣчь о главномъ предметѣ

— Сами видите, каково: вѣдь человѣкъ жизни рѣшился,—началъ Щелкуновъ, предсѣдательствуя по обыкновенію въ собраніи.— Ну, что-же, ребята?—посмотрѣлъ онъ вопросительно на всѣхъ.

— Да что, Гаврила Тимоѳеичъ: вѣстимо плохо.

— Чего хуже, проговорилъ Тилипутъ, — Жена убивается—страсть!

— Какъ-же дядя Гаврикъ, по твоему?—спросилъ старикъ Подгорный, желая обсудить планъ дѣйствія.

— Очень просто,—сказалъ рѣшительно Щелкуновъ:—долой старшину-разбойника, да и баста! Вѣдь вы-же его выбирали, вамъ его и смѣнять.

— Таковъ-же нашъ и выборъ...

— Нешто насъ спрашиваютъ?—сказали Бычковы.

— Вишь чего захотѣлъ!—засмѣялся Василій Крюкъ.

— Ну, такъ стало и церемониться нечего. Долой съ него медалю: какой онъ старшина, когда онъ своей волости злодѣй!—воскликнулъ дядя Гаврикъ.

— Но именно потому, что Гаврикъ былъ такъ рѣшителенъ, крестьяне начали подаваться назадъ.

— Кабы вся волость заодно, а то какъ-то боязно,—проговорилъ законникъ и дока Степанъ Черкасъ.—Шкуры-то своей, поди, жалко... Отдерутъ, какъ сидорову козу, а пожалуешься—еще накладутъ. Надо по закону, а не то что зря! Снять медалю недолго, а ты намъ, Гаврила Тимоѳеичъ, законную точку укажи.

— Это онъ, братцы, вѣрно говоритъ,—сказалъ старикъ Подгорный.

— Что говорить,—качали головой другіе.

Щелкунова начинала разбирать досада.

— Экіе дубоголовые! Та вамъ и законная точка, что по царскому положенію вамъ, т. е. самимъ крестьянамъ, предоставлено право выбора старшины: не захотѣли одного — ставьте другаго. Тараса долой, Ѳедора али Бориса на его мѣсто. Вы только разсудите: за что Макаръ пострадалъ? Нешто такъ можно? Вѣдь это убивство! Какой-же законъ?

— Что ужъ тутъ!—вздохнули мужики.

— Изувѣчилъ совсѣмъ, почитай и живъ не будетъ,—сказалъ Филиппъ Тилипутъ.

— Вотъ то-то же! Долой его дьявола, и баста! воскликнулъ Щелкуновъ.—Вѣдь я для кого? Для васъ-же! А мнѣ что?

Мужики молчали.

— Что-же, мы, какъ всѣ...

— Отъ міра не отстанемъ,—прибавилъ Василій Крюкъ, смотря на другихъ.

— Вѣстимо,—сказали разомъ Филиппъ Тилипутъ и Иванъ Хмѣлевскій.

— А я вотъ что ребята, надумалъ,—произнесъ все время молчавшій старикъ Подгорный,—подождемъ до срока. Ему какъ разъ передъ Миколой срокъ, Еремка сказывалъ и посредственникъ будетъ; ну, мы тогда на сходкѣ и заявимъ: другаго, молъ, желаемъ, а тѣмъ временемъ подыщемъ кого... Потому такъ зря—опасно.

— Вѣстимо опасно...—сказали мужики.

— Подождать, такъ подождать—и то можно,—согласился Щелкуновъ, видя передъ собой какое ни на есть достиженіе цѣли.—Ладно, что-ли, ребята?

— Ладно, ладно: оставимъ до срока,—заговорили мужики, шумно поднимаясь изъ-за стола и весьма довольные этой мѣрой, которая кромѣ того, что была совершенно законна, еще имѣла преимущество отсрочки.

— Ну, смотрите-же, ребята, не сплошать!—сказалъ Щелкуновъ и пошелъ къ двери.

— Не дураки тоже? До срока, такъ до срока—благо ждать не долго...

И дѣло было отложено.

Мужики вышли вслѣдъ за Щелкуновымъ, и шинокъ опустѣлъ.

— Вишь что затѣваютъ!—проговорилъ сонный еврей и сталъ пересчитывать гроши. — Не хай себѣ, какъ знаютъ,—прибавилъ онъ равнодушно, и заперъ дверь.

IX.

Подождемъ до срока, теперь ужъ недолго!—сказали сосновцы, и стали ждать срока. О принятомъ рѣшеніи оповѣстили сосѣднія деревни. Крестьянскій міръ тихо волновался, готовясь выразить свое неудовольствіе и, въ случаѣ надобности, дать отпоръ.

Насталъ день выбора.

На крыльцо волостнаго правленія, въ сопровожденіи писаря, вышелъ старшина. Онъ былъ въ длинномъ кафтанѣ синяго сукна, съ медалью на широкой груди. Къ полудню ждали посредника, за которымъ еще наканунѣ услужливый арендаторъ Цапликъ отправилъ подставу.

Писарь, малый лѣтъ двадцати-пяти, съ красивымъ, но противнымъ лицомъ отъ постоянно игравшей на немъ нахальной улыбки, состоялъ когда-то въ почтальонахъ, но проворовался, былъ уволенъ и, какъ человѣкъ, умѣющій читать и писать и, вдобавокъ, испытанной вѣрности, былъ назначенъ писаремъ въ волость, гдѣ не умѣлъ читать даже старшина. Одинъ грамотный на всю волость—это-ли не раздолье? Писарь Курочка имѣлъ и еще одно достоинство: умѣлъ пить, т. е. будучи пьянымъ, держался на ногахъ и могъ отыскать какую угодно статью. Стоя возлѣ старшины съ папиросой въ зубахъ и закрывшись рукою отъ солнца, онъ напряженно смотрѣлъ на большую дорогу, покрытую первымъ зимнимъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго во многихъ мѣстахъ пробивались грязные ручьи. Въ перспективѣ, въ неправильномъ треугольникѣ, образуемымъ волостнымъ правленіемъ, общественнымъ магазиномъ и колодцемъ, виднѣлась группа крестьянъ.

— Должно, сейчасъ будетъ,—сказалъ Курочка, обращая свою рѣчь къ старшинѣ.

— Самая бы пора,—отвѣтилъ съ неудовольствіемъ старшина.—Съ утра толчешься, пора бы и выпить. Экъ галдятъ!—замѣтилъ онъ презрительно, показавъ рукою въ сторону мужиковъ,—а все безъ толку...

— Свой толкъ есть, Сидоръ Тарасовичъ. А вы какъ на счетъ выборовъ полагаете? Вѣдь не очень-то вы имъ желательны, особливо послѣ дѣла съ Макаркой. Неловко выбрали время, увлеклись-таки маленько, — подсмѣивался писарь.

Старшина отвернулся и поправилъ у себя на груди медаль.

— Ихъ желаньевъ-то не больно кто спрашиваетъ,—сказалъ онъ сухо.

— Ну, все-же безъ спроса нельзя, — хотя бы для формальности одной, — продолжалъ въ томъ же тонѣ писарь: — потому ежели мы попирать законъ будемъ, то, стало, и имъ туда же дорогу укажемъ. Нынче, Сидоръ Тарасовичъ, народъ сталъ переимчивъ.

Старшина зѣвнулъ, давая этимъ понять, что разговоръ не интересуетъ его, но писарь не понялъ и внушительно, съ оттѣнкомъ добродушія, продолжалъ:— Надо умѣренность соблюдать, Сидоръ Тарасовичъ, а вы ужь такъ пошли, словно надъ вами нѣтъ и закона.

— Куда какъ ты смѣшно разсуждаешь!—перебилъ его старшина.—Ну, на что мужику законъ? Вотъ хоть бы тебя взять: назначилъ тебя господинъ посредникъ за то, что твоя жена ихней супругѣ чѣмъ-то угодила, и баста! и разговору никакого... Причемъ же тутъ законъ?—кольнулъ въ свою очередь старшина писаря.

— Оно такъ-то такъ,—согласился писарь,—да все, знаете, какъ за букву-то обѣими руками держишься, такъ оно вѣрнѣй... А вонъ никакъ и сами Петръ Ивановичъ ѣдутъ! — прибавилъ онъ, растирая ногой поспѣшно брошенную папиросу.

— Онъ самый и есть,—сказалъ старшина,—обдергиваясь и поправляя медаль.

Къ крыльцу волостнаго правленія лихо подкатила арендаторская тройка вороныхъ. Мужики сняли шапки; писарь и старшина быстро спустились съ крыльца, почтительно вытянувшись. Закутанный въ скунсовый воротникъ, вылѣзъ изъ саней посредникъ и, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ писаремъ и старшиной, медленно и важно поднялся на лѣстницу.

— Все готово?—спросилъ онъ на ходу, обращаясь къ старшинѣ.

— Какъ изволили приказать, — отвѣтилъ тотъ, почтительно кланяясь спинѣ посредника.

Вошли въ волостное правленіе. Писарь вдругъ куда-то исчезъ, словно провалился, а старшина, принявъ посредникову шубу, остановился у двери, слегка прислонившись къ притолкѣ.

— А на тебя, братъ, опять жалоба, — сказалъ посредникъ, смотрясь въ зеркало, которое имѣло способность отражать все въ голубомъ цвѣтѣ.

Старшина сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и смотрѣлъ съ вопросительнымъ знакомъ на лицѣ.

— И, какъ надо полагать, основательная,—продолжалъ посредникъ, внимательно себя причесывая.

— Это на счетъ Макарки?—освѣдомился осторожно старшина, предупреждая посредника.

— Да на счетъ Макара Дуботовки, — подтвердилъ тѣмъ же тономъ Петръ Ивановичъ, повернувшись затылкомъ къ голубому зеркалу и взглянувъ на старшину.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, самый распутный мужикъ, его бы...

— Однако, ты его изувѣчилъ, — прервалъ посредникъ, подходя къ окну.

— Я? то-ись пальцемъ не тронулъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ,—божился Кулакъ, нагло призывая Бога въ свидѣтели.—Онъ первый въ драку полѣзъ... Такой мужикъ, что всю волость взбунтовалъ, какъ есть на всю площадь кричалъ... Вы, говоритъ, ребята, смотрите во что въѣхало волостное правленіе; наши, говоритъ, гроши да по чужимъ карманамъ пошли. Даже осмѣлился про ваше высокоблагородіе помянуть. Только этихъ непристойныхъ словъ глупаго мужиченки повторять не хочется. Вы, говоритъ, насъ съ посредникомъ жиду продали. Писарь засвидѣтельствовать можетъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ.

— Ну?—произнесъ посредникъ, быстро обернувшись и смотря на старшину.

— Я его въ холодную, пять денъ на хлѣбѣ и водѣ продержалъ, думалъ—усмирится, прочувствуетъ, а онъ вышелъ, да тутъ же, подлецъ, на площади и началъ? Опять про ваше высокоблагородіе помянулъ... Тутъ ужь я не могъ себя сдержать и, признаться, маленько точно-что его помялъ...

— Такъ помялъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ подняться...

— Лѣнивый мужикъ, ваше высокоблагородіе, хотя, съ другой стороны, точно, что я отъ всей души... Да какъ же можно-съ,—говорилъ старшина съ возрастающимъ негодованіемъ,—когда онъ осмѣлился про эдакую, можно сказать, особу...

Петръ Ивановичъ даже поморщился: что-то въ родѣ физической брезгливости мгновенно пробѣжало по его

нервному, желчному лицу; но это было всего одна минута. Онъ тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Кого хотятъ? не слыхалъ?—перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Андрея Качалова,—отвѣтилъ Кулакъ шопотомъ, подходя къ столу и наклоняясь.

— Нельзя: подъ слѣдствіемъ былъ.

Старшина назвалъ еще нѣсколькихъ крестьянъ.

— Стало кого угодно, только не тебя!—усмѣхнулся посредникъ, вытирая носовымъ платкомъ цѣпь.

— На вашу милость надѣюсь,—проговорилъ Кулакъ, смотря на посредника почти набожно и сложивъ руки, какъ передъ иконой.

Но Петръ Ивановичъ и безъ того уже рѣшилъ, что, кромѣ Кулака, не будетъ старшиной никто другой.

— Кликни писаря,—сказалъ онъ сухо, и, надѣвъ цѣпь, сталъ еще важнѣе и неприступнѣе.

Въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ вышелъ Петръ Ивановичъ на крыльцо въ своей форменной фуражкѣ и новой скунсовой шубѣ. Толпа крестьянъ придвинулась ближе. Всѣ были безъ шапокъ, всѣ стояли, понуривъ головы подъ пристальнымъ взглядомъ Кулака, но съ твердымъ рѣшеніемъ отстоять свой выборъ. Стало совсѣмъ тихо. Писарь, выступившій нѣсколько впередъ, что-то прочелъ, посредникъ что-то сказалъ, даже довольно долго говорилъ, но изъ его рѣчи крестьяне поняли только одно: они поняли, что Сидоръ Тарасовичъ Кулакъ не только первый старшина въ губерніи, но и такой человѣкъ, лучше какого желать не надо. Въ концѣ своей рѣчи посредникъ упомянулъ о законѣ: слово «законъ» было аккордомъ, безъ котораго не могла обойтись эта музыка. Во имя будто-бы закона, они возили посреднику дрова, строили волост-

ное правленіе, жертвовали на историческіе памятники и мало-ли на что! Какъ дѣтей стращаютъ невѣдомой букой, такъ ихъ стращали закономъ, который былъ имъ также невѣдомъ и страшенъ, какъ бука дѣтямъ.

Посредникъ кончилъ свою рѣчь. Мужики молчали, нѣкоторые переминались съ ноги на ногу. Петръ Ивановичъ понялъ, что пора приступить.

— Ну, что же, ребята?—началъ онъ снова свой монологъ, охотно принимая крестьянское молчаніе за знакъ одобренія и согласія.—Поклонитесь Сидору Тарасовичу, да попросите, чтобы еще послужилъ міру.

И онъ взглянулъ на старшину.

— Что же, я всей душой,—подался немного впередъ Кулакъ, готовый служить міру, пока хватитъ силъ.

Въ толпѣ происходитъ неопредѣленное движеніе; крестьяне топчутся на мѣстѣ, толкаютъ другъ друга, и затѣмъ раздаются нерѣшительные голоса, которые, постепенно становясь явственнѣе, переходятъ въ слова: «Спасибо тебѣ, Сидоръ Тарасовичъ, послужилъ міру: довольно и съ тебя, и съ насъ!»

— Пусть и другой теперь послужитъ,—говоритъ явственно чей-то голосъ, и Петръ Подгорный выступаетъ изъ толпы.

— Спасибо тебѣ, Сидоръ Тарасовичъ, пусть и другой послужитъ!—повторяютъ за нимъ братья Бычковы, Степанъ Черкасъ, Василій Крюкъ, Филиппъ Тилипутъ и громче всѣхъ Иванъ Хмѣлевскій. Въ заднихъ рядахъ подхватываютъ, и вся толпа единодушно поддерживаетъ слова старика Подгорнаго.

Посредникъ, никакъ не ожидавшій такого отпора, начинаетъ терять самообладеніе. Онъ быстро оборачивается и что-то говоритъ писарю; тотъ выражаетъ на своемъ нахальномъ лицѣ всякую готовность; Петръ

Ивановичъ что-то соображаетъ, потомъ рѣшительно сходитъ съ крыльца, направляясь прямо въ середину толпы. Крестьяне передъ нимъ разступаются.

— Ну, вотъ что, ребята,—говоритъ ласково посредникъ.—Голоса между вами раздѣлились, такъ чтобы не было никакого сумлѣнія,—поддѣлывается онъ подъ крестьянскую рѣчь,—сдѣлаемъ вотъ что: пусть тѣ изъ васъ, которые хотятъ старшиной Сидора Тарасовича, становятся направо, понимаете? а тѣ, которые хотятъ кого-нибудь другаго, пусть становятся налѣво. Поняли?

— Поняли, ваше высокоблагородіе,—отвѣчаютъ мужики, рѣшительно не понявшіе къ чему это клонится.

— Такъ-то, ребято: кто направо—кто налѣво.

Почти вся толпа, за исключеніемъ родственниковъ и пріятелей Кулака, переходитъ налѣво. Сидоръ Тарасовичъ растерянно смотритъ, писарь ехидно улыбается у него за спиной, а Петръ Ивановичъ одобрительно киваетъ головой. Низко стоящее осеннее солнце заливаетъ своимъ яркимъ свѣтомъ всю деревню, высокое крыльцо съ навѣсомъ и вывѣской и играетъ косыми лучами на зеленоватыхъ окнахъ волостнаго правленія. Несмотря на толпу людей, все было тихо кругомъ; всѣ ждали, что скажетъ посредникъ. Посредникъ не сказалъ ни слова: повернувшись на каблукахъ, будто дѣлая пятую фигуру кадрили, онъ прошелъ между рядами раздѣлившихся крестьянъ съ одного конца на другой, и та сторона, что была отъ него налѣво, естественно стала правою: Сидоръ Тарасовичъ Кулакъ былъ выбранъ въ старшины огромнымъ большинствомъ, о чемъ тутъ же составленъ приговоръ. Такъ просто, такъ ясно, безъ малѣйшаго «сумлѣнія» разрубилъ находчивый посредникъ гордіевъ узелъ.

Черезъ часъ, отдохнувшая тройка стояла у крыльца,

позванивая бубенчиками, а Петръ Ивановичъ, занося ногу въ сани, проговорилъ вскользь, нагнувшись въ сторону подсаживавшаго его старшины:—«Во вторникъ разборъ жалобы Макара: смотри, не прозѣвай»

— Какъ можно-съ!—произнесъ тотъ съ яснымъ, торжествующимъ лицомъ и низко кланяясь. — У меня свидѣтели и все...

— Трогай!—крикнулъ посредникъ, закутываясь въ шубу и внутренно поздравляя себя съ такимъ ловкимъ оборотомъ.

Лошади крупной рысью вынесли за ворота, и сани, повернувъ за уголъ, скоро скрылись изъ вида изумленныхъ крестьянъ. Толпа медленно расходилась въ разныя стороны, недоумѣвая, къ чему тутъ право и лѣво, когда, направо и налѣво—все выходитъ Кулакъ.

Такъ кончилась попытка крестьянъ освободиться законнымъ путемъ изъ-подъ власти старшины; но дѣло этимъ еще не кончилось. Кулаку было мало его настоящаго торжества: онъ захотѣлъ обезпечить себя на будущее время отъ всякихъ враждебныхъ заявленій. Произведя, при помощи писаря, негласное дознаніе, подкупивъ шинкаря какимъ-то лестнымъ обѣщаніемъ, всесильный старшина очень скоро добрался до Гаврика Щелкунова, которому пришлось поплатиться своими боками за дерзкую попытку внести свой уставъ въ чужой монастырь. Съ разрѣшенія посредника, старшина нарядилъ крестьянскій судъ, результатомъ котораго былъ слѣдующій приговоръ: «наказавъ Гаврилу Тимоѳеева розгами, за ложное толкованіе «Положенія», выселить изъ Волчьей волости навсегда». Чрезвычайно удивленные своимъ собственнымъ рѣшеніемъ крестьяне узнали, что приговоръ совершенно законенъ, ибо скрѣпленъ тѣми самыми печатями сельскихъ старостъ, которыя для предосторожности и на всякій случай, хранились у Кулака подъ замкомъ. Съ остальными крестьянами поступили нѣсколько милостивѣе: постегавъ маленько для примѣра, ихъ продержали на хлѣбѣ и водѣ семь дней въ холодной и затѣмъ выпустили на свободу. Безпокойный элементъ былъ такимъ образомъ устраненъ, и все пошло по старому въ этомъ темномъ царствѣ невѣжества и произвола. Уходя съ своими пожитками, оскорбленный и негодующій Гаврикъ Щелкуновъ сказалъ, что онъ дойдетъ хоть до Царя, обозвалъ всѣхъ дураками, плюнулъ и въ заключеніе послалъ всѣхъ къ черту. Что же касается до Макара, то онъ не дождался сомнительнаго правосудія мирового съѣзда, «ибо сего числа представился въ вѣчность», какъ доносилъ старшина посреднику со словъ писаря.

X.

Петру Ивановичу Лупицкому повезло: онъ быстро пошелъ въ гору и, вскорѣ послѣ исторіи въ Волчьей волости, когда избраніе на должность предводителей дворянства было замѣнено назначеніемъ ихъ, Петръ Ивановичъ попалъ въ предводители уѣзднаго дворянства, сдѣлавшись въ то же время предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ. Эти два одновременныя повышенія чрезвычайно подняли его въ собственныхъ глазахъ. Передъ этимъ онъ лихорадочно работалъ: онъ вдругъ пропадалъ на нѣсколько дней, и въ городѣ проходилъ слухъ, что онъ ѣздилъ въ губернію и игралъ въ ералашъ съ самимъ Степаномъ Петровичемъ. Степанъ Петровичъ былъ фатъ, многіе выражались о немъ еще рѣзче, но онъ зналъ всѣ привычки и слабости его превосходительства Михаила Дмитріевича, и по-

играть съ Степаномъ Петровичемъ въ ералашъ было все равно, что получить награду; проиграть ему было еще выгоднѣе.

Назначенный послѣ губернскаго ералаша предводителемъ дворянства, Петръ Ивановичъ, тотчасъ же перемѣнилъ всѣ аллюры: вмѣсто кухарки-бабы взялъ повара, повѣсилъ въ гостиной новыя драпри, выписалъ женѣ рояль и дѣтямъ бонну. Онъ даже собирался выписать бильярдъ, находя игру на бильярдѣ весьма полезной въ гигіеническомъ отношеніи, но почему-то отложилъ, рѣшивъ предоставить заботу о своемъ здоровьѣ мѣстному клубу. Онъ въ это время былъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ. Честолюбивый лишь въ опредѣленныхъ границахъ, Петръ Ивановичъ не желалъ пока ничего большаго: сдѣлавшись первымъ лицомъ въ уѣздѣ, онъ, вмѣстѣ съ правомъ именоваться «паномъ маршалкомъ», добился привиллегіи дворянскаго мундира, что для него, человѣка маленькаго и незамѣтнаго, съ отсутствіемъ видныхъ предковъ, было чрезвычайно поощрительно. Онъ въ это время былъ ужасно, занятъ собой, своимъ домомъ, положеніемъ, всѣмъ антуражемъ своей особы; онъ считалъ себя центромъ того крошечнаго міра, гдѣ первенствовалъ. Когда онъ надѣвалъ фракъ и дѣлалъ визиты, всѣ его знакомые должны были радоваться и считать себя счастливыми; когда онъ, въ припадкѣ головной боли, закутывался въ ваточный халатъ и надѣвалъ на голову женинъ платокъ, бѣгая изъ угла въ уголъ, всѣ, хотя бы и не видѣли его въ этомъ нарядѣ, должны были печалиться и соболѣзновать. Когда наступалъ какой-нибудь торжественный день, онъ облекался въ мундиръ, привѣшивалъ шпагу, которую евреи величали «шаблей», украшалъ свою грудь орденами и, стоя

съ серьезнымъ лицомъ передъ зеркаломъ, приказывалъ подавать лошадей, чтобы въ черниговской коляскѣ (которую уже дня за два начинали чистить и растирать масломъ, какъ будто она страдала ревматизмомъ) парадно подъѣхать къ церкви, отстоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его квартиры. Жена надѣвала парадное платье и распускала такой шлейфъ, который возбуждалъ зависть судейши, «секлетарши» и очень многихъ дамъ. «Пани маршалкова» была чистосердечно убѣждена, что будь ея шлейфъ короче, платье не такъ пышно, приди она въ церковь пѣшкомъ или не посѣти обѣдни вовсе—торжество не было бы торжествомъ, и праздникъ утратилъ бы для города свой величавый характеръ. Шлейфъ и банты были такими же регаліями жены, какъ шпага и ордена—регаліями мужа. Всякая парадная выставка вполнѣ соотвѣтствовала всѣмъ побужденіямъ Петра Ивановича, и въ эти минуты онъ чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, что готовъ былъ подать милостыню каждому нищему, хотя и слыхалъ, что это противорѣчитъ ученымъ теоріямъ политической экономіи. Онъ былъ счастливъ,—и какими далекими казались ему тѣ дни, когда онъ, съ пустымъ карманомъ и пустымъ чемоданомъ, ѣхалъ сюда въ еврейской будѣ, на хромыхъ лошадяхъ, мечтая о карьерѣ и наживѣ. Теперь у него были черниговская коляска (которую онъ, впрочемъ, выдавалъ за варшавскую), шредеровскій рояль, въ казенномъ сундукѣ, за печатью, хранилась небольшая сумма—ядро будущаго оборотнаго капитала, а впереди, въ болѣе или менѣе близкой перспективѣ, виднѣлись лѣса, луга, поля, барыши, доходы, и все это, какъ въ волшебномъ фонарѣ, заключалось въ одномъ магическомъ словѣ: опека. Опека—это былъ рогъ изобилія,

золотое руно Колхиды, тѣмъ болѣе цѣнное, что оно не требовало никакихъ хлопотъ и всегда было подъ рукою. Операціи по опекѣ не были сопряжены ни съ какимъ рискомъ. Всѣми дѣлами заправлялъ предводитель, «панъ маршалокъ», а опекунами назначались такіе разночинцы, съ которыхъ и взять было бы нечего. Имѣнія громадныя, владѣльцы Богъ вѣсть какіе и Богъ вѣсть гдѣ. Лѣса, напримѣръ, этотъ кладъ, который на западѣ берегутъ, какъ зеницу ока—уничтожаются въ уѣздѣ самымъ варварскимъ образомъ. Знаете ли, какіе тамъ лѣса? Лоси, медвѣди въ нихъ, какъ у себя дома—стало быть, не березнякъ какой-нибудь. И вотъ такой-то лѣсъ въ опекѣ. Чего тутъ нельзя сдѣлать? Извѣстно-ли, напримѣръ, читателю, что такое буреломъ? Нѣтъ, не знаете? А это безподобная въ своемъ родѣ вещь. Составляется по всей формѣ актъ съ дознаніемъ, удостовѣреніемъ, печатями и прочими законными аксесуарами, составляется актъ, что на протяженіи 70-ти кв. верстъ буря поломала мачтовый лѣсъ, т. е. какъ бы ножомъ срѣзала... Что же противъ стихійныхъ силъ подѣлаешь? Налетѣло нѣчто въ родѣ шквала, положило, какъ говорится, въ лоскъ и, сдѣлавъ свое дѣло, мгновенно стихнуло. Лѣса изъ опекунскихъ имѣній какъ не бывало, дознаніе приложено къ дѣламъ по опекѣ—а ужъ каковъ иногда результатъ всего этого—и сами можете догадаться. Въ отношеніи клепки поступаютъ и того проще: дается, напримѣръ, евреямъ разрѣшеніе вывозить клепку изъ такого мѣста, гдѣ, съ позволенія сказать, кромѣ можжевельника и брусника ничего не растетъ, но такъ какъ это собственная земля «пана маршалка», купленная имъ для цевза за сотню рублей, то на ней можетъ произрастать не только необходимый для клепки дубъ, но все, что угодно. Вы, конечно, понимаете, что клепка вывозится изъ тѣхъ лѣсовъ, гдѣ въ случаѣ надобности прогуливается буреломъ.

Къ чести Петра Ивановича надо замѣтить, что онъ поддался искушенію не вдругъ, уступалъ шагъ за шагомъ, но, разъ рѣшивъ въ принципѣ, что не брать нельзя, когда все сложилось такъ, чтобы давать—онъ уже не могъ остановиться; и пошелъ по этому пути далѣе, стараясь только сохранить свой ореолъ честнаго человѣка.

XI.

Уѣздный городъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Петръ Ивановичъ, былъ однимъ изъ тѣхъ мирныхъ и глухихъ угловъ, гдѣ жизнь, кажется, навѣки застыла въ той формѣ, въ какую вылилась случайно; но это только казалось. На самомъ же дѣлѣ, уступая давленію времени, она медленно, но постоянно измѣнялась, внося новые элементы и уничтожая старые. Одно было неизмѣнно: невыносимая грязь, въ которой испоконъ вѣка утопаетъ этотъ забытый начальствомъ и Богомъ уголокъ. Маленькій городокъ вынесъ на своихъ плечахъ немало бѣдствій во время междоусобій князей и татарскаго ига. Его разоряли и жгли, а однажды даже совсѣмъ разрушили; но, возродившись подобно фениксу изъ пепла, онъ, ко времени нашего повѣствованія, имѣлъ нѣсколько церквей, костелъ, синагоги, нѣсколько питейныхъ, клубъ, модные магазины, училища и многое еще. Это былъ городокъ въ полномъ смыслѣ еврейскій: грязный весной и осенью, душный и пыльный лѣтомъ, онъ былъ насквозь пропитанъ чеснокомъ и лукомъ во все время года. Выстроенъ онъ былъ въ ложбинѣ, почти въ оврагѣ, и высокія горы,

надвигаясь съ юга-запада, прятали его въ своихъ ущельяхъ: издали виднѣлась только колокольня собора и высокій шпицъ костела, поднимавшіе къ небу свои золотые, потемнѣвшіе отъ времени кресты. Зеленые, поросшіе кустами орѣшника, дуба, черемухи и ольхи горы уходили вдаль, подступали къ самому городу, пропадали, опять появлялись и во многихъ мѣстахъ почти отвѣсной стѣной стояли надъ городомъ, грозя каждую минуту засыпать его своими глыбами песка и глины; но времена геологическихъ переворотовъ прошли, и городъ безмятежно жилъ подъ зелеными холмами. А эти холмы были очаровательны отъ ранней весны и до глубокой осени; это было самое лучшее украшеніе городка, и не потому-ли казался онъ такъ жалокъ въ своей классической грязи, что вокругъ и надъ нимъ зеленѣли эти причудливыя, прорѣзанныя безчисленными тропинками, ходами и самыми неожиданными ущельями живописныя горы? Прелестныя горы! Когда изъ-за далекаго, потемнѣвшаго горизонта показывался мѣсяцъ, обливая ихъ своимъ холоднымъ, ровнымъ и серебрянным свѣтомъ, когда ихъ таинственныя ущелья становились еще таинственнѣе и глубже отъ игры тѣни и свѣта, — тогда маленькій, бѣдный городокъ, весь подъ сіяніемъ блѣдныхъ лучей мѣсяца, былъ почти живописенъ. Это была словно какая-то декорація,—совсѣмъ не то, что днемъ. Въ самомъ центрѣ городка, на высокой горѣ, кончающейся обрывомъ у рѣки, на горѣ, откуда открывается видъ на безконечное пространство заливныхъ луговъ, среди которыхъ маленькія озера блестятъ на солнцѣ, какъ стекло, въ зеленой оправѣ своихъ покатыхъ береговъ, а песчаные холмы оканчиваются темной каймой далекаго лѣса, тамъ на этой

горѣ, подъ тѣнью пирамидальныхъ тополей, расположилось городское православное кладбище съ своими убогими крестами и вросшими въ землю или покачнувшимися на бокъ скромными памятниками. За нимъ, захватывая съ каждымъ днемъ все большую площадь, огороженное высокимъ зубчатымъ частоколомъ и похожее, издали, на крошечный городокъ, расположилось кладбище еврейское, съ своими странными мавзолеями въ видѣ крошечныхъ домиковъ и досокъ съ надписями, поставленныхъ перпендикулярно. Недалеко помѣщалось кладбище католическое, съ преобладаніемъ на немъ разныхъ эмблемъ, фигуръ и латинскихъ надписей. За этими мѣстами вѣчнаго покоя, по обѣимъ сторонамъ дороги тянутся поля ржи, гречихи, пшеницы, овса, пока снова попадаются горы, ущелья, глубокіе овраги и поросшія зеленью и кустарникомъ узкія долины, а далѣе пустынное пространство, которому, кажется, и конца нѣтъ.

Маленькій городокъ былъ удаленъ отъ всѣхъ цивилизованныхъ центровъ, коснѣлъ среди своихъ лѣсовъ и болотъ и страдалъ отсутствіемъ путей сообщенія. Желѣзная дорога гремѣла на разстояніи цѣлыхъ 300 верстъ и хотя въ послѣднее время ходилъ слухъ о какихъ-то изысканіяхъ поближе, но не было ни малѣйшаго основанія предполагать, что маленькій, никому ненужный городокъ попадетъ въ европейскую сѣть желѣзныхъ дорогъ. Пароходство возобновлялось какъ бы пароксизмами; искалѣченные, пробитые и насквозь прогнившіе пароходы случайно появлялись, случайно прекращали свои рейсы и никакъ не могли считаться чѣмъ-нибудь надежнымъ и постояннымъ. А между тѣмъ обширный край только ждалъ пробужденія, и это чувство ожиданія было такъ велико, что даже

свистъ такихъ ноевыхъ ковчеговъ, какъ эти пароходы, приводилъ въ пріятное волненіе весь городъ: все-таки это былъ отголосокъ изъ другаго міра... А между тѣмъ, широкая, судоходная рѣка, лѣниво подвигая свои мутныя, желтоватыя воды, представляла не только сподручное, но почти единственное средство передвиженія на огромномъ пространствѣ. У людей предпріимчивыхъ эта рѣка принесла бы милліоны, но у насъ она годъ отъ году мелѣетъ, заносится пескомъ и иломъ, и такъ прихотливо мѣняетъ свой фарватеръ, что самый опытный лоцманъ не найдетъ своего прошлогодняго пути, а бѣдные пароходы то и дѣло пробиваютъ свои бока. Горы и рѣка — эта краса, это богатство края — пропадаютъ даромъ, или почти даромъ: подъ городомъ рѣчная вода невозможна для питья по милости евреевъ, для которыхъ она служитъ оптовымъ складомъ всякихъ нечистотъ, а горы — кто станетъ любоваться ихъ красотой? Притомъ сила привычки такъ велика, что этой красоты почти не замѣчаютъ, какъ не замѣчаютъ и той грязи, среди которой живутъ. Въ соціальномъ отношеніи это было самое невзыскательное мѣсто на всемъ земномъ шарѣ, безъ всякихъ претензій на какія бы то ни было современныя усовершенствованія и удобства.

Вся торговля—отъ бакалейныхъ лавокъ съ окаменѣлымъ товаромъ и елисеевскими винами мѣстной фабрикаціи до мяса, раздѣляемаго на трефное и кошерное, находилась безповоротно и безпрекословно въ еврейскихъ рукахъ: обыватели довольствовались тѣмъ, что получали отъ евреевъ (евреи всячески наживались отъ обывателей, и всякая попытка выйти изъ-подъ ихъ монополіи приводила обыкновенно къ постыднѣйшему

фіаско) оставалось только радоваться прочному постоянству существующаго порядка вещей.

Городъ не имѣлъ ни мостовыхъ, ни фонарей, ни даже улицъ въ общепринятомъ смыслѣ, но визиты въ немъ были обязательны для всякаго, кто считалъ себя принадлежащимъ къ обществу. Въ отношеніи народности преобладалъ еврейскій элементъ, но это, разумѣется, не общество: въ общество легально входилъ только тотъ, кто носилъ какой-нибудь чинъ, званіе, занималъ какую-нибудь должность, имѣлъ какой-нибудь знакъ отличія. Главное, чтобы на фуражкѣ была кокарда. Получивъ право на кокарду, человѣкъ получалъ доступъ въ общество, а его жена, если она состояла въ бракѣ, дѣлалась правоспособной на визиты. Въ городѣ было нѣсколько домовъ, которые составляли свой кружокъ, гдѣ хранилось ядро общественнаго мнѣнія. Первымъ считался домъ Лупинскихъ по многимъ причинамъ: Лупинскіе держали повара, изрѣдка ѣздили «въ губернію» и доставляли своимъ знакомымъ невинныя удовольствія въ видѣ карточныхъ вечеровъ, гдѣ господа и прислуга суетились до истомы, а гости добросовѣстно скучали, показывая, что имъ очень весело. Лупинскіе могли даже умѣренно помогать бѣднымъ, чувствуя въ такія минуты все прочное превосходство своего собственнаго благосостоянія. Они, разумѣется, не выписывали ни книгъ, ни журналовъ, запирали на ключъ всякую дрянь, вычитали съ прислуги за каждую разбитую тарелку и пропавшую салфетку, но гостей принимали съ достоинствомъ, поили ихъ и кормили, и вездѣ, гдѣ надо было себя показать, показывали товаръ лицомъ. Семейная жизнь ихъ, насколько въ нее можно было проникнуть со стороны, насколько она видна въ гостиной и съ улицы—представляла собой образецъ супружескаго благополу-

чія и всякаго довольства: мужъ гулялъ всегда съ женой подъ руку, жена набивала мужу папиросы, у нихъ были дѣти, подававшія большія надежды. Знакомые хвалили ихъ въ глаза—что весьма обыкновенно—и за глаза, что становится большой рѣдкостью въ нашъ коварный вѣкъ. Да, они, слава Богу, были счастливы, разумѣется, въ предѣлахъ земнаго счастія, т. е., имѣя довольно, они были не прочь имѣть больше. Со времени своего предводительства, Петръ Ивановичъ внушилъ женѣ, что она первая дама въ городѣ, и она строго держалась этой классификаціи, боясь больше всего на свѣтѣ попасть во вторыя.

Недалеко отъ квартиры Петра Ивановича стоялъ домъ, гдѣ резиденствовалъ градоначальникъ, Кириллъ Семеновичъ Улановъ. У Кирилла Семеновича было большое семейство и очень много хлопотъ, но центромъ всего была дочь, дѣвица Лиза, которая командовала отцомъ, матерью, всѣмъ домомъ и всѣми городовыми. Оба семейства были въ отличныхъ отношеніяхъ, но Петръ Ивановичъ, допускавшійся во внутренніе покои его превосходительства Михаила Дмитріевича, слегка покровительствовалъ Кириллу Семеновичу. Въ сосѣдствѣ съ ними жили супруги Бушъ, люди нѣмецкаго происхожденія и стараго покроя. Это была невиннѣйшая пара смертныхъ; они никому не дѣлали и не желали зла, любили другъ друга, какъ имъ заповѣдалъ вѣнчавшій ихъ пасторъ, и были счастливы. Мужъ служилъ, бралъ съ спокойною совѣстью освященныя обычаемъ взятки, игралъ по маленькой и былъ похожъ на таракана; жена лечилась, шила новыя платья, соблюдала строгую діету и, кромѣ собственной боли подъ ложечкой, не считала достойнымъ своего вниманія никакихъ событій на свѣтѣ. Не смотря на то, что супруги Бушъ давно перешли демаркаціонную линію, отдѣляющую зрѣлый возрастъ отъ начинающейся старости, они такъ хорошо сохранились, что когда представлялся случай, они съ увлеченіемъ и непремѣнно другъ съ другомъ танцовали кадриль, польку и даже голопъ. Въ галопѣ они были особенно хороши. Они танцовали и улыбались, и танцуя, заражали своимъ весельемъ молодежь, которая почти утратила способность чистосердечно веселиться.

Судья Иванъ Тихоновичъ любилъ, сладко покушавъ, посплетничать для пищеваренія; на его плоскомъ румяномъ лицѣ всегда играла безмятежная улыбка, и онъ былъ того мнѣнія, что взятка взяткѣ рознь. Самъ онъ, Боже сохрани, не бралъ, развѣ какую-нибудь индюшку или что-нибудь въ этомъ гастрономическомъ родѣ—не больше, но былъ убѣжденъ, что есть случаи, когда взятка не только необходима, но даже совершенно законна, ибо, не тревожа казны, дѣйствуетъ напротивъ въ смыслѣ самопомощи. Иванъ Тихоновичъ былъ примѣрный судья: онъ не гонялся за отвлеченностями и допускалъ идею справедливости лишь въ размѣрѣ, ограниченномъ буквою устава.

Было еще нѣсколько лицъ, но о нихъ при случаѣ.

«Пани маршалкова» собралась дѣлать визиты. Это было событіе, интересовавшее всю улицу, весь городъ, для этого былъ установленъ свой церемоніалъ. Надъ городомъ стоялъ жаркій іюльскій день, и хотя наканунѣ разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ, въ воздухѣ было душно и пахло новой грозой. Когда «пани маршалкова» собиралась дѣлать визиты, ее не могли остановить никакія метеорологическія явленія. «Пани маршалкова» одѣвалась, когда къ крыльцу подъѣхала коляска, запряженная парой разношерстныхъ земскихъ лошадей; на козлахъ черниговской коляски

сидѣлъ невзрачный мужикъ въ сѣромъ кафтанѣ, съ колтуномъ подъ шапкой; не подозрѣвая всей важности обряда, въ которомъ онъ участвовалъ, колтунъ невозмутимо курилъ махорку изъ коротенькой трубки въ ожиданіи торжественнаго выхода «пани». Ждать пришлось долго, ибо туалетъ и прическа требовали тонкихъ соображеній и заняли цѣлое утро: горничная поминутно выбѣгала за дверь, принося разныя картонки и юбки, бонна подавала булавки, прикалывала бантъ, что-то такое таинственно подсовывала, улыбаясь за спиной у пани.

— Пожалуйста, чтобы не замѣтно... говорила «пани маршалкова» на своемъ французскомъ языкѣ.

Oh, il n'y a pas de danger!—успокоивала ее съ улыбкой молодая француженка.

Дѣтей заперли въ дѣтскую, чтобъ они какъ-нибудь, Боже сохрани, не наступили на шлейфъ, а самъ Петръ Ивановичъ, бросивъ дѣла по опекѣ, безпокойно ходилъ въ своемъ кабинетѣ, посматривая на часы и ожидая выхода жены. Въ довершеніе общаго напряженія, тяжелый шиньонъ никакъ не хотѣлъ держаться на макушкѣ, а шляпа не держалась на шиньонѣ. Пани выходила изъ себя.

— Вы ничего, ma chère, не умѣете!—говорила она, съ сердцемъ, сверкнувъ своими кроткими глазами на бонну.

— Mais, madame, vos cheveux sont si peu épaix que le chignon ne tient pas! оправдывалась француженка, краснѣя.

— Подайте сюда!

И, вырвавъ шпильки изъ рукъ сконфуженной бонны, пани стала ихъ втыкать какъ попало въ свой модный шиньонъ.

Наконецъ, когда все было подтянуто, прикрѣплено и приколото, послѣ заключительнаго coup de main бонны, подсмѣивавшейся за спиной у m-me Loupinsky, пани маршалкова, шумя шелковымъ платьемъ, вышла въ гостинную, заботливо хлопнувъ дверью передъ самымъ носомъ выскочившихъ изъ своего угла дѣтей. Она была великолѣпна въ своемъ голубомъ платьѣ, бѣлыхъ короткихъ перчаткахъ и модной высокой шляпѣ, на которой было столько цвѣтовъ, перьевъ и лентъ, что издали казалось, будто надѣты двѣ шляпки вмѣсто одной.

— Ну, душенька, готова?—спросилъ Петръ Ивановичъ, оглядывая жену сверху до низу, отъ качавшагося на шляпѣ пера до длиннаго голубаго шлейфа, и нимало не смущаясь рискованнымъ сочетаніемъ голубаго платья и лиловыхъ цвѣтовъ.

— Я давно готова, только думала: не рано ли?—невинно солгала «душенька», какъ разъ только передъ дверью успѣвшая воткнуть свою послѣднюю булавку.

— У Орловыхъ будешь?—значительно спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Не знаю, право... замялась пани.—Татьяна Николаевна мнѣ не отдала послѣдняго визита, а у Комаровыхъ была!—прибавила она, строго охраняя установленный этикетъ.

— Заѣзжай на минутку... Неловко, узнаютъ, что вездѣ была. Ну, душенька, ступай! Да прикажи на колеинахъ осторожнѣе, чтобы какъ-нибудь коляску не сломать,—говорилъ онъ, провожая жену въ переднюю.

«Пани» еще разъ взглянула на себя въ зеркало, поправила бантъ, надвинула съѣзжавшую на затылокъ шляпу и, шумя оборками, по грязному крыльцу, величественно сѣла въ экипажъ. Задремавшій было кучеръ задергалъ возжами, лошади, потоптавшись на мѣстѣ, съ усиліемъ тронули, и роскошная черниговская коляска, при крикахъ стоявшаго на крыльцѣ Петра Ива-

новича: «Тише, болванъ, тише! не задѣнь за ворота!» благополучно выѣхала на улицу, обдавъ грязью толпившихся у калитки жиденятъ.

«Пани маршалкова» сдѣлала нѣсколько визитовъ и, какъ особа, близко стоящая у дѣлъ, сообщила цѣлую кучу новостей о внутренней политикѣ уѣзда, прибавляя къ каждому слову: «Мой мужъ получилъ извѣстіе изъ Петербурга», «Степанъ Петровичъ ему говорилъ»... Она была у супруговъ Бушъ, у главы духовенства протоіерея Сапіенцы, у судьи Ивана Тихоновича и послѣ всѣхъ заѣхала къ Орловымъ. Между двумя семействами существовали нѣсколько странныя отношенія. Орловы—люди въ этомъ краѣ новые—отличались независимостью мнѣній и строгой замкнутостью своей жизни; они не бывали почти нигдѣ, у нихъ бывали весьма немногіе—и вотъ почему Петру Ивановичу хотѣлось быть тамъ однимъ изъ первыхъ: онъ дѣлалъ всевозможные авансы, а такъ какъ на нихъ отвѣчали довольно туго, то выходило, будто онъ догонялъ, а Орловы уходили. «Пани маршалкова» вторила мужу съ тайнымъ раздраженіемъ и никакъ не могла простить Татьянѣ Николаевнѣ, что та, отдавая ей визиты, никогда не надѣвала шлейфа.

У Орловыхъ «пани маршалкова» услыхала такую новость, которая отбила у нея всякую охоту къ дальнѣйшимъ визитамъ: она услыхала, что въ одной изъ волостей, именно въ Волчьей, тамъ, гдѣ посредникомъ былъ замѣнившій Петра Ивановича, Гвоздика, случилось какое-то происшествіе. Подробности еще не были извѣстны, или, по крайней мѣрѣ, ей не сообщили ихъ, но уже одно то, что слухъ о происшедшемъ сообщался Орловыми и, слѣдовательно, былъ имъ извѣстенъ раньше, нежели самому Pierre'у, было чрезвычайно оскорбительно. Пани встала: на ея блѣдномъ лицѣ выступили красныя пятна, глаза разбѣгались отъ волненія.

— Вотъ какъ! вотъ какъ!—твердила она, застегивая растерянно перчатку и, застегнувъ, прибавила съ колкостью:—Надѣюсь, что это все вздоръ, уѣздныя сплетни...

— Едва-ли можно на это надѣяться: Гвоздика такой негодяй, что надо только удивляться долготерпѣнію крестьянъ,—сказалъ Орловъ.

— Негодяй!—воскликнула пани,—слабо протестуя противъ этого рѣзкаго опредѣленія:—Pierre считаетъ его порядочнымъ человѣкомъ.

— Да! негодяй и взяточникъ!—повторила Татьяна Николаевна, не обративъ вниманія на ея послѣднія слова.

— Ахъ!—почти простонала пани, начинавшая сожалѣть, зачѣмъ она поѣхала въ этотъ домъ, гдѣ ея визитъ не только не цѣнятъ, но даже дѣлаютъ ее какъ будто отвѣтственной за порядки въ Волчьей волости. Она была въ очень непріятномъ положеніи, но Орловы рѣшительно этого не замѣчали.

— Что онъ взяточникъ,—продолжалъ слова жены Орловъ,—это вамъ скажетъ первый встрѣчный, первый еврей-шинкарь, съ котораго онъ беретъ по двадцати-пяти рублей за каждое свидѣтельство.

«Пани маршалкова» сдѣлала оскорбленное лицо.

— Pierre непремѣнно разузнаетъ, и если только...

— Я даже слышала,—перебила Татьяна Николаевна,—что крестьяне Волчьей волости жаловались Петру Ивановичу на притѣсненія старшины и арендатора.

— Да, но Pierre все это уладилъ.

Татьяна Николаевна промолчала, и взволнованная пани стала прощаться.

— Все это очень, очень непріятно,—говорила она,

протягивая руку въ своей короткой бѣлой перчаткѣ. Если это такъ, Гвоздикѣ придется искать другаго мѣста,—продолжала она, давая ему съ забавной развязностью отставку. Вы знаете взгляды и направленіе моего мужа!—закончила она уже въ дверяхъ, подбирая свой шлейфъ и повторяя чьи-то чужія слова, если только не слова самого Петра Ивановича.

— Разумѣется, разумѣется!—неопредѣленно отвѣтили хозяева, и гостья исчезла, граціозно качнувъ махровымъ перомъ своей шляпки. Узнавъ такую непріятную новость, взволнованная «пани маршалкова» была не въ состояніи продолжать своихъ визитовъ и велѣла кучеру ѣхать домой. Она имѣла такой встревоженный видъ, а модная съ перьями шляпка сидѣла на ней такъ комично, что встрѣтившій ее на крыльцѣ Петръ Ивановичъ не могъ не воскликнуть:

— Душенька! на кого ты похожа! шляпка совсѣмъ съѣхала на бокъ!

Но бѣдной «пани маршалковой» было не до шляпки. Когда земскія лошади, исполнивъ свою обязанность, уже жевали овесъ, а кучеръ, получивъ отъ «пани маршалковой» злотый, пропивалъ его въ сосѣднемъ кабакѣ, ихъ хозяйка, освободившись отъ своей визитной арматуры, сообщала мужу результатъ своей поѣздки.

— У Орловыхъ была?—спросилъ Петръ Ивановичъ тѣмъ небрежнымъ тономъ, которымъ обыкновенно стараются замаскировать придаваемое вопросу значеніе.

— Какъ-же, какъ-же...

— Ну, что?

— Ничего, кланяются тебѣ. Ахъ, да!—будто спохватившись, прибавила пани:—представь, какая новость:—въ Волчьей волости, говорятъ, что-то случилось...

— Ну, такъ и есть!—воскликнулъ Петръ Ивановичъ. Что-же... что тебѣ сказали?

— Не знаю, что именно, — говорятъ: неспокойно. Татьяна Николаевна говоритъ: Гвоздика извѣстный взяточникъ и негодяй...

— Ее вездѣ спрашиваютъ! Что-же ты ей?..

— Разумѣется, сказала, что все вздоръ, уѣздныя сплетни, что ты считаешь его порядочнымъ человѣкомъ.

— Вотъ ужъ напрасно!—сердито повернулся Петръ Ивановичъ. Ты вѣчно сболтнешь лишнее: а если онъ попадется? Ты всегда такъ! И сколько разъ я тебя просилъ...

— Ахъ, Боже мой! почемъ-же я знаю, что говорить, что нѣтъ!—обиженно произнесла пани, съ сердцемъ снимая банты.

— И удивительно, какъ это скоро къ нимъ доходитъ,—продолжалъ Петръ Ивановичъ, не обративъ вниманія на скорбный тонъ жены: ужъ провѣдали!

— А развѣ въ самомъ дѣлѣ что нибудь есть?—спросила пани, интересуясь событіемъ и не сдержавъ своего любопытства, не смотря на обиду.

— Есть то, что эти скоты ходили опять съ жалобой къ губернатору... Но почему Орловымъ это извѣстно?—произнесъ онъ съ досадой и, весь занятый этой новой подробностью дѣла, послалъ сторожа за исправникомъ.

XII.

Изъ Волчьей волости шли тревожныя вѣсти. Въ полицейскомъ управленіи была получена бумага съ надписью «весьма важное». Такую-же бумагу получилъ предсѣдатель съѣзда мировыхъ посредниковъ, Петръ Ивановичъ Лупинскій. Въ бумагѣ было сказано, «что нѣкоторые изъ крестьянъ означенной волости дозво-

лили себѣ снять съ волостнаго старшины знакъ его достоинства, заперли волостное правленіе и не принимаютъ никакихъ резоновъ».

Это было фактически вѣрно, и для того, чтобъ объяснить рѣшительный поступокъ крестьянъ, я попрошу читателя вернуться въ знакомую ему отчасти деревню Сосновку.

Вскорѣ послѣ вторичнаго избранія Кулака въ старшины мнимымъ большинствомъ, въ жизни волости случилось еще одно крупное событіе: на мѣсто произведеннаго въ «паны маршалки» Лупинскаго посредникомъ въ волость былъ назначенъ Михаилъ Ивановичъ Гвоздика. Михаилъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Западный край съ рѣшительнымъ намѣреніемъ нажиться. Мужикъ, панъ, еврей — для него это было все равно: разница заключалась лишь въ томъ, что съ мужикомъ онъ меньше церемонился. Тупой и грубый по натурѣ, невѣжественный почти до полной безграмотности, онъ уразумѣлъ одну науку — подойти къ нужнымъ людямъ и умѣлъ дѣлать такъ, что грубая лесть его принималась за хохлацкую искренность, а дикій разгулъ—за ширину русской натуры. Гвоздика шелъ къ своей цѣли прямо и лѣзъ на стѣну съ тупостью вола. Бѣдный однодворецъ Черниговской губерніи, неодолѣвшій втораго класса гимназіи, онъ поставилъ себѣ задачей — поправить свои личныя обстоятельства, и повернулъ дѣло въ Волчьей волости такъ, что самъ Сидоръ Тарасовичъ разводилъ только руками, удивляясь его ловкости. На мужика свалилась удвоенная барщина: мужикъ былъ обложенъ оброкомъ не только въ пользу своего миѳическаго князя, но и въ пользу посредника, старшины и арендатора. Михаилъ Ивановичъ былъ неумолимъ въ своей логикѣ и расправлялся

съ крестьянами за малѣйшую жалобу съ такой строгостью, что отбилъ у нихъ всякую охоту жаловаться. Жаловались, разумѣется, на Кулака, но такъ какъ въ дѣлѣ выжиманія соковъ старшина съ посредникомъ составляли одну душу, то понятно, что жалобщики, т. е. люди посмышленнѣе и побойчѣе, получали, смотря по заслугамъ, отъ двадцати до шестидесяти ударовъ безъ всякихъ разговоровъ и разсужденій. Мужики еще разъ убѣдились, что на кулака жаловаться нельзя. — Если нельзя жаловаться, то можно что-нибудь другое,—подумали они и вспомнили при этомъ, Богъ вѣсть гдѣ пропадавшаго, Гаврика Щелкунова. Въ это время подошелъ, какъ на грѣхъ, такой случай: въ волости проживалъ сынъ заштатнаго дьякона, такой-же заштатный учитель одной несуществующей школы, Лука Скудельниковъ. Это былъ сначала первѣйшій пріятель Гвоздики, одного съ нимъ поля ягода, но только безъ разрушительныхъ инстинктовъ черниговскаго однодворца; они вмѣстѣ пили, вмѣстѣ охотились и доставляли себѣ всякія другія утѣхи. Все шло, какъ нельзя лучше, — какъ вдругъ между пріятелями произошелъ неожиданный разрывъ: заштатный учитель, оскорбленный за что-то старшиной, пожаловался на него Гвоздикѣ. Гвоздика, находясь подъ вліяніемъ старой водки въ самомъ мрачномъ настроеніи, не только не удовлетворилъ обиженнаго, но даже пообѣщалъ расправиться съ нимъ на конюшнѣ безъ всякаго уваженія къ его несомнѣнно-духовному происхожденію. Понятно, что послѣ этого не могла уже устоять никакая дружба, и дважды оскорбленный поповичъ поклялся отмстить и Кулаку, и Гвоздикѣ.

— Вы, ребята, чего ждете?—сказалъ онъ, собравъ у себя вечеромъ въ хатѣ знакомыхъ намъ братьевъ

Бычковыхъ, Филиппа Тилипута, Степана Черкаса, Ивана Хмѣлевскаго, Петра Подгорнаго и веселаго парня Василія Крюка, изъ сосѣдней деревни. — Чего ждете? вѣдь въ правленіе на счетъ Кулака бумага пришла.

— Какая бумага?—спросилъ Черкасъ.

— Настоящая казенная бумага за печатью. Нешто не слыхали?—искренно удивился Скудельниковъ.

— Откуда намъ слышать? вотъ коли раскладка какая, такъ живо скажутъ,—покачалъ своей старой, много вынесшей головой Петръ Подгорный.

— Кабы только раскладка, а то и того хуже!—вздохнулъ непризнанный наставникъ, стараясь возбудить интересъ слушателей.

— Да ты говори толкомъ, чего тянешь!—сказалъ съ сердцемъ нетерпѣливый Иванъ Хмѣлевскій.

— Ахъ, братцы!—ужъ очень мнѣ васъ жалко-то! А не сбѣгаетъ ли кто за косушкой?—перемѣнилъ онъ тонъ.—Ей Богу, всего разломило...

— Какая теперь косушка ночью?! вѣдь выдумалъ!..

— Сказывай, въ чемъ дѣло-то! Завтра поднесемъ: не уйдетъ...

— Ну, смотрите же: завтра, такъ завтра! А въ томъ дѣло, что коли Сидоръ—чтобъ его черти взяли!—дослужитъ старшиной третье трехлѣтіе, сказано въ той бумагѣ, то быть ему послѣ того дворяниномъ, повѣсятъ ему медаль, либо какой орденъ, и тогда ужъ фью!... засвисталъ Скудельниковъ.—Тогда ужъ отъ него ни пестомъ, ни шестомъ!... И выбирать не допустятъ: на вѣкъ старшиной закрѣпятъ.

— Да какъ же это такъ?—спросили въ одинъ голосъ изумленные мужики.—Какимъ манеромъ?

— Такимъ манеромъ, что какъ утвердятъ его на этой

должности, такъ ужъ по закону, стало быть, до конца, т. е. до самой его смерти. Вамъ выходитъ терпѣть, а ему съ вашей глупости богатѣть.

— Да какъ же такъ, Лука Михѣичъ?

— Наладили одно: да какъ же такъ? Говорятъ вамъ: бумага пришла, ну?

У мужиковъ отъ такой новости и руки опустились. Это было, разумѣется, нелѣпо; Скудельниковъ сболтнулъ первое, что попало на языкъ, почти всегда пьяный; но развѣ крестьяне могли отнестись критически къ какому бы то ни было вздору? Они знали, что Лука Михѣичъ человѣкъ грамотный, всякія книжки можетъ читать, ходитъ въ сюртукѣ, куритъ папироски, поетъ на клиросѣ и у посредника первый гость. Ему ли не знать такой важной новости? Они ему повѣрили, а Скудельниковъ, измысливъ вздоръ, рѣшился въ своихъ видахъ поддерживать его.

— Гдѣ же ты, Лука Михѣичъ, эту бумагу читалъ?

— Гдѣ читалъ? Само-собою въ правленіи: Михаилъ Ивановичъ показывалъ.

— Може это еще такъ только?—сказалъ нерѣшительно Степанъ Черкасъ.

— Эхъ ты!—покачалъ на него головой Скудельниковъ.—А еще законникомъ считаешься: ну, гдѣ же это видано, чтобы такія бумаги такъ писались!

И онъ всталъ, дѣлая видъ, что съ такими людьми нечего по-пусту слова тратить. Уловка удалась, и мужики схватились за Скудельникова, видя въ немъ какое ни на есть спасеніе отъ нагрянувшей бѣды.

— Постой, постой, Михѣичъ! Что же ты такъ? да вѣдь того... заговорили мужики.

— Да ужъ это, братцы, должно вѣрно: Лука Михѣичъ не станетъ врать,—сказалъ Хмѣлевскій. Мнѣ

вотъ и жидъ намедни сказывалъ, что Кулакъ новый кафтанъ сшилъ, куда, говоритъ, длиннѣе прежняго.

— Новый кафтанъ? ужъ это безпремѣнно къ чему-нибудь.

— Вѣстимо не безъ причины,—прибавилъ Василій Крюкъ.

— Вонъ сами видите, куда пошло!—сказалъ довольный неожиданнымъ оборотомъ Скудельниковъ.

— Такъ какъ же ты думаешь, Лука Михѣичъ, какъ же намъ теперича?...

— Мнѣ что же за васъ думать! Какъ себѣ знаете... Вонъ дядя Гаврикъ за васъ подумалъ, да и поплатился.

— А онъ, братцы, слышно, все хлопочетъ,—перебилъ Скудельникова Черкасъ, состоявшій, по прежней должности сельскаго старосты, въ большой дружбѣ со сторожемъ Еремкой.—Тимофѣичъ сказывалъ: все хлопочетъ, все хлопочетъ... Въ Питерѣ, говоритъ, самому набольшему генералу просьбу подавалъ...

— Ну, чтожъ онъ, генералъ-то?—спросили съ любопытствомъ мужики, чувствуя себя виноватыми передъ дядей Гаврикомъ.

— Да ничего, выслушалъ. Выслушалъ, да и говоритъ: вижу, говоритъ, что ты пострадалъ за правду, а помочь тебѣ ничѣмъ не могу, потому нѣтъ, говоритъ, такихъ законовъ, чтобы сдѣланное передѣлать можно.—Какъ же это такъ, ваше графское сіятельство? спрашиваетъ. Ну, тутъ генералъ махнулъ рукой и отошелъ прочь. Бумага объ этомъ самомъ была въ правленіе прислана, на счетъ, значитъ, приговора... Ну, Курочка отписалъ, что все это молъ вѣрно, такъ точно и было, но человѣкъ этотъ въ родѣ какъ бы не въ своемъ умѣ и приключилось ему это поврежденіе отъ водки...

— Вотъ, братцы, напраслина-то!—воскликнулъ Хмѣлевскій.

— Вотъ видите, каково вамъ совѣтовать-то! Нешто вы свою пользу понимать можете?—началъ Скудельниковъ.—Гдѣ ваше понятіе?

— Понятіе-то у насъ може и есть, да и съ понятіемъ-то ничего не подѣлаешь,—сказалъ Петръ Подгорный и глубоко вздохнулъ.—Вотъ ты созвалъ насъ, разсказываешь, а какъ намъ объ тебѣ понимать: злодѣй ты намъ, или нѣтъ?—спросилъ онъ сурово,—вдругъ поднявшись и подходя къ Скудельникову.—Коли не злодѣй, такъ ты долженъ намъ путь указать, потому ты больше знаешь, мы народъ темный, насъ всякій можетъ и обмануть, и обидѣть...

Въ голосѣ старика звучала такая грустная нота, что Скудельникову стало на минуту совѣстно, но онъ тотчасъ же побѣдилъ это чувство.

— Что мнѣ вамъ путь указывать? Вамъ сказано, что коли Сидоръ дослужитъ еще трехлѣтіе, такъ запишутъ его въ дворяне, и тогда ужъ отъ него не отвертитесь...

Мужики переглянулись, словно спрашивая: что же имъ тутъ дѣлать, когда дѣло рѣшено безъ нихъ?

— Стало, коли въ васъ разсудокъ есть, то вы должны понимать, какъ теперь поступить. Ступайте въ губернію, можно жалобу написать,—сказалъ Скудельниковъ, будто нехотя и, напомнивъ объ обѣщанной на-завтра водкѣ, зѣвнулъ съ видомъ человѣка, исполнившаго тяжелый долгъ. Крестьяне другъ за другомъ вышли, потолковали еще дорогой, и на другой день рѣшили, миновавъ посредника, написать просьбу и на этотъ разъ нести ее въ губернію самимъ. Это было дѣло трудное и даже опасное, потому

что Гвоздика не допускалъ въ своемъ участкѣ никакихъ отлучекъ, и ослушники, какъ настоящіе дезертиры, карались самымъ строгимъ образомъ; но мужики рѣшили, что двухъ смертей не бывать, и бросили жребій, кому идти. Жребій палъ на младшаго Бычкова и на Степана Черкаса. Бычкова вызвался замѣнить старшій братъ Сидоръ, а лучше Черкаса — человѣка бывалаго и въ законѣ доку — и выбрать было нельзя. Депутаты отправились. Путешествіе было далекое, нѣсколько сотъ верстъ; пора самая рабочая; но въ концѣ виднѣлась надежда измѣнить и улучшить свое положеніе,—и крестьяне, съ краюхой хлѣба въ котомкѣ и съ просьбой за пазухой, бодро шли впередъ. На восьмой день по выходѣ изъ Сосновки, гдѣ это хранилось въ глубокой тайнѣ, отважные депутаты были допущены передъ лицо его превосходительства. Старый, но еще видный изъ себя статскій генералъ, Михаилъ Дмитріевичъ Столяровъ, удостоилъ ихъ выслушать, улыбаясь непонятному говору крестьянъ.

— Quel jargon! — обратился онъ къ Степану Петровичу Овсянскому.

— Impayable! — отвѣтилъ тотъ, ничего не слыхавъ и думая о новой актрисѣ, которой онъ желалъ послать букетъ.

Крестьяне разсказали все. Они полагали, что вся ихъ миссія состоитъ въ томъ, чтобы правдиво изложить то, что у нихъ дѣлается, и ждать помощи. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ, они подали жалобу писанную. Въ наивной жалобѣ этой, написанной со словъ крестьянъ Скудельниковымъ и начинавшейся словами: «мы, живя среди лѣсовъ», по пунктамъ были изложены слѣдующія жалобы: «Крестьяне Волчьей волости чинили десяти-верстную греблю безвозмездно и только

въ нынѣшнемъ году отъ одного человѣка узнали, что могутъ получить нѣсколько тысячъ рублей, если подрядятся чинить ту же самую греблю на слѣдующее трехлѣтіе. Мірскіе денежные сборы, взыскиваемые съ крестьянъ безъ всякихъ приговоровъ, никогда не записывались въ ихъ платежныя книжки, да и самыхъ книжекъ у нихъ не было на рукахъ, не смотря на то, что они за нихъ заплатили по 50 коп. за штуку. Денежные сборы взыскивались съ перевизскихъ душъ отъ двухлѣтняго возраста, безъ всякаго учета этихъ и другихъ сборовъ впродолженіе многихъ лѣтъ. Въ такомъ-то году крестьяне, по распоряженію старшины, заплатили пять рублей съ каждаго двора арендатору за какую-то досыпку хлѣбнаго магазина, который былъ растраченъ прежнимъ арендаторомъ. Деньги за право содержанія питейныхъ заведеній старшина получаетъ не извѣстно въ чью пользу, а продажа питей производится евреями по такимъ приговорамъ, которые никакъ нельзя назвать общественными, такъ какъ крестьянское общество участвуетъ въ нихъ только тѣмъ, что старшина и писарь прикладываютъ за неграмотныхъ печати сельскихъ старостъ, всегда хранящіяся на такіе случаи подъ ключемъ у волостнаго старшины. И выходитъ, такимъ образомъ, будто всѣ договоры и приговоры совершаются съ согласія крестьянъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ни крестьяне, ни сельскіе старосты иногда о нихъ ничего не знаютъ, какъ это и было въ приговорѣ о Щелкуновѣ. Хотя крестьяне надѣлены землей въ достаточномъ количествѣ, но земля эта такъ удалена отъ ихъ усадьбы и состоитъ въ такой черезполосности, что они находятся какъ бы въ постоянной осадѣ и за каждую попавшую на арендаторскія владѣнія скотину взыскивается про-

извольно налагаемый штрафъ. Кромѣ того, между крестьянскимъ лугомъ и усадьбой находится часть никуда негодной земли, которая не была оцѣнена при отводѣ надѣла и впослѣдствіи отошла къ помѣщику. Какъ совершенно неудобная, она оставалась безъ всякаго употребленія до тѣхъ поръ, пока арендатору, еврею Цаплику, не пришло въ голову обратить ее въ постоянную статью дохода. Цапликъ безъ труда получилъ ее въ аренду и за прогонъ по ней скота на крестьянскій лугъ, сталъ брать плату съ двора (хотя по уставной грамотѣ крестьяне имѣли право пользоваться этимъ прогономъ безъ всякой платы), а старшина—подвергать штрафу тѣхъ, кто не хотѣлъ платить этого оброка. Но особенной тяжестью ложился на крестьянъ договоръ, заключенный старшиной все съ тѣмъ же Цапликомъ на содержаніе при волостномъ правленіи одной пары стойковыхъ лошадей. По этому договору, каждый дворъ платилъ еврею Цаплику по нѣсколько рублей, причемъ еврейскія лошади возятъ только на разстояніи десяти верстъ отъ волости, а потомъ ихъ смѣняютъ лошади крестьянскія. Помимо несообразной цѣны, тягость этого налога увеличивалась еще тѣмъ, что эти деньги выплачивались Цаплику не деньгами, а крестьянскимъ трудомъ: крестьяне были обязаны выкапывать въ лѣсу корчи для гонки смолы по невозможно дешевой цѣнѣ. Несогласныхъ съ этимъ условіемъ старшина подвергалъ штрафу, усугубляемому иногда тѣлеснымъ наказаніемъ: такъ, когда крестьянинъ Ѳома Круглый осмѣлился заявить, что не станетъ отбывать барщины на жида, когда отъ барщины ихъ освободилъ Царь, — то за такое сужденіе старшина далъ ему сначала тридцать ударовъ розгами, потомъ двадцать ударовъ палкой

и, наконецъ, потребовалъ къ себѣ въ домъ, сѣкъ, сколько душѣ угодно, оправдываясь на жалобы мужика тѣмъ, что не имѣлъ времени считать удары.

Не знаю, была-ли эта жалоба смѣшна, но, разсказывая объ аудіенціи между двумя пульками въ клубѣ, Степанъ Петровичъ Овсянскій, attaché при особѣ его превосходительства, смѣясь, назвалъ ее chef d'oeuvre'омъ безтолковщины.

— Начиналась она, — говорилъ онъ предсѣдателю казенной палаты Ля-Петри, большому пріятелю Гвоздикѣ, — на манеръ какой-то цыганской пѣсни: «мы, живя среди лѣсовъ и полей дремучихъ»... Pardon! вы понимаете: я хочу сказать: «лѣсовъ дремучихъ»,— поправился онъ, улыбаясь своей собственной игривости, — и такъ шла до конца въ этомъ музыкальномъ родѣ. Самъ Михаилъ Дмитріевичъ улыбнулся, передавая мнѣ этотъ документъ.

Степанъ Петровичъ былъ извѣстенъ своимъ остроуміемъ и умѣніемъ смѣшно разсказывать. Это былъ человѣкъ салона par excellence. Около него тотчасъ же образовался кружокъ слушателей такихъ же праздныхъ и самодовольныхъ, какъ онъ самъ.

— Нѣтъ, каково, я васъ спрашиваю, je vous demande un peu, каково возиться съ этими первобытными нашему милѣйшему Гвоздикѣ?—воскликнулъ предсѣдатель, щуря лѣвый глазъ и поправляя браслетъ, который онъ носилъ въ память какого-то печальнаго событія.—Право, эти господа-посредники приносятъ настоящую жертву!

— Да вы послушайте, какъ они про самого Гвоздику-то разсказывали,—продолжалъ Степанъ Петровичъ, довольный вниманіемъ клубной аудиторіи,—просто потѣха! Высѣкли ихъ тамъ, или что-то еще, ma

foi, je n'en sais rien!.. пошли они къ нему жаловаться. Пришли, говорятъ, перекрестились и просятъ допустить. Ждали долго. Разъ сказали — почеваетъ; въ другой говорятъ—собаку чешетъ; въ третій — щенка учитъ. Видимъ, говорятъ, что господскимъ дѣломъ занятъ.

— Impayable!—воскликнулъ предсѣдатель и совсѣмъ зажмурился отъ удовольствія.

— Нѣтъ, надобно было слышать, какъ они сами это разсказывали... Безподобно! Вы слышали непосредственный, безсознательный юморъ русскаго человѣка. Я чрезвычайно мѣтко схватываю эти детали.

— J'espère bien!—воскликнулъ съ видомъ одобренія предсѣдатель.

— И потомъ этотъ польскій языкъ,—продолжалъ, съ той же игривой возбужденностью Овсянскій, который я, разумѣется, опускаю, какъ совершенно невозможный для передачи. Quel jargon, s'il vous plait!—обернулся ко мнѣ Михаилъ Дмитріевичъ.—Impayable! говорю.

Степанъ Петровичъ посмотрѣлъ кругомъ: на лицахъ слушателей выражалось полное одобреніе этому маленькому дивертиссементу.

— Какъ же отнеслись ихъ превосходительство? — освѣдомился случившійся тутъ какой-то уѣздный панъ маршалокъ изъ назначенныхъ.

— Ну, разумѣется, пообѣщалъ, обнадежилъ и мнѣ поручилъ все разобрать, какъ будто можно что-нибудь понять и разобрать въ этой ерундѣ!

Маршалокъ согласился, «что никакъ нельзя», и выразилъ на своемъ лицѣ тонкую иронію. Улыбнувшись ему, Степанъ Петровичъ продолжалъ:

— Я тотчасъ къ Никанору Антоновичу, а онъ, знаете, всю эту науку прошелъ à fond, самъ посредникомъ былъ, и говорю ему: какъ бы, говорю, Гвоздику-то: вѣдь вещи «бардзо неподобныя» разсказываютъ. Всѣ улыбнулись польскому словечку... Никаноръ Антоновичъ задумался, потомъ вдругъ говоритъ:—А вы, говоритъ, спрашивали: есть ли у нихъ пропускъ?— Тутъ меня какъ осѣнило. Мы къ мужикамъ, а у нихъ, голубчиковъ, ни вида, ни пропуска, какъ птицы небесныя... Никаноръ Антоновичъ сейчасъ статью, и на законномъ основаніи—понимаете—водворить на мѣстѣ жительства, а подлинную жалобу передать посреднику Неправда ли: просто и ясно?

— И остроумно! — въ томъ же тонѣ одобренія произнесъ предсѣдатель.

— Да, это голова! — сказалъ съ убѣжденіемъ Степанъ Петровичъ.—Онъ пойдетъ далеко: c'est moi qui vous le dis! Сейчасъ, сейчасъ!—крикнулъ онъ кому-то въ буфетъ и, извинившись передъ предсѣдателемъ, направился къ буфету.

XIII.

Когда сконфуженная депутація, очутившаяся въ положеніи дезертировъ, была выпровожена со срамомъ «изъ губерніи» домой, а получившій жалобу, Михаилъ Ивановичъ Гвоздика, пообѣщавъ все разобрать и наказать, велѣлъ ожидать своего пріѣзда.—Крестьяне, подстрекаемые Скудельниковымъ, рѣшили, что имъ остается одно — не допускать Кулака до дворянства. Это было единственное средство выйдти изъ-подъ кабалы; ждать больше нечего и надѣяться не на кого. Та робость, которая еще владѣла ихъ сердцами въ ожиданіи возвращенія Степана Черкаса и Бычкова, теперь вдругъ уступила мѣсто стремительному желанію поскорѣе освободиться отъ грядущей бѣды. На об-

щемъ совѣтѣ было положено собраться всѣмъ въ первое воскресенье, послѣ обѣдни, къ волостному правленію и предложить Кулаку сложить съ себя званіе старшины. Починъ всего дѣла взялъ на себя старый Петръ Подгорный.

— Мнѣ все равно жить недолго, — сказалъ онъ съ трогательной простотой: — сослужу послѣднюю службу міру!

И когда пришло время, онъ, перекрестившись, вышелъ первый.

Въ назначенный часъ, крестьяне собрались возлѣ волостнаго правленія и вытребовали оттуда Кулака, какъ звѣря изъ берлоги. На его бѣду, Курочки не было дома; понимая, что дѣло не совсѣмъ ладно, старшина застегнулся, повѣсилъ медаль и вышелъ на крыльцо. Отдѣлившись отъ толпы, старикъ Подгорный, именемъ своей волости, предложилъ ему сложить съ себя званіе старшины и снять медаль. Это было до того неожиданно и ни съ чѣмъ несообразно, что Кулакъ въ первую минуту ошалѣлъ и не зналъ, что отвѣтить.

— Ужъ сдѣлай такую милость,—сказалъ кто-то въ переднихъ рядахъ.

— Честью просимъ!—прибавилъ Иванъ Хмѣлевскій и даже поклонился.

— Честью просимъ!—повторила толпа, подвигаясь къ старшинѣ, который, сойдя съ крыльца, не трогался съ мѣста.

— Сидоръ Тарасычъ!—проговорилъ старикъ Подгорный и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Такъ вотъ вы какъ!—вдругъ злобно заговорилъ Кулакъ и его жирное, лоснящееся лицо побагровѣло. Ахъ вы, подлецы... дѣти!

И, опомнившись отъ первой неожиданности, старшина затопалъ ногами. Но передъ нимъ стояла толпа, сильная своею численностью и единодушіемъ: всѣ желали одного, знали ясно, чего желали, и не хотѣли уступить ни одного шага.

«Такъ будь, что будетъ, а надо кончить!» думалъ каждый, и всѣ медленно напирали на Кулака. Когда на вторичное требованіе Подгорнаго — снять медаль, Кулакъ въ ярости хотѣлъ броситься въ толпу и разогнать ее, произошла сцена, въ которой никто не могъ дать вѣрнаго отчета. Драки никакой не было, потому что она невозможна, когда противъ одного шли всѣ. Но пока чьи-то руки попридержали Кулака, Подгорный сдернулъ съ него медаль. Такъ говорили одни; по другому варьянту выходило, будто Кулакъ самъ сорвалъ съ себя медаль и, бросивъ ее на землю, сказалъ: «нате-жъ вамъ, собаки!» Но дѣло въ томъ, что медаль, такъ или иначе, была снята.

Какъ силачъ, лишенный своего талисмана, Кулакъ мгновенно упалъ духомъ, и въ ту минуту, когда онъ, по требованію крестьянъ, отдавалъ печати сельскихъ старостъ, онъ понялъ, что его царство кончилось. Крестьяне и сами не ожидали, что все обойдется такъ скоро и просто. Но писарь Курочка, вернувшись съ какой-то свадьбы и узнавъ объ этомъ неожиданномъ переворотѣ, мигомъ ободрилъ Кулака, выпилъ съ нимъ водки, настрочилъ какую-то бумагу, разбудилъ спавшаго Еремку, сунулъ ему запечатанный пакетъ и велѣлъ духомъ куда-то доставить. Переходя отъ этапа къ этапу, вездѣ возбуждая толки надписью: «весьма важное», пакетъ достигъ своего назначенія, и уѣздный городъ узналъ, что въ Волчьей волости бунтъ. Только сами бунтовщики не знали что они бунтуютъ.

XIV.

Петръ Ивановичъ былъ встревоженъ и недоволенъ. Не признаваясь самому себѣ, онъ однако боялся такихъ непредвидѣнныхъ случайностей, которыя, неизвѣстно какъ прицѣпившись къ начатому дѣлу, могли обнаружить кое-какія секретныя операціи, которыя онъ считалъ давно похороненными.

— Чортъ знаетъ,—думалъ онъ съ досадой, вызывая въ памяти какіе-то факты и цифры:—вѣдь иногда выплываютъ наружу самыя неожиданныя открытія. Въ умѣ впечатлительнаго и трусоватаго «пана маршалка» происходила большая тревога: боясь за себя, онъ въ то же время былъ радъ, что происшествіе случилось именно у Гвоздики, у того ненавистнаго Гвоздики, который стоялъ ему поперегъ горла, заслоняя собою милости его превосходительства. Что посредникъ Гвоздика отъявленный негодяй—это было несомнѣнно для самого Петра Ивановича, какъ для всѣхъ; но Гвоздика имѣлъ какого-то покровителя въ министерствѣ; онъ пользовался милостями того великаго магната, чьей благосклонностью дорожилъ самъ губернаторъ, и въ этой непроходимой, безправной и жалкой глуши Михаилъ Ивановичъ Гвоздика былъ нѣкотораго рода силой. Въ «губерніи», гдѣ у него было пропасть пріятелей и нѣсколько вѣскихъ покровителей, онъ былъ извѣстенъ за широкую русскую натуру, за добраго малаго; тамъ знали, что онъ держитъ крестьянъ въ ежевыхъ рукавицахъ, не даетъ имъ баловаться и ставили ему это въ заслугу. Гвоздика былъ столбомъ мировыхъ учрежденій Болотной губерніи,—и вдругъ у такого идеальнаго посредника — безпорядки! Соображая

все это и многое другое, Петръ Ивановичъ хваталъ себя за голову и становился втупикъ: ему хотѣлось въ одно и то же время и замять дѣло во избѣжаніе какихъ-нибудь неосторожныхъ открытій и еще больше хотѣлось отличиться въ глазахъ губернатора и, слѣдовательно, цѣлой губерніи какимъ-нибудь особеннымъ блестящимъ манеромъ, по которому всѣ тотчасъ же увидѣли, до какой степени нравственно благороденъ и административно распорядителенъ «панъ маршалокъ» медвѣжьяго уѣзда. Словомъ, бѣднаго Петра Ивановича осаждали самыя сбивчивыя мысли. Къ сожалѣнію, замять дѣло было уже поздно; оставалось, стало быть, по возможности, отличиться. Но отличиться хотѣлось и исправнику, и прокурору, и становому: всѣ они понимали, что за удачнымъ исходомъ дѣла послѣдуетъ благодарность, награда, быть можетъ, повышеніе. Такіе примѣры были у всѣхъ на глазахъ: въ перспективѣ виднѣлся лакомый кусокъ и невольно возбуждалъ чиновничье усердіе. Несчастные крестьяне становились, такимъ образомъ, исходной точкой собственнаго благополучія всѣхъ этихъ господъ, жаждавшихъ подвиговъ и славы. О крестьянахъ, по правдѣ сказать, никто изъ нихъ не думалъ,—каждый заботился только о себѣ. Поди, жди еще такого случая: вѣдь люди бунтуютъ не каждый день! Но больше всѣхъ, какъ лицо облеченное властью, тревожился Петръ Ивановичъ. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, посовѣтовавшись съ женою, хотя вовсе не для того, чтобы послушать ея совѣта, «панъ маршалокъ» рѣшился ѣхать въ Волчью волость самъ и, пославъ его превосходительству эстафету, сталъ готовиться къ отвѣту.

— А какъ же нашъ вечеръ-то, Pierre?—Вѣдь поваръ ужъ кремъ приготовилъ!—всплеснула руками находчи-

вая «пани», ни при какихъ случаяхъ жизни не упускавшая изъ вида своихъ хозяйственныхъ соображеній.

Но Петръ Ивановичъ, чувствуя себя въ эту минуту на всей высотѣ своего положенія, только пожалъ плечами и велѣлъ подать чемоданъ.

Вечеромъ, когда Мина Абрамовна снаряжала маленькую экспедицію въ дальную дорогу, къ Петру Ивановичу собрались разные представители уѣздной администраціи: пришелъ исправникъ, товарищъ прокурора и, наконецъ, судебный слѣдователь, только-что пріѣхавшій изъ своего участка, къ которому принадлежала взбунтовавшая волость.

— Слышали, господа, какова новость?—встрѣчалъ гостей Петръ Ивановичъ, пожимая имъ руки съ своею обычной торопливой манерой.

— Н-да!—произнесъ прокуроръ, высокій, болѣзненнаго вида брюнетъ, вѣчно съ пилюлями въ карманѣ,—непріятный казусъ. Вѣдь это открытое возмущеніе,—прибавилъ онъ, кладя на окно свою темно-зеленую фуражку.

— Бунтъ! прямой бунтъ!—гудѣлъ басомъ старый исправникъ, съ утра до вечера отдававшій водкой, какъ старая, пропитанная сивухой бочка. И у кого же?—продолжалъ онъ, захохотавъ.—У образцоваго посредника Гвоздики! Извольте видѣть: взбунтовались потому, что старшина не понравился,—каковы нынче мужички, а? Сегодня не понравился старшина, завтра не понравится исправникъ, а тамъ, смотришь, и посредника по боку.

— По моему, тутъ надо искать причины глубже,—сказалъ слѣдователь, молодой человѣкъ угрюмаго вида въ высокихъ, по дорожному, сапогахъ, которые видимо шокировали чопорнаго «пана маршалка».

— Вы когда изъ участка?—спросилъ Петръ Ивановичъ, косясь на сапоги.

— Третьяго дня. Узналъ все на дорогѣ отъ становаго.

— Да гдѣ же самъ виновникъ... то бишь, посредникъ? гдѣ нашъ Михаилъ Ивановичъ?—восклицалъ, съ лукавой усмѣшкой, любившій пошутить старый исправникъ.

— Въ Кіевъ за велосипедомъ поѣхалъ,—съ тою же угрюмой миной сказалъ судебный слѣдователь, не замѣчая сердитаго взгляда «пана маршалка».

— Та-та-та!—воскликнулъ опять исправникъ, обводя присутствующихъ своими добродушными, подслѣповатыми глазами. Изволите видѣть, какія вещи: онъ за велосипедомъ поѣхалъ, а мы тутъ расхлебывай кашу, которую онъ заварилъ.

Такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу не нравилось Петру Ивановичу: оно словно умаляло важность того событія, въ которомъ онъ собирался играть роль, и «панъ маршалокъ» далъ это почувствовать.

— Послушайте, Кирилла Семеновичъ, вамъ однако необходимо немедленно туда отправиться!—сказалъ дѣловымъ тономъ, озабоченно и нѣсколько начальнически Петръ Ивановичъ. Дѣло серьезное и не терпитъ отлагательства.

— Ну, такъ что же? поѣду и усмирю... Когда я служилъ въ Борисовѣ...

— Я думаю, сначала мѣрами кротости,—внушительно произнесъ «панъ маршалокъ», останавливая исправника взглядомъ.

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю!—воскликнулъ тотъ. Когда я служилъ въ Борисовѣ, такъ мнѣ за эти мѣры кротости задали такого трезвона, что ужъ теперь слуга покорный...

— Чтожъ вы ихъ разстрѣливать хотите?—спросилъ

судебный слѣдователь, смотря насмѣшливо изъ-подъ очковъ на расходившагося старика.

Но Кириллъ Семеновичъ ни на кого не обращалъ вниманія:

— Мѣрами кротости? Какъ бы не такъ! На каторгу мошенниковъ! нагайками, сквозь строй, по николаевски!—выкрикивалъ онъ, свирѣпо ворочая глазами и не замѣчая, что прокуроръ морщился отъ одного представленія этихъ экзекуцій—Нашли время, когда толковать о мѣрахъ кротости!...

— Послушайте, господа,—перебилъ его прокуроръ,—не поѣхать-ли намъ всѣмъ вмѣстѣ, какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ?

— Я непремѣнно поѣду!—поспѣшилъ сказать «панъ маршалокъ», боясь, какъ бы не отнесли къ кому другому почина его поѣздки.

— Непремѣнно-съ. Я только жду инструкціи отъ Михаила Дмитріевича на посланную эстафету.

— Ѣхать, такъ ѣхать! Какія тамъ еще инструкціи?—И Кириллъ Семеновичъ потянулся за своею фуражкой.

— Ура!—раздалось въ эту минуту за дверью и въ залу вошелъ только что назначенный посредникъ Грохотовъ, кадетъ въ отставкѣ, пьяница и шутъ.—Слышалъ, слышалъ, знаю!—весело кричалъ онъ, здороваясь и швырнувъ на рояль свое кепи и хлыстъ.—Безподобно! adorable! Ай да Гвоздика! вѣдь онъ ихъ поролъ не на животъ, а на смерть, закрѣпостилъ совсѣмъ!...

— Да откуда вы все это знаете?—спросилъ его холодно Петръ Ивановичъ, чрезвычайно раздосадованный разоблаченіями Грохотова.

— Да ужъ секретничать-то теперь нечего: само наружу вылѣзло... Ай да Михаилъ Ивановичъ! Нѣтъ Овсянскій-то, Степанъ Петровичъ-то въ какихъ дуракахъ! вѣдь онъ мнѣ Гвоздику-то образцомъ ставилъ: у Гвоздики, говоритъ, тишь да гладь да Божья благодать, анъ благодати-то...

—Да полно вамъ паясничать!—остановилъ его прокуроръ

— Анъ благодати-то оказалось меньше всего. Петръ Ивановичъ! а вѣдь намъ это съ вами на руку, а?—подмигнулъ онъ ему. Медаль сорвали! каковы подлецы! вѣдь это, батюшка, по вашей части,—обратился онъ къ прокурору, фамильярно хлопнувъ его по колѣнкѣ.

Прокуроръ, только что проглотившій пилюлю, съ неудовольствіемъ отъ него отодвинулся.

— Откуда вы все это знаете?—повторилъ раздражительно Петръ Ивановичъ, видя, что административная тайна выброшена на улицу и вскорѣ, вѣроятно, станетъ достояніемъ толпы.

Грохотовъ захохоталъ.

— Вона! Откуда знаю? Да Колобовъ вчера на площади во всеуслышаніе кричалъ!.. Экъ хватились: откуда знаю! Мнѣ удивительно: какъ вы-то этого не знали?!.

Петръ Ивановичъ былъ почти сконфуженъ, но, не выдавая своего волненія, онъ произнесъ:—Итакъ, господа...

Затѣмъ онъ поднялся, какъ-бы давая этимъ понять, что говорить довольно и пора дѣйствовать.

Гости взялись за фуражки. Но Грохотовъ не унимался.

— Вы хоть-бы водки дали, Петръ Ивановичъ?—сказалъ онъ вдругъ совсѣмъ серьезно, оглядываясь на пустой столъ.—Этакое дѣло—да не выпить!..

— Пойдемъ ко мнѣ,—сказалъ, взявъ его подъ руку,

исправникъ,—передъ отъѣздомъ по маленькой пропустимъ.

— А развѣ вы, господа, ѣдете?—освобождая свою руку и обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, спросилъ Грохотовъ.

— Ѣдемъ,—коротко и сухо произнесъ Петръ Ивановичъ и заговорилъ съ прокуроромъ.

— А какъ-же я-то? возьмите, господа, и меня,—жалобно произнесъ Грохотовъ. Я еще въ корпусѣ всѣ эти экзекуціи смерть любилъ.

— Вамъ туда зачѣмъ? вѣдь это не въ вашемъ участкѣ,—отвѣтилъ ему «панъ маршалокъ», пожимая руку уходившему прокурору и отводя къ окну слѣдователя.

— Ну, такъ, для процессіи, для симметріи, чортъ возьми! Кому-же я помѣшаю?—говорилъ онъ обиженно и сердито, какъ школьникъ, котораго лишали давно ожидаемаго удовольствія.

— Поѣзжайте себѣ, коли есть охота тащиться за полтораста верстъ безъ всякой надобности... проговорилъ нехотя, съ оттѣнкомъ пренебреженія, Петръ Ивановичъ.

— Ну, такъ мы съ вами, значитъ, Кириллъ Семеновичъ,—радостно воскликнулъ Грохотовъ и, подхвативъ исправника за руку, продолжалъ:—и знаете какъ? возьмемъ съ собой лафиту, портвейну...

— Черта-ли въ немъ, въ портвейнѣ? Лучше коньячку...

— Это само собой... бутылочки три шампанскаго... Петръ Ивановичъ велитъ своему Михайлу захватить сельтерской воды,—распоряжался Грохотовъ, будто собираясь на пикникъ... Вѣдь водки тамъ, конечно, достанешь... какъ тамъ на счетъ этого? вы должны знать, Петръ Ивановичъ!—И, не обращая вниманія на

нахмурившагося «пана маршалка», онъ весело надѣлъ свою фуражку и, помахивая хлыстомъ, вполголоса запѣлъ: «Très jolie, peu polie, possédant un gros magot...»

— Идіотъ,—произнесъ, пожимая плечами, Петръ Ивановичъ, смотря вслѣдъ уходившему съ исправникомъ Грохотову. И этакихъ шелопаевъ принимаютъ на службу!..

— По милости жены... Она у господина Хвостовскаго на правахъ первой султанши состояла!—сказалъ посвященный по своей обязанности во всѣ губернскія сплетни прокуроръ.

— У насъ все такъ, а потомъ и удивляются, почему дѣло не идетъ,—произнесъ съ горечью Петръ Ивановичъ и, спохватившись, что сказалъ лишнее, прибавилъ: такъ, значитъ, ѣдемъ?..

XV.

Образовавшаяся, по случаю неожиданнаго происшествія, коммиссія изъ четырехъ членовъ, отправилась на другой день въ Волчью волость. Исправникъ съ судебнымъ слѣдователемъ поѣхали впередъ, а черезъ день, дождавшись инструкцій, тронулся въ путь и самъ Петръ Ивановичъ съ прокуроромъ. (Посредникъ Грохотовъ, мѣшая лафитъ съ портвейномъ, такъ напился, что его, къ великоту удовольствію Петра Ивановича, отправили для протрезвленія домой).

Всѣ ѣхали въ различномъ настроеніи: болѣзненный прокуроръ, носившій нѣмецкую фамилію Кронберга и романическое имя Адольфа, считалъ свою поѣздку настоящимъ самопожертвованіемъ; судебный слѣдователь хлопоталъ о томъ, какъ-бы укротить исправника, а Петръ Ивановичъ мечталъ насолить Гвоздикѣ и прославить себя.

Возбужденнѣе всѣхъ былъ старый исправникъ, наэлектризованный коньякомъ и воинственными рѣчами Грохотова, имѣя съ одной стороны яркій прецедентъ знакомаго становаго, котораго за распорядительность сдѣлали исправникомъ, съ другой,—памятуя собственную неудачу, когда, служа въ Борисовѣ, онъ не принялъ «рѣшительныхъ мѣръ». — Кириллъ Семеновичъ вступилъ въ Волчью волость, какъ настоящій побѣдитель. Въ сущности это былъ очень добрый и даже слабый человѣкъ, любилъ халатъ и туфли, игралъ по маленькой и пилъ по большой; никогда не зналъ, что дѣлается у него въ домѣ и въ уѣздѣ, слушалъ во всемъ своего помощника, избѣгалъ всякихъ крутыхъ мѣръ, даже съ городовыми; но тутъ, боясь выговора, онъ рѣшился быть строгимъ. Вдобавокъ, ему хотѣлось отличиться. Ему, разумѣется, не было ни малѣйшаго дѣла до причинъ недовольства въ Сосновкѣ; онъ могъ имъ даже сочувствовать по природной добротѣ, но надо было показать примѣръ. Ему оффиціально сообщили, что крестьяне сорвали со старшины медаль, заперли волостное правленіе и учинили безпорядокъ—словомъ, что въ уѣздѣ не благополучно, а такъ какъ въ уѣздѣ онъ, Кириллъ Семеновичъ Улановъ, отвѣтственное лицо и полный хозяинъ, то онъ и долженъ принять мѣры. Положимъ, что и другіе считали себя неменьшими хозяевами въ томъ-же уѣздѣ, и опытный исправникъ это очень хорошо понималъ; но вѣдь въ томъ-то и состояло все искусство, чтобы, дѣйствуя сообща, не мѣшать другъ другу, отличаясь (въ предѣлахъ каждому предоставленныхъ) гдѣ и какъ кто можетъ. Всѣ это отлично понимали; это установилось какъ-бы само собой, безъ разговоровъ, по инстинкту. Это почти давалось свыше, нисходило, какъ наитіе.

Для большаго устрашенія, Кириллъ Семеновичъ вступилъ въ Сосновку съ отрядомъ изъ безсрочно-отпускныхъ солдатъ; онъ ихъ собралъ по селамъ и мѣстечкамъ, посадилъ на телѣги, оторвавъ отъ плуга и косы, и торжественно, не смотря на убѣжденіе своего спутника, слѣдователя, въѣхалъ въ Сосновку, подкрѣпляясь коньякомъ. Крестьяне, ожидавшіе мироваго посредника, были чрезвычайно удивлены, когда окруженный своимъ штабомъ, въ сопровожденіи слѣдователя, явился исправникъ. Кириллъ Семеновичъ началъ съ того, что немедленно послалъ въ сосѣднее мѣстечко за старой водкой, потомъ созвалъ крестьянъ и, никого и ничего не слушая, надѣлъ на Кулака медаль, провозгласивъ его первымъ старшиной въ губерніи. Тогда произошелъ вторичный скандалъ, нѣчто въ родѣ свалки, во время которой Петръ Подгорный, подойдя къ старшинѣ, съ согласія крестьянъ, снялъ съ него медаль и, объявивъ себя главнымъ зачинщикомъ, былъ немедленно закованъ въ кандалы. Съ нимъ вмѣстѣ, по указанію старшины, подъ причитанія бабъ и ропотъ толпы, были отправлены въ кутузку, подъ присмотръ сторожа Еремки, пять другихъ «бунтовщиковъ».—«Мошенники! канальи! бунтовщики! Я васъ!..» кричалъ сиплымъ басомъ исправникъ, и судебному слѣдователю едва удавалось его сдерживать. Распорядившись рѣшительно, Кириллъ Семеновичъ отправился отдохнуть и распустилъ солдатъ по квартирамъ обывателей. Въ тотъ же вечеръ, менѣе торжественно, безъ конвоя и въ собственной коляскѣ на рессорахъ, съ поваромъ на козлахъ, пріѣхалъ Петръ Ивановичъ съ прокуроромъ.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, не видали окрестности Сосновки столько начальства. Услышавъ стукъ

колесъ, проспавшійся Кириллъ Семеновичъ вышелъ на крыльцо въ тотъ самый моментъ, когда поваръ съ одной стороны, а старшина—съ другой, высаживали изъ коляски «пана маршалка», почтительно поддерживая его за локти.

— А я ужъ думалъ—не пріѣдете!—закричалъ Кириллъ Семеновичъ съ крыльца.—Упорство, бунтъ!.. ничего слушать не хотятъ!... говорилъ онъ, съ трудомъ ворочая языкомъ и обдавая Лупинскаго запахомъ водки. Вотъ свидѣтель—показалъ онъ на кланявшагося Кулака.

— Что же такое?—встревожился Петръ Ивановичъ.

— Бунтъ, самоуправство!... Понимаете, меня самого... Послалъ эстафету о подкрѣпленіи... Пусть пришлютъ казаковъ или пѣхоту,—говорилъ онъ.

— Артиллерію бы ему!—сказалъ прокуроръ на ухо Лупинскому, который еще самъ не зналъ, какъ принять это извѣстіе.

Вошли въ домъ. Прокуроръ спросилъ прежде всего умыться, и среди плеска воды можно было разслышать, какъ слѣдователь, съ неудовольствіемъ въ голосѣ, говорилъ:—Все вздоръ: какое тутъ подкрѣпленіе! Ему не вѣсть что мерещится... И зачѣмъ его пустили впередъ? все дѣло испортилъ...

— Поменьше бы тревоги,—сказалъ умывшійся прокуроръ, вытираясь полотенцемъ.

— А Гвоздику... началъ было слѣдователь, но былъ прерванъ междометіемъ «тс»! Слѣдователь только пожалъ плечами и сталъ закуривать папироску.

Въ то же время Кулакъ съ краснымъ, злобно-возбужденнымъ лицомъ говорилъ Петру Ивановичу, размахивая руками безъ всякаго уваженія къ особѣ своего бывшаго начальника.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе: этимъ мошенникамъ Сибири мало.

— Да что побудило ихъ? какъ все это случилось?

— Не могу знать. Собрались это всѣ вмѣстѣ, вышелъ ихній воротила, Петька Подгорный, впередъ:—Сымай, говоритъ, медалю. Какой ты, говоритъ, старшина, когда ты своей волости злодѣй?... Я было его за шиворотъ, а онъ изловчился, да за цѣпь какъ рванетъ... Поднялъ ее вверхъ, да и кричитъ:—Разжаловали, говоритъ, ребята, теперь выбирай другаго!

— Ты ихъ, вѣроятно, до этого довелъ?—сказалъ Петръ Ивановичъ, какъ будто больше для очищенія совѣсти, нежели въ видѣ замѣчанія Кулаку.

— Никоимъ родомъ, ваше высокоблагородіе. Все Щелкуновъ: отъ него вся эта вражда пошла съ тѣхъ самыхъ поръ.

— Михаилъ Ивановичъ зналъ?

— Не могу знать. Ихъ благородіе сказывали,—показалъ онъ головой въ сторону висѣвшаго пальто исправника:—ихъ благородіе сказывали, что Михаилъ Ивановичъ уѣхали въ Кіевъ... Я имъ давно резоны представлялъ; ну, они точно-что двухъ-таки порядкомъ отодрали:—Уймутся теперь, изволили сказать, а они, злодѣи, вотъ что затѣяли! Сибири имъ, ваше высокоблагородіе, мало!—повторилъ онъ тономъ убѣжденнаго судьи.

— Ну, хорошо, ступай!—кивнулъ головой Петръ Ивановичъ и задумался, понимая всю важность своей роли.

XVI.

Когда члены наскоро образовавшейся коммиссіи напились чаю, отдохнули и закусили, когда Кириллъ Семеновичъ протрезвился на столько, что былъ въ со-

стояніи произносить членораздѣльные звуки, Петръ Ивановичъ сказалъ, что пора приступить къ дѣлу. Вздохнувъ, всѣ перешли къ столу. Петръ Ивановичъ занялъ предсѣдательское мѣсто передъ чернильницей, и судебный слѣдователь приступилъ къ допросу подсудимыхъ, которыхъ ввелъ сторожъ Еремка. Допросъ длился ровно два часа и не привелъ ни къ какому результату. Вызвали Степана Черкаса и того изъ братьевъ Бычковыхъ, который ходилъ съ нимъ «въ губернію» съ жалобою. Степанъ Черкасъ прямо заявилъ, что знаетъ законъ, потому сельскимъ старостой два года при Кулакѣ состоялъ.

— Онъ мнѣ за это время два зуба вышибъ,—прибавилъ онъ, какъ бы въ удостовѣреніе своей дѣйствительной службы.

Сидоръ Бычковъ больше молчалъ и только ограничивалъ Степана, когда тотъ пускался въ излишнія, по его мнѣнію, подробности.

— Степанъ!—дергалъ онъ его за полу,—ты понимай, съ кѣмъ говоришь, вѣдь господа: имъ только намекни—они поймутъ, а ты размазываешь...

Но Степанъ не внималъ ничему и, радуясь возможности высказать свое горе, говорилъ, обращаясь то къ тому, то къ другому члену:—Ваше благородіе, выслушайте, сдѣлайте божескую милость; передъ вами, какъ передъ Богомъ. Житья нѣтъ, вѣкъ заѣдаетъ... Намъ все одно пропадать...

— Да ты говори толкомъ, какъ было дѣло?—останавливали его.

— Дѣло было,—повторяетъ онъ,—собрались, это мы всѣ вмѣстѣ, потому жить стало нельзя, и принялись его усовѣщивать:—Сидоръ Тарасовичъ, говоримъ, дай міру вздохнуть, довольно и съ тебя, и съ насъ, по

гробъ жизни не забудемъ. Уступи мѣсто другому тоже крещеный человѣкъ... Ну, извѣстно, осерчалъ:—Ахъ вы, говоритъ, с... сыны, да я васъ говоритъ, такихъ-сякихъ,—старался онъ подражать голосу и манерѣ старшины,—и пошелъ, и пошелъ, и все такими словами.

— Степанъ!—дергаетъ его укоризненно за рукавъ Бычковъ.

— Постой, Сидоръ Ѳомичъ!—отмахнулся онъ сердито. — Видишь: господамъ угодно выслушать. Когда эдакаго случая дождешься!...

И онъ, отодвинувшись отъ Сидора, тѣмъ же повѣствовательнымъ тономъ продолжалъ:—Тутъ подошелъ къ нему дядя Петръ Матвѣичъ: Послушай, говоритъ, Тарасычъ, вся волость тебя проситъ. Ой! не надѣлай бѣды! ты, говоритъ, себя съ честью обезчестилъ (понимайте—о б е з п е ч и л ъ), у тебя, говоритъ, пять домовъ, воловъ не пересчитать... Тутъ ужъ не припомню доподлинно, какъ было,—перевелъ духъ Степанъ Черкасъ, — только Сидоръ Тарасовичъ замахнулся, наши ребята подступили и самую эту медалю онъ съ себя сбросилъ.

— Самъ сбросилъ, или кто съ него снялъ?

— Самъ, ваше высокоблагородіе, потому онъ въ ту пору очень испугавшись былъ...

— Какъ же вы рѣшились на такое самоуправство, а?—строго сказалъ Лупинскій. — А ты еще сельскимъ старостой былъ, знаешь законы... какъ ты допустилъ?

Смущенный мужикъ молчалъ.

—Если старшина виноватъ—жалуйтесь посреднику,—продолжалъ Петръ Ивановичъ:—вамъ прямой путь.

— Ходили, ваше высокоблагородіе, къ посреднику:

отодралъ. Пошли въ «губернію»—по этапѣ выслали. Какъ тутъ быть?—развелъ мужикъ отчаянно руками.

Члены коммиссіи переглянулись. Кириллъ Семеновичъ показалъ выразительной пантомимой на часы. Не будучи въ состояніи долго выдерживать умственнаго напряженія, онъ уже давно дремалъ подъ однообразный говоръ мужика, и только голосъ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ Петра Ивановича вывелъ его изъ этого дѣловаго полузабытья. Прокуроръ чувствовалъ себя утомленнымъ; онъ потянулся, мигнулъ слѣдователю, и допросъ былъ пріостановленъ—мужиковъ вывели. Прокуроръ, не смотря на свою боязнь сквозного вѣтра, открылъ окно, попрыскалъ передъ собой одеколономъ и, передавая флаконъ протянувшему за нимъ руку Петру Ивановичу, проговорилъ усталымъ голосомъ, зажмуривая глаза:—Для меня этотъ запахъ тулуповъ невыносимъ.

Петръ Ивановичъ, не желая отстать въ деликатности отъ прокурора, сдѣлалъ гримасу и, попросивъ у слѣдователя огня, закурилъ сигару.

Въ эту минуту въ сѣняхъ раздался шумъ и топотъ ногъ. Отличавшійся чуткостью Петръ Ивановичъ стремительно поднялся; въ узенькихъ сѣняхъ, раздѣляющихъ собою волостное правленіе на двѣ половины, толпилось нѣсколько человѣкъ, которыхъ сторожъ Еремка тщетно старался вытолкать за дверь. Увидѣвъ передъ собой «пана маршалка», они разомъ, какъ по командѣ, упали на колѣна.

— Встаньте, встаньте!—торопливо заговорилъ Петръ Ивановичъ, пятясь задомъ къ двери и не зная, уйти ли ему, или остаться.

Мужики не двигались съ мѣста.

— Встаньте, говорятъ вамъ!—крикнулъ онъ сердито.

Тотъ, что стоялъ впереди всѣхъ, Иванъ Свищъ, медленно поднялся; за нимъ поднялись остальные. Привлеченные шумомъ, къ двери подошли другіе члены коммиссіи.

— Что надо?—обратился Лупинскій къ мужикамъ, сдвигая свои брови.

Но въ эту минуту Кириллъ Семеновичъ, порываясь впередъ, крикнулъ сиплымъ голосомъ:—Плетьми васъ канальи, бунтовщики!

— Кириллъ Семеновичъ, сдѣлайте одолженіе!—проговорилъ прокуроръ и, слегка отстранивъ его рукою, затворилъ дверь.

— Ваше высокоблагородіе! заступитесь за старика: вторыя сутки въ кандалахъ сидитъ.

— Ничего не могу сдѣлать,—строго и печально сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Какъ передъ Богомъ ничѣмъ не виноватъ,—заговорили мужики.—Сдѣлайте такую милость,—кланялись они въ поясъ.

— Кромѣ прежней вины, господинъ исправникъ обвиняетъ его въ новомъ самоуправствѣ.

— Какое же, Боже ты мой, самоуправство! Т. е. пальцемъ не тронули! только всего и сдѣлали, что когда г. исправникъ надѣли на него медаль, то старикъ подошелъ и съ согласія всѣхъ снялъ. И все это, вѣрьте Богу, пристойно,—говорилъ стоявшій впереди всѣхъ зять Подгорнаго.—Только они изволятъ кричать:—Сидоръ Тарасовичъ первый старшина въ губерніи, а вы, говорятъ, передъ лицомъ начальства бунтовщики. Какіе же мы, Боже ты мой, бунтовщики!—съ сердечнымъ сокрушеніемъ проговорилъ мужикъ. Только они изволятъ кричать:—Нагайками, говорятъ, васъ подлецовъ! А жидъ лендаторъ тутъ сзади вер-

тится:—А что? я зе вамъ говорилъ, что такъ будетъ,— вотъ и вышло по моему!—Тогда господинъ начальникъ крикнули солдатамъ:—Бери ихъ ребята!—А мы имъ.— чего, ваше благородіе, безпокоитесь? мы васъ, говоримъ, пальцемъ не тронемъ... Въ этотъ самый разъ старикъ Петръ Матвѣевичъ вышелъ:—Вяжите меня, говоритъ, ваше благородіе, я одинъ виноватъ... Ну, тотчасъ его скрутили и подъ замокъ.

XVII.

— Ну, скажите на милость, что тутъ можно разобрать?—спросилъ Петръ Ивановичъ, выпивъ зельтерской воды изъ запаса, привезеннаго поваромъ. Прокуроръ сказалъ, что надо прежде всего оріентироваться, ища выхода изъ этой путаницы въ законѣ; слѣдователь разбиралъ свои бумаги, исправникъ, считая себя обиженнымъ, легъ на кровать и не сказалъ ничего. Всѣмъ, однако, было ясно, что причинъ бунта доискиваться нельзя, что разсуждать, кто правъ, кто виноватъ—невозможно, потому что, очевидно, виноватъ кругомъ Гвоздика. Это былъ пунктъ, на счетъ котораго всѣ были согласны, и который всѣмъ хотѣлось обойти.

— Ну, такъ какъ же, господа, какъ вы полагаете?— спросилъ Петръ Ивановичъ послѣ нѣкотораго молчанія, мысленно рѣшивъ принять сторону крестьянъ, не обвиняя однако непосредственно Гвоздику.—Какъ вы полагаете?—повторилъ онъ.

— Помирить бы какъ нибудь,—отвѣтилъ нерѣшительно слѣдователь.

— То есть какъ это помирить?—спросилъ прокуроръ, который, не смотря на свои нервы, совершенно равнодушно отправлялъ людей на каторгу и въ Сибирь.

— Не тащить же ихъ всѣхъ поголовно въ острогъ,— пояснилъ свою мысль слѣдователь.

— Однако фактъ на лицо: самосудъ...

— По моему, кругомъ виноватъ одинъ Гвоздика,— вдругъ сказалъ Петръ Ивановичъ, за минуту готовый сказать совсѣмъ другое.—Вы слышали...

— А вы взгляните на предметъ съ другой стороны,— перебилъ его прокуроръ, желая выгородить Гвоздику, въ силу его губернскихъ связей и отношеній.

— Да съ какой хотите смотрите,—возразилъ, запальчиво, Петръ Ивановичъ, забывая всю свою осторожность и чувствуя, что его ненависть къ Гвоздикѣ ростетъ пропорціонально заступничеству за него прокурора. Вѣдь правда-то въ томъ-съ...

— Нѣтъ, постойте! вѣдь надо взять въ разсчетъ разностороннія соображенія, а не то, что одинъ голый фактъ. Вы говорите: правда—какъ будто ужъ лучше правды и выдумать ничего нельзя?—остановилъ его прокуроръ, думая въ то же время: какъ-то на это посмотрятъ въ «губерніи»,

— Да вѣдь вы слышали, каковы у нихъ дѣла,—упорствовалъ въ своемъ великодушіи Петръ Ивановичъ, зная, что благородныя роли ему всегда удаются.

— Но вѣдь, надо полагать, эти дѣла завелись не сейчасъ же,—замѣтилъ будто вскользъ прокуроръ, и тотчасъ же, взглянувъ на вспыхнувшаго Лупинскаго, прибавилъ, засмѣявшись:—А вы полагаете, что въ другихъ волостяхъ болѣе порядку?

— Да, конечно...

— Итакъ?.. вопросительно произнесъ слѣдователь, вытирая перо.

— Я останусь при особомъ мнѣніи,—гордо сказалъ Петръ Ивановичъ и сталъ смотрѣть въ окно.

— Наше дѣло освѣтить факты,—говорилъ ровнымъ тономъ прокуроръ,—и мы ихъ достаточно освѣтимъ, признавъ Подгорнаго главнымъ зачинщикомъ.

— А на счетъ старшины какъ?—спросилъ у Лупинскаго слѣдователь.

— Это ужъ дѣло посредника,—съ вѣжливой улыбкой отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, блестя безпристрастіемъ.

— Такъ, стало, Петръ Подгорный... началъ слѣдователь, и не успѣлъ онъ формулировать свою мысль, какъ прокуроръ прибавилъ:—препроводить съ пятью другими зачинщиками въ острогъ.

Петръ Ивановичъ шумно отодвинулъ свой стулъ.

— Итакъ господа, какъ ни тяжело, а мы свое дѣло сдѣлали,—сказалъ онъ, повидимому забывая про свое отдѣльное мнѣніе.

— Ура!—закричалъ съ кровати Кириллъ Семеновичъ и потребовалъ у повара лафита. Когда постановленіе было написано и подписано, собесѣдники съ облегченной совѣстью, будто сдавъ грѣхи, стали говорить по душѣ, не боясь, что сказанное попадетъ въ протоколъ. Всѣ разомъ обрушились на Гвоздику.

— И на чемъ только репутація человѣка зиждется?—пожавъ плечами и какъ бы не безъ зависти произнесъ Петръ Ивановичъ.—Я всегда говорилъ, что онъ не на своемъ мѣстѣ!

И въ жару негодованія Петръ Ивановичъ привелъ даже 122 ст. общаго положенія, по которой выходило ясно, какъ день, что во всемъ виноватъ посредникъ.—Вѣдь если тутъ хоть на одну десятую правды, то ‹ихъ›, строго говоря, и судить нельзя!—докончилъ онъ горячо, зная лучше всякаго другого, какъ шли дѣла въ волости.

— Ну, полно вамъ, чего тутъ еще!—заговорилъ Кириллъ Семеновичъ.—Пора бы и того...

Поваръ подалъ закусить и откупорилъ бутылки, и Петръ Ивановичъ, стряхнувъ съ себя нервное раздраженіе, сдѣлался любезенъ, какъ у себя въ гостиной. Разговоръ перешелъ на другіе предметы. Прокуроръ оживился настолько, что разсказалъ какой-то забавный анекдотъ, который Петръ Ивановичъ хотя и зналъ раньше, но выслушалъ съ такимъ видомъ и лицомъ, что совершенно обманулъ разсказщика.

Среди задушевной бесѣды членовъ коммиссіи, подъ окнами вдругъ раздались вой и причитанье бабъ.

— Что жъ дѣлать, что жъ дѣлать!—произнесъ Петръ Ивановичъ скороговоркой и закрылъ глаза, будучи не въ состояніи выносить печальное зрѣлище.

Въ эту минуту вой усилился: слышалось, какъ кто-то рыдалъ подъ самымъ окномъ.

— И чего ревутъ?—проговорилъ, съ неудовольствіемъ, прокуроръ,—будто этому старику не все равно, на какой печи умирать: въ острогѣ или у себя въ хатѣ.

— А того и не подумаютъ, что онъ послужилъ искупительной жертвой цѣлой волости съ посредникомъ во главѣ.—Этакую роль хотя бы и не мужику!—съ нескрываемой насмѣшкой произнесъ судебный слѣдователь.

Въ тотъ же вечеръ въ ‹губернію› была послана эстафета, сообщавшая о благопріятномъ исходѣ бунта, а на другой день коммиссія отправилась въ обратный путь. На пятнадцатой верстѣ она обогнала обозъ изъ трехъ телѣгъ, гдѣ, скованные по ногамъ, сидѣли знакомые намъ братья Бычковы, Степанъ Черкасъ, веселый парень Василій Крюкъ, попавшій за бойкій языкъ, и молодой Иванъ Хмѣлевскій со старымъ Петромъ Подгорнымъ.

Поровнявшись съ телѣгами, Петръ Ивановичъ поморщился и вздохнулъ. Мужики сняли шапки; обогнавшіе отвѣтили молчаливымъ поклономъ.

— Ну, трогай, трогай!—сказалъ ямщику слѣдователь и отвернулся.

XVIII.

Уѣздный городъ, оставшійся по милости «бунта» безъ начальства, изнывалъ отъ нетерпѣнія узнать что нибудь о происшествіи въ Волчьей волости. Образовались двѣ партіи: одни были за крестьянъ, другіе—большинство — были безусловно на сторонѣ посредника. Толки шли по всему городу. Въ промежуткахъ трезвости Грохотовъ кричалъ, что крестьяне должны идти въ Сибирь, «потому они всѣ мошенники», и такъ размахивалъ своимъ хлыстомъ, что случившійся подлѣ него Колобовъ посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе, а на счетъ мошенниковъ сказалъ, что онъ знаетъ такихъ, которымъ бы давно пора быть въ Сибири.

«Пани маршалкова» безпокоилась «за пана маршалка», потому что наканунѣ шелъ дождь, и онъ могъ простудиться; исправница лелѣяла мысль о предстоящемъ повышеніи мужа, и, въ виду этого, купила своей дочери новое барежевое платье; Татьяна Николаевна, съ величайшей горячностью принимавшая къ сердцу участь крестьянъ, ждала прибытія коммиссіи съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ. Она прожила въ сѣверозападномъ краѣ шесть лѣтъ и всѣ ея симпатіи легли на сторону бѣлорусскаго племени, этого смирнаго, добросовѣстнаго, немного лѣниваго, терпѣливаго и невзыскательнаго племени, которое съ такой безропотной покорностью несло тяжелое бремя своей жизни. Она знала, что только доведенное до крайности притѣсненіе могло истощить терпѣніе этого терпѣливѣйшаго народа настолько, чтобы вызвать его на отпоръ. Съ сердечной мукой ждала она исхода борьбы и, взвѣшивая всѣ шансы за и противъ, сомнѣвалась, чтобы результатъ отвѣчалъ ея желанію. Она ждала коммиссію съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что еще наканунѣ слышала отъ жены исправника: «Мой Кириллъ Семеновичъ усмирилъ бунтовщиковъ и все устроилъ». Слово «бунтовщики» произносилось особенно часто и съ особеннымъ удареніемъ. Наконецъ, коммиссія вернулась, и городъ сразу наполнился новостями, разсказами и всякими комментаріями. Вѣсти были неутѣшительныя: къ губернатору отправлены двѣ эстафеты; бунтовщики, въ числѣ шести человѣкъ, привезены въ городъ и водворены въ острогѣ. Одновременно съ коммиссіей вернулся изъ Кіева Гвоздика. Онъ былъ внѣ себя отъ негодованія: онъ кричалъ, что разнесетъ всю волость, что коммиссія не имѣла права распоряжаться въ его участкѣ, что ему стоитъ только съѣздить въ губернію и проч.

«Панъ маршалокъ» собирался съ дороги отдохнуть, улегшись на диванѣ съ газетой въ рукахъ, когда растрепанная, съ подоткнутымъ подоломъ и засученными рукавами, женщина, просунувъ въ дверь голую руку произнесла:—«Вамъ письмо отъ Орлихи». Онъ взялъ письмо, проворчалъ, взглянувъ на адресъ: «Такъ и есть, чертъ возьми!» и сталъ читать. Прочитавъ, онъ скомкалъ почтовый листокъ и бросилъ его съ досадой подъ столъ. Его оскорбили и тонъ, и содержаніе письма, но особенно былъ непріятенъ намекъ на «усмиреніе бунта» исправникомъ: ему хотѣлось, чтобы весь успѣхъ дѣла—онъ называлъ это успѣхомъ—отнесли къ нему одному, и вдругъ глупая исправница отнимала у

него то, что онъ считалъ исключительно своимъ, по праву своей находчивости, своего умѣнья взяться за дѣло, наконецъ, несомнѣннаго благородства всѣхъ своихъ поступковъ. Въ первую минуту онъ хотѣлъ оставить письмо безъ отвѣта; онъ снова легъ на диванъ, съ твердымъ намѣреніемъ заснуть и о такихъ пустякахъ не думать; но безпокойныя мысли одна за другой смѣнялись въ его головѣ, и даже передовая статья газеты была не въ состояніи произвести на него обычное дѣйствіе опредѣленной дозы морфія. Петръ Ивановичъ всталъ, помянулъ еще разъ черта, посмотрѣлъ въ зеркало и рѣшительно надѣлъ галстухъ.

— «Пойду!—сказалъ онъ себѣ,—отвѣтить письмомъ было бы неосторожно. Не отвѣтить вовсе — неловко».

«Панъ маршалокъ» былъ панъ маршалокъ; онъ очень высоко цѣнилъ самого себя и свое достоинство; но онъ былъ предупредителенъ съ тѣми, отъ кого могъ ожидать себѣ непріятности, и имѣлъ много причинъ дорожить своими отношеніями къ Орловымъ.

Онъ пошелъ съ твердымъ намѣреніемъ быть искреннимъ и великодушнымъ, и чѣмъ ближе подходилъ къ дому Орловыхъ, тѣмъ сильнѣе подступало къ нему чувство негодованія на порядки въ Волчьей волости. Ступивъ на крыльцо, онъ окончательно былъ на сторонѣ крестьянъ.

— Ну, что, чѣмъ кончилось?—встрѣтила его Татьяна Николаевна въ залѣ.

— Кончилось?.. — сказалъ онъ съ грустной улыбкой.—Только что начинается!

И онъ разсказалъ, какъ было дѣло, т. е. разсказалъ, какъ смотрѣлъ въ эту минуту на него самъ. Онъ возмущенъ, оскорбленъ, но—развелъ онъ руками и наклонилъ голову—законъ неумолимъ: они будутъ наказаны. И слезы скорби объ участи крестьянъ показались на его, никогда не смотрѣвшихъ прямо глазахъ.

— Что же съ ними будетъ?—въ волненіи спросила Татьяна Николаевна.

— Это уже будетъ зависѣть отъ рѣшенія палаты. Я постараюсь всячески смягчить ихъ участь; я сегодня же буду писать Михаилу Дмитріевичу.

— Кто это Михаилъ Дмитріевичъ?—спросила Татьяна Николаевна.

— Губернаторъ, — скромно отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, удивляясь такому странному вопросу.

— Я не знала,—сказала она,—и тотчасъ же прибавила:—Вы говорите: законъ неумолимъ къ крестьянамъ, а каковъ онъ къ Гвоздикѣ?

Петръ Ивановичъ пожалъ плечами, какъ бы говоря, что онъ не въ правѣ даже допустить обсужденіе такого легкомысленнаго вопроса и, прощаясь, повторилъ, «что сдѣлаетъ все, рѣшительно все, для этихъ бѣдняковъ, виновныхъ по закону и правыхъ по совѣсти». Сказавъ эту безсмыслицу и нимало не смущаясь такимъ антагонизмомъ между закономъ и совѣстью, онъ раскланялся и вышелъ, мысленно одобривъ свое поведеніе.

— Кажется, все идетъ хорошо, — подумалъ онъ и, вернувшись домой, подобно актеру, довольному исполненіемъ своей роли, съ удовольствіемъ раздѣлся и съ большимъ аппетитомъ пообѣдалъ.

XIX.

Свѣдѣнія, сообщенныя Лупинскимъ, не удовлетворили Татьяну Николаевну. Не смотря на кажущуюся откровенность, «панъ маршалокъ» видимо не договаривалъ, избѣгалъ подробностей и хотя увѣрялъ, что старшина

будетъ смѣненъ, крестьянскія суммы повѣрены, и вообще показалъ въ перспективѣ разныя благодѣтельныя перемѣны, но говорилъ такимъ тономъ, изъ котораго было ясно, что онъ и самъ не вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ ушелъ, оставивъ Орлову въ самомъ возбужденномъ состояніи: отъ слѣдствія она не ожидала ничего хорошаго, а приговоръ палаты, смягчить который Лупинскій надѣялся только посредствомъ губернатора и который, кромѣ того, зависѣлъ отъ многихъ условій, не возбуждалъ въ ней никакой надежды на благопріятный исходъ дѣла. Какъ натура неспокойная и увлекающаяся, она рѣшилась помочь дѣлу собственными средствами. Она, разумѣется, могла сдѣлать немного, но то, что могла, она рѣшилась сдѣлать непремѣнно. Прежде всего ей надо было знать какъ можно больше подробностей, и подробности доставлялись ей со всѣхъ сторонъ. Кое-кому удалось узнать, что дѣлала коммиссія въ волости и что было рѣшено дорогой. Колобовъ проникъ въ острогъ и досталъ копію съ извѣстной читателю жалобы крестьянъ губернатору, а пріѣхавшій изъ волости отецъ Александръ, бывшій самъ подъ явнымъ гоненіемъ посредника, дополнилъ эти свѣдѣнія разными подробностями. Такимъ образомъ получилась наглядная картина того, что предшествовало «бунту».

Собравъ положительныя свѣдѣнія и цифровыя данныя, заручившись нѣкоторыми оффиціальными документами, Татьяна Николаевна облегчила свое горе тѣмъ, что приготовила корреспонденцію въ одну изъ петербургскихъ газетъ и написала письмо губернатору. Она никогда не видала губернатора даже издали, она только отъ Лупинскаго узнала, какъ его зовутъ; но это ничего не значило: чтобы сказать правду, не надо быть

знакомымъ. Послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, даже въ тайнѣ отъ мужа, письмо было написано. Въ немъ не было ничего анонимнаго: она говорила одну только правду—къ чему же тутъ incognito? Выставивъ годъ и число, она прочла его сначала до конца и осталась недовольна. Письмо показалось ей во многихъ мѣстахъ рѣзкимъ, непохожимъ на дѣловое, и черезчуръ длиннымъ, но слова и мысли набѣгали сами собой, и она боялась исключить что-нибудь, чтобы не повредить впечатлѣнію остальнаго.—Нѣтъ, больше переписывать не буду,—подумала она, и запечатала конвертъ.

XX.

Начальникъ той губерніи, гдѣ находилась «безпокойная» волость, Михаилъ Дмитріевичъ Столяровъ, обладалъ представительной наружностью и суровымъ взглядомъ, который онъ умѣлъ дѣлать благосклоннымъ съ подчиненными, любезнымъ съ людьми независимыми и нѣжнымъ съ хорошенькими женщинами. Къ хорошенькимъ женщинамъ онъ имѣлъ особенную слабость. Ему было пятьдесятъ съ чѣмъ-то лѣтъ, а говорятъ, это самый критическій возрастъ. Михаилъ Дмитріевичъ занимался дѣлами по утрамъ, и среди скучнѣйшихъ дѣлъ, глядя на почтительное, гладко выбритое лицо своего докладчика, думалъ о тѣхъ часахъ удовольствія, которые ему предстоятъ вечеромъ въ домѣ Зинаиды Львовны.

Зинаида Львовна Кулибова была розой (правда, нѣсколько увядшей) между колючими терніями служебныхъ его обязанностей. Она пережила трехъ помпадуровъ и завершала при нынѣшнемъ то, что начала съ легкой руки одного изъ его предшественниковъ. У нея былъ мужъ, было семейство, она имѣла прочное об-

щественное положеніе, но предпочла всему этому соблазнительное званіе помпадурши. Ее называли превосходительствомъ, полицейскіе расчищали передъ ней дорогу въ публичныхъ мѣстахъ; чиновники особыхъ порученій были у нея на посылкахъ; маленькій Половъ вышивалъ ей по атласу туфли, и у квартиры ея горѣли на городской счетъ фонари, указывая настоящій путь... къ хорошимъ мѣстамъ. Находчивымъ и дальновиднымъ людямъ этотъ путь былъ хорошо извѣстенъ.

Находясь въ томъ роковомъ возрастѣ, который наступаетъ долго спустя послѣ того, какъ въ ребрѣ поселяется бѣсъ, а въ бородѣ показывается сѣдой волосъ, Михаилъ Дмитріевичъ чувствовалъ себя пылкимъ, какъ юноша, и спѣшилъ жить, точно боясь пропустить убѣгающее время. Увы! не смотря на свое служебное достоинство, свою петербургскую дѣловитость, внушительную осанку, первенствующее положеніе и взрослыхъ сыновей, его превосходительство былъ влюбленъ, какъ прапорщикъ. Всѣ это видѣли и всѣ дѣлали видъ, что ничего не видятъ. Зинаида Львовна была центромъ, куда тяготѣли всѣ его помыслы; образъ Зинаиды Львовны, съ ея задумчивыми, слегка подрисованными глазами, стоялъ передъ нимъ, искушая и развлекая суроваго администратора среди дѣловой атмосферы кабинета; этотъ обольстительный образъ вертѣлся передъ его умственнымъ взоромъ, когда онъ давалъ выговоры по службѣ, выслушивалъ доклады, подписывалъ бумаги, игралъ въ ералашъ и ложился спать. Нѣтъ ничего хуже любви не во-время: ждать некогда, и солидный человѣкъ начинаетъ дѣлать глупости,

Михаилъ Дмитріевичъ только что получилъ эстафету отъ исправника, изъ Сосновки; онъ былъ встре-

воженъ и недоволенъ. Нарушеніе обычнаго спокойствія всегда непріятно, но настоящая непріятность увеличилась еще тѣмъ, что разстроивала нѣкоторые его планы: собираясь на ревизію, онъ долженъ былъ сопровождать (хотя совсѣмъ не по дорогѣ) Зинаиду Львовну на какія-то воды, и эта поѣздка, это tête à tête въ купе вагона заставляли биться восторгомъ его сердце. Его превосходительство уже заранѣе предвкушалъ всю сладость проектированной partie de plaisir—и вдругъ! у него въ губерніи, да еще у «образцоваго» посредника Гвоздики, «бунтъ»! Просьба исправника о военномъ подкрѣпленіи означала, что дѣло принимаетъ такой оборотъ и такіе размѣры, при которыхъ домашнія средства уже недостаточны.

Онъ позвонилъ, хотѣлъ за кѣмъ-то послать, кого-то потребовать, вообще какъ-нибудь распорядиться, но, вспомнивъ, что у Зинаиды Львовны сегодня вечеръ, ея jour fixe, передумалъ и потребовалъ только одѣваться. Онъ и безъ того опоздалъ цѣлымъ часомъ. Недовольный и встревоженный, онъ былъ ужасно разсѣянъ за картами, пропускалъ взятки, сердился на своихъ партнеровъ, и какой-то панъ, прибывшій изъ своей глуши на поклонъ къ Зинаидѣ Львовнѣ, былъ чрезвычайно удивленъ, что партія съ губернаторомъ, на которую онъ въ мечтахъ разсчитывалъ, какъ на высшее благополучіе, оказалась въ дѣйствительности только тяжелымъ бременемъ. Бѣдному пану, съ древнимъ именемъ, рѣшительно не везло. Онъ сидѣлъ передъ Михаиломъ Дмитріевичемъ, какъ виноватый, и когда, проигравъ какую-то большую партію, его превосходительство бросилъ мѣлокъ съ такою силой, что онъ разломился надвое, панъ совсѣмъ оторопѣлъ. Михаилъ Дмитріевичъ былъ мра-

ченъ, какъ осеннее небо, и даже близкое присутствіе Зинаиды Львовны не могло разсѣять его сосредоточенную задумчивость. Зинаида Львовна стояла за кресломъ, постукивая вѣеромъ по его высокой спинкѣ, улыбаясь и переглядываясь съ изящными представителями jeunesse dorée губерніи, и когда Михаилъ Дмитріевичъ, развернувъ карты, произнесъ съ сердитой досадой:—Quel guignon! она поняла, что надо употребить мѣры посильнѣе. Она подошла къ столу и, бросивъ свой вѣеръ маленькому Полову, весело сказала:—Je vais changer la face du jeu, — и сѣла вмѣсто злополучнаго пана. Она сѣла за ломберный столъ съ такимъ видомъ, будто собиралась дать концертъ, расправила юбки и, улыбаясь своими черными, все еще красивыми глазами, стала сдавать, разбрасывая по всему столу карты.

— Merçi! Pardon!—говорила она, играя глазами и улыбкой, когда ей поднимали скользившія по столу и падавшія на полъ карты.

— Nous allons gagner, n'est-ce pas?—кивнула она Михаилу Дмитріевичу, и звукъ этого для него милаго, игриваго голоса вызвалъ первую во весь вечеръ улыбку на суровое лицо его превосходительства.

Въ полночь, когда дожидались окончанія послѣдняго робера, чтобы перейти въ столовую, дежурный чиновникъ губернаторской канцеляріи, немного сонный, благодаря позднему времени, и въ потертомъ вицъ-мундирѣ, благодаря скудному жалованью, доставилъ его превосходительству новую депешу изъ Сосновки. Это была эстафета Лупинскаго. Увидѣвъ дѣловую бумагу, Зинаида Львовна сдѣлала гримасу, положила свою тонкую въ кольцахъ руку на сѣрый пакетъ и сказала рѣшительнымъ тономъ, что не позволитъ испортить свой вечеръ какимъ-нибудь непріятнымъ извѣстіемъ.

Михаилъ Дмитріевичъ молча наклонилъ голову съ покорной улыбкой. Когда, наконецъ, сведя счеты, онъ узналъ изъ депеши, что никакого подкрѣпленія не нужно, что тутъ было лишь недоразумѣніе со стороны исправника, онъ назвалъ исправника старымъ дуракомъ и пошелъ ужинать съ облегченнымъ сердцемъ. Успокоившись, онъ сталъ веселъ и влюбленъ, сказалъ что-то лестное своему обиженному партнеру, пошутилъ съ чиновникомъ контрольной палаты, котораго считали тоже влюбленнымъ, и, передавая правителю канцеляріи успокоительную депешу, рѣшилъ послать исправнику строгій выговоръ.

На третій день пришла новая депеша, въ которой Петръ Ивановичъ почтительнѣйше доносилъ, что въ волости все спокойно, что онъ лично способствовалъ разъясненію прискорбныхъ недоразумѣній, и проситъ его превосходительство построже отнестись къ виновнымъ, изъ которыхъ шесть человѣкъ, съ главнымъ зачинщикомъ, Петромъ Подгорнымъ, заключены, по распоряженію прокурорскаго надзора, въ острогъ. Въ тотъ же день изъ губернаторской канцеляріи были отправлены два выговора: одинъ посреднику Гвоздикѣ, которымъ тотъ рѣшительно пренебрегъ, другой исправнику, на котораго выговоръ такъ подѣйствовалъ, что старикъ серьезно заболѣлъ. Бѣднымъ Кирилломъ Семеновичемъ были рѣшительно всѣ недовольны: Гвоздика распекъ его за то, что онъ не съумѣлъ расправиться съ мужичьемъ и потребовалъ войска, когда можно было обойтись посредствомъ в о т ъ ч е г о, т. е. кулака.

— Я имъ покажу, какъ бунтовать!—кричалъ онъ каж-

дый вечеръ въ клубѣ, обѣщая разнести всю волость. Петръ Ивановичъ и представитель прокурорскаго надзора сердились на него за безтолковость, а слѣдователь говорилъ, что онъ испортилъ все дѣло. Исправникъ, ожидавшій повышенія и, вмѣсто обычной денежной награды, получившій выговоръ, съ огорченія весь погрузился въ лафитъ. Онъ былъ совершенно сбитъ съ толку и рѣшилъ, что угодить начальству невозможно.

— Не потрафишь никакъ,—разсуждалъ онъ, сидя наединѣ съ бутылкой.—Въ Борисовкѣ сдѣлали выговоръ, зачѣмъ не потребовалъ войска; здѣсь дали головомойку, зачѣмъ потребовалъ! Вотъ угоди! Чу-удаки!—произнесъ онъ, глядя въ стѣну и, очевидно воображая себя гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Старикъ всю жизнь совмѣщалъ идею службы съ идеей угодить начальству, и никогда не умѣлъ сдѣлать такъ, чтобъ угодить на самомъ дѣлѣ. Въ концѣ длиннаго служебнаго пути это было обидно. Кириллъ Семеновичъ услаждалъ себя лафитомъ: прячась отъ своихъ домашнихъ, онъ, съ помощью преданнаго городоваго, тоже любившаго выпить, наставилъ у себя подъ кроватью цѣлую батарею пустыхъ бутылокъ.

Послѣ лицъ оффиціальныхъ, ему досталось отъ жены и дочери: онѣ его бранили за то, что въ домѣ не было денегъ.

— Ужъ пороху не выдумаешь, такъ не совался бы!—съ сердцемъ сказала жена, оплакивая наградныя деньги.

— Вы, папаша, вѣчно отличитесь!—сказала, надувъ губки, Лиза.—А намъ съ мамой за васъ отвѣчать.

Лизочкѣ было семнадцать лѣтъ, она только что кончила уѣздный курсъ наукъ и чистосердечно считала себя особой воспитанной, умной и свѣтской. У Лизы были полныя, розовыя губки, сѣрые смѣющіеся глаза

и яркая свѣжесть румяныхъ щекъ. Счастливая Лиза наряжалась, танцовала, ждала жениховъ и уже съ этихъ поръ умѣла жить и думать только для себя.

Такая несправедливость жены и дочери кольнула старика въ самое сердце: онъ ради ихъ кривилъ душой и совѣстью, отдавалъ имъ все, что могъ, и онѣ же упрекали его въ самыя тяжелыя минуты жизни! Опорожнивъ свою бутылку вина до дна, онъ послалъ всѣхъ къ черту, и его туманный взоръ, сдѣлавшись совершенно тусклымъ, потерялъ всякую способность различать даже ближайшіе предметы.

За то Петръ Ивановичъ покрылъ себя настоящею славой: онъ оказался распорядительнымъ, либеральнымъ и даже великодушнымъ. Никто не зналъ, что онъ писалъ его превосходительству, но всѣ знали, что онъ стоялъ за крестьянскіе интересы и посѣщалъ заключенныхъ въ острогѣ. Посѣщать острогъ — было его обязанностью, какъ директора тюремнаго комитета; но Петръ Ивановичъ умѣлъ это сдѣлать такимъ образомъ, что ему ставили въ заслугу даже простое исполненіе обязанностей. Онъ ходилъ въ своей красной фуражкѣ, помахивая зонтикомъ, съ благосклонной улыбкой великаго администратора, и всѣ чувствовали, что за спиной такого человѣка можно спать совершенно спокойно.

XXI.

Прошло недѣли двѣ. О происшествіи въ Волчьей волости стали понемногу забывать. Гвоздика по прежнему производилъ судъ и расправу. Кулакъ былъ возвращенъ къ должности старшины, писарь Курочка получилъ денежную награду за выказанную распорядительность, слѣдователь что-то такое все писалъ, а

шестеро обвиняемыхъ крестьянъ сидѣли въ острогѣ, искупая чьи-то чужіе грѣхи.

Въ губерніи снова настала благодатная лѣтняя тишина. Его превосходительство былъ гдѣ-то на ревизіи или на водахъ, когда въ газетахъ вдругъ появилась корреспонденція, описывавшая происшествіе въ Волчьей волости. По характеру корреспонденціи, хотя и сильно сокращенной, въ уѣздѣ тотчасъ же узнали автора. Петръ Ивановичъ, ударивъ себя по лбу, воскликнулъ:—«А что, я говорилъ!». Впрочемъ, онъ немедленно успокоился, найдя, что свѣдѣнія, сообщенныя въ корреспонденціи, не только не компрометируютъ его, но даже выставляютъ въ весьма выгодномъ свѣтѣ всю его дѣятельность. Въ тоже время пронесся слухъ, что вернувшемуся съ ревизіи губернатору было вручено, полученное въ его отсутствіе, письмо Татьяны Николавны, въ которомъ сообщалась вся горькая правда о сосновскомъ дѣлѣ. Это письмо и корреспонденція произвели чрезвычайное волненіе по всей губерніи, разбудивъ на минуту сонное общество, заботившееся только о своемъ карманѣ. Для многихъ это было просто маленькое развлеченіе среди обычной скуки провинціальныхъ городовъ. Въ губернскомъ клубѣ бѣдный истрепанный нумеръ газеты, помѣстившей корреспонденцію, читался на расхватъ, а изъ канцеляріи давали по знакомству читать письмо. Стали освѣдомляться, кто такая Татьяна Николаевна, откуда взялась, что ей за надобность стоять за мужиковъ, нѣтъ ли тутъ «чего нибудь такого». Говорили, что Орловы въ этомъ краѣ люди новые, независимые и потому безпокойные. За исключеніемъ человѣкъ пяти-шести, неимѣвшихъ вѣса, всѣ стали на сторону Гвоздики: весь сонмъ его губернскихъ пріятелей, кому давалъ взаймы или доставлялъ

къ столу дичь и старую водку. Въ письмѣ увидѣли интригу, чуть не заговоръ: корреспонденція считалась доносомъ. Два-три человѣка незаинтересованныхъ попробовали было взять сторону Татьяны Николаевны, но ихъ слабый голосъ потонулъ въ массѣ огульныхъ обвиненій. Степанъ Петровичъ сказалъ, что онъ знаетъ d'où ça vient, предсѣдатель казенной палаты, которому только что наканунѣ была доставлена отъ Гвоздики дикая коза, сказалъ, что это провинціальныя сплетни, ошибкой попавшія въ литературу.

— Однако, какъ хотите, все же Гвоздикѣ это будетъ непріятно прочесть,—говорилъ Полянскій, извѣстный независимостью своихъ сужденій.—Вѣдь тутъ факты и цифры...

— На этотъ счетъ mon cher, не безпокойтесь!—возразилъ предсѣдатель, поправляя обычнымъ жестомъ свой браслетъ. — Гвоздика ничего не читаетъ. Pas si bête!—засмѣялся онъ.

На музыкальномъ вечерѣ у Зинаиды Львовны рѣчь шла о томъ же письмѣ. Знатоки по части литературы находили, что оно написано недурно, но черезчуръ рѣзко и для женщины совершенно неумѣстно. Зинаида Львовна громко объявила, что Гвоздика не можетъ быть виноватъ, и когда Михаилъ Дмитріевичъ, отозвавъ въ сторону одного изъ чиновныхъ гостей, ему съ жаромъ что-то говорилъ, Зинаида Львовна, проходя мимо подъ руку съ Половымъ, сказала съ своимъ граціознымъ жестомъ, кивнувъ головой:—Soyez clément pour notre cher Гвоздика.

Михаилъ Дмитріевичъ и самъ былъ не прочь проявить свою clémence и оставить все это безъ послѣдствій, ограничившись вторичнымъ выговоромъ Гвоздикѣ, но когда изъ Петербурга былъ полученъ какой-

то толстый пакетъ, оказавшійся извѣстною корреспонденціей, причемъ нѣкоторыя мѣста ея были зловѣще подчеркнуты краснымъ карандашемъ; когда всплыло какими-то судьбами опять дѣло Щелкунова и однородное съ нимъ дѣло крестьянина, раззореннаго, высѣченнаго и даже выселеннаго посредникомъ Иванинымъ по ложному приговору общества; когда прошелъ слухъ, поддерживаемый самимъ Лупинскимъ, о засѣченномъ другимъ посредникомъ, Грохотовымъ, крестьянинѣ Михайловской волости, объ исчезновеніи изъ опекунскихъ имѣній лѣсовъ, о неправильномъ отводѣ земель помѣщику Королеву и проч., и проч.,—когда все это и многое другое, пробившись Богъ вѣсть какими судьбами изъ административныхъ сферъ на улицу, стало достояніемъ толпы и могло, пожалуй, проскользнуть въ печати,—тогда уже было не до clémence. Встревоженный Михаилъ Дмитріевичъ рѣшилъ назначить ревизію во всѣхъ волостяхъ, съ предписаніемъ ревизору обратить особое вниманіе на мятежный уѣздъ. Назначеніе это пало на лицо, какъ нельзя болѣе пригодное для этой дипломатической роли. Господинъ Хвостовскій былъ извѣстенъ въ своемъ кругу за тонкаго политика; его изреченія приводились, какъ эссенція губернской мудрости, и Михаилъ Дмитріевичъ возлагалъ на него большія надежды. Этотъ губернскій Бисмаркъ могъ благородно выдти изъ какого угодно щекотливаго положенія. Онъ ѣхалъ съ большими полномочіями и съ инструкціей не выносить ссора изъ избы, что въ то время было дивизомъ всей внутренней политики губерніи и служило камертономъ для подъема служебнаго рвенія обрусителей.

XXII.

Въ одно прекрасное утро въ городѣ и его окрестностяхъ разнесся слухъ о предстоящей ревизіи всѣхъ волостей уѣзда. Люди, легко увлекающіеся, были въ восторгѣ; другіе не довѣряли: видавшіе виды и скептики по натурѣ качали зловѣще головой или увѣряли, что ничего изъ этого не выйдетъ. Но, не смотря на прецеденты, на общее, исторически сложившееся недовѣріе къ этому способу доискиваться истины, всѣмъ по чувству простаго сожалѣнія къ несчастнымъ, хотѣлось думать, что ревизоръ, человѣкъ свѣжій и ничѣмъ несвязанный, распутаетъ этотъ узелъ, который затягивался глухою петлей надъ шеей старика Подгорнаго.—«Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ все разсудитъ»,—думали въ волостяхъ многіе на манеръ Ненилы, и нетерпѣливо ждали ревизора. Наконецъ, баринъ пріѣхалъ. Гвоздика, бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣми губернскими чинами, отправился его встрѣтить на первой станціи, и вмѣстѣ торжественно и дружно совершили они свой въѣздъ въ уѣздный городъ. Это было какъ бы предзнаменованіемъ и программой будущаго образа дѣйствій ревизора, и даже легко увлекающіеся стали сомнѣваться...

На другой день губернскій чиновникъ сдѣлалъ визитъ всему мировому институту, обѣдалъ у «пана маршалка», пилъ чай у одного изъ скомпрометированныхъ посредниковъ, а вечеромъ гулялъ съ Гвоздикою подъ руку на бульварѣ, громко смѣясь надъ преждевременными модами уѣздныхъ дамъ. За обѣдомъ у «пана маршалка» онъ рѣшительно не хотѣлъ говорить ни о чемъ серьезно; слегка подсмѣиваясь, онъ говорилъ любезности «пани маршалковой», принимавшей за

чистую монету всѣ его дипломатическіе подходы, сдѣлалъ какое-то острое замѣчаніе на счетъ уѣздныхъ шиньоновъ, и между шутокъ успѣлъ узнать все, что ему было нужно. Послѣ обѣда, за чашкой кофе, усѣвшись покойно на диванъ, подъ вліяніемъ шампанскаго и выпитыхъ за его здоровье тостовъ, пуская дымъ папиросы прямо на хозяйку, онъ спросилъ вскользь объ Орловой. «Пани маршалкова» отозвалась о ней съ большою снисходительностью. Петръ Ивановичъ язвительно назвалъ ее «нашей уѣздной писательницей», Гвоздика пожелалъ ей на языкъ типунъ, и всѣ засмѣялись.

Два дня спустя, въ извѣстной читателю черниговской коляскѣ, которую «панъ маршалокъ», скрѣпя сердце, любезно предоставилъ ревизору, послѣдній, вмѣстѣ съ Гвоздикой, отправился въ далекую Волчью волость. Избалованный своимъ служебнымъ far-niente, ревизоръ считалъ эту поѣздку настоящимъ подвигомъ; въ глубинѣ души она казалась ему даромъ потраченнымъ временемъ, которое могъ бы провести гораздо пріятнѣе, но, творя волю пославшаго, онъ самымъ серьезнымъ образомъ собирался играть свою роль.

Была чудная погода, когда они ѣхали по роскошнымъ зеленымъ болотамъ, и охотничье сердце Гвоздики замирало и билось отъ восторга каждый разъ, когда испуганная звономъ колокольчика стая дикихъ утокъ поднималась съ шумомъ изъ тростника, пропадая въ синей глубинѣ неба.

— Смотрите, смотрите! — говорилъ онъ спокойно дремавшему спутнику, показывая на черныя точки вдали, и готовъ былъ выпрыгнуть изъ коляски.

Проводивъ ревизора, Петръ Ивановичъ былъ въ большомъ волненіи. Гвоздикѣ онъ рѣшительно не довѣрялъ. Кулакъ изъ-подъ его непосредственной власти ушелъ, и ревизія могла открыть такіе грѣшки по части продажи лѣса, отдачи съ торговъ стойки, постройки волостныхъ правленій и разныхъ другихъ никому неизвѣстныхъ операцій и сдѣлокъ, что, думая обо всемъ этомъ, онъ былъ, какъ въ лихорадкѣ. По утрамъ, не смотря на жаркое время, его даже трясло, какъ въ настоящей лихорадкѣ. Петръ Ивановичъ былъ сердитъ и вымещалъ на домашнихъ свою служебную тревогу. Онъ вдругъ потерялъ сонъ, лишился аппетита, все казалось ему горькимъ; онъ пожелтѣлъ и пересталъ читать газеты. Въ такія минуты онъ всегда былъ несправедливъ къ литературѣ. Жена послала за докторомъ; но когда Иванъ Ивановичъ, ощупавъ пульсъ и посмотрѣвъ языкъ, по своему обыкновенію прописалъ касторовое масло, «панъ маршалокъ» не выдержалъ:

— Да что вы, шутите, что-ли? У меня нервы, понимаете, нервы!—закричалъ онъ, вскочивъ.—А вы мнѣ, какъ какому-нибудь гимназисту, суете касторовое масло! Чертъ съ вами и съ вашимъ масломъ!

Удивленный такою внезапною вспышкой, докторъ, пожавъ плечами, подумалъ, что «пану маршалку» дѣйствительно нужно что-нибудь посильнѣе, и ушелъ, качая головой.

Какъ человѣкъ чрезвычайно нервный, Петръ Ивановичъ доходилъ почти до состоянія невмѣняемости, когда его что-нибудь тревожило. Но тревожиться было, слава Богу, нечего: мятежная волость давно присмирѣла; все было или казалось тихо въ большой, словно уснувшей деревнѣ, когда ревизоръ съ Гвоздикою подъѣхали къ волостному правленію. Кулакъ зналъ о предстоящей ревизіи и приготовился. Никакой опасности не предстояло: все, что было побойчѣе, сидѣло или

за крѣпкими запорами уѣзднаго острога, или подъ замкомъ у Кулака—остальные жаловаться не станутъ. Кулакъ это хорошо зналъ.

Съ ревизіей было кончено въ два часа времени: книги, деньги, отчетность—все (за исключеніемъ коекакихъ канцелярскихъ промаховъ) оказалось въ полной исправности. Призвали, однако, нѣсколькихъ крестьянъ, которые съ перепуга сами не знали, зачѣмъ ихъ зовутъ и что надо говорить.

— Чѣмъ вы недовольны?—выйдя на крыльцо, строго спросилъ ревизоръ.

Мужики въ ноги.

— Виноваты, ваше благородіе, всѣмъ довольны.

— Почему же вы не хотѣли старшиной Кулака?

— Раззорилъ, ваше благородіе. У васъ, говоритъ, теперь у каждаго по волу, а я могу сдѣлать такъ, что на семь дворовъ будетъ одинъ; вы, говоритъ, подлецы, жалуетесь, что я васъ продалъ жидамъ, такъ я васъ еще цыганамъ продамъ.

Ревизоръ съ улыбкой взглянулъ на Гвоздику, изумляясь колоссальной глупости мужика.

— Пустое болтаютъ, ваше благородіе. Извѣстно, необразованное мужичье,—сказалъ Кулакъ и низко поклонился въ сторону ревизора.

— Не подстрекалъ-ли васъ кто? Можетъ, Подгорный?—спросилъ ревизоръ, пытливо глядя на крестьянъ.

— Никто не подстрекалъ,—сказалъ Степанъ Батюкъ.

— Лишнее что говорить,—сурово прибавилъ Ѳома Рыболовъ.

— Самимъ житья не было!—проговорилъ чей-то голосъ и вдругъ замолкъ, словно испугавшись собственныхъ словъ.

— Ну, хорошо, ступайте!

Отпустивъ мужиковъ, утомившійся ревизоръ приступилъ къ закускѣ, около которой давно хлопоталъ, считавшій себя тутъ настоящимъ хозяиномъ, Гвоздика. Онъ закусилъ, отдохнулъ и, часъ спустя, выѣхалъ изъ Сосновки, мысленно составляя маленькое, краснорѣчивое донесеніе начальнику губерніи.

XXIII.

Въ уѣздномъ городѣ, между тѣмъ, всѣ ждали результатовъ ревизіи, но настоящій результатъ не былъ пока извѣстенъ, а разнымъ слухамъ, идущимъ отъ евреевъ, нито не довѣрялъ. Поговаривали, будто Кулакъ смѣненъ и въ старшины выбранъ другой, хотя и не тотъ, кого желали крестьяне; но все это были извѣстія, требовавшія подтвержденія. Наконецъ, спустя пять дней послѣ отъѣзда ревизора изъ города, пришелъ достовѣрный слухъ отъ какого-то Ицки, которому передалъ Сроль, слышавшій отъ Мейера, что ревизоръ проѣхалъ въ другой уѣздъ, ревизіей остался доволенъ, что мужики не жаловались, и все обошлось въ порядкѣ. У Петра Ивановича какъ гора съ плечъ свалилась; онъ былъ готовъ расцѣловать всѣхъ вмѣстѣ—Сроля, Мейера и Ицку. Для полнаго удовольствія въ тотъ же вечеръ доставили въ цѣлости его коляску вмѣстѣ съ коротенькой записочкой ревизора, и «панъ маршалокъ» окончательно повеселѣлъ. Онъ тотчасъ же послалъ мысленный привѣтъ Хвостовскому, котораго считалъ пустымъ фатомъ, назвалъ добрымъ малымъ Гвоздику, купилъ дѣтямъ черносливу и, гуляя, зашелъ провѣдать стараго исправника. Больной старикъ уже не вставалъ съ постели; онъ былъ совсѣмъ плохъ, но въ домѣ никто, повидимому, объ этомъ не думалъ: дѣти шумѣли въ сосѣдней комнатѣ, жена варила на крыль-

цѣ варенье, Лиза въ накрахмаленныхъ юбкахъ вертѣлась передъ зеркаломъ въ залѣ, примѣривая какой-то нарядъ, и ничто не указывало, что опасное положеніе хозяина дома могло каждую минуту измѣнить весь порядокъ жизни, остановивъ ея обычный ходъ. Петръ Ивановичъ, пользующійся у себя дома большимъ авторитетомъ, былъ пораженъ такимъ невниманіемъ къ главѣ семейства, онъ даже былъ оскорбленъ, и ему стало искренно жаль старика, который умиралъ такъ одиноко среди семьи.

— Ну, что онъ, какъ?—спросилъ онъ шепотомъ у Лизы, войдя въ залъ.

— Ничего, все такъ же,—отвѣтила она равнодушно, пригласивъ его сѣсть.

— Развѣ этотъ шумъ его не безпокоитъ?—показалъ онъ на двухъ дѣвочекъ, изъ которыхъ одна, неуклюжая и толстая, съ необыкновенно тупымъ лицомъ, отнимала у другой, поменьше, какую-то игрушку.

— Нѣтъ, онъ не слышитъ.

Въ эту минуту, какъ бы опровергая ея слова, изъ сосѣдней комнаты, гдѣ лежалъ больной, послышались звуки.

— Онъ, кажется, зоветъ,—проговорилъ тревожно Петръ Ивановичъ, прислушиваясь.

— Катя!—закричала Лиза, топнувъ ногой, — перестаньте! Папа зоветъ, поди!

Катя вскочила и, задѣвъ локтемъ дверную ручку, вошла въ комнату къ отцу. Послышался какой-то говоръ, словно спорили... Катя выскочила съ глупымъ смѣхомъ. Увы! это рѣшительно было лицо идіотки.

— Папа хочетъ курить:—папироску, папироску! говоритъ, а Кузьма говоритъ:—нельзя, сударь, прожгете одѣяло,—ха! ха! ха!—засмѣялась дѣвочка.—Папа такой

смѣшной! Я ему дала безъ огня, онъ взялъ и бросилъ!— И она опять захохотала.

— Постоянно въ забытьѣ,—пояснила Лиза.—Попроситъ и сейчасъ броситъ, а недавно, дѣйствительно, прожегъ одѣяло... Теперь съ огнемъ не даемъ: онъ все равно не понимаетъ.

— Кто съ нимъ?—спросилъ Лупинскій, каждую минуту собираясь уйти и почти противъ воли оставаясь.

— Кузьма — городовой; онъ папу отлично понимаетъ... Можетъ, вы хотите зайти?

— Нѣтъ, нѣтъ!—испугался Петръ Ивавовичъ. —Зачѣмъ же безпокоить! Я только на минуту.

И онъ сталъ раскланиваться, чувствуя, что къ нему возвращается лихорадка.—Господи!—говорилъ онъ мысленно: городовой караулитъ, папироски не даютъ— вотъ бѣдняга!—И онъ поторопился выйти, раскланявшись съ Лизой въ дверяхъ.

На крыльцѣ его задержала исправница. Раскраснѣвшаяся, съ открытыми полными руками, румяная и свѣжая для своихъ лѣтъ, она вся была погружена въ трудное занятіе варки варенья, съ трепетомъ дожидаясь того момента, когда начинается такъ-называемый у хозяекъ «жемчужный кипъ».

— Видѣли?—спросила она у Петра Ивановича, снимая тазикъ съ жаровни и, не дождавшись отвѣта, заговорила:—Ужасно! Иванъ Ивановичъ находитъ, что онъ эдакъ можетъ долго протянуть, а мнѣ бы вотъ Катю въ ученье надо отвезти.

— Помилуйте, куда же вамъ теперь ѣхать?—сказалъ Лупинскій, внимательно слѣдя за ложкой, которою исправница снимала пѣнку, каждый разъ встряхивая тазикъ.

— Главное затрудненіе въ томъ, что Катѣ пора

учиться, а время уходитъ,—отвѣтила вмѣсто матери Лиза, съ смѣшной заботливостью на своемъ молодомъ беззаботномъ лицѣ.

— Но развѣ нельзя подождать?—сказалъ, чтобы что-нибудь сказать, Лупинскій, внутренно удивляясь, зачѣмъ понадобилось вдругъ учить очевидно неспособную ни къ какой наукѣ Катю.

— А если папа проживетъ еще года полтора?—съ невозмутимой наивностью возразила Лиза.—Катѣ надо учиться, а у мамы руки связаны.

При всей своей находчивости, Петръ Ивановичъ не нашелся, что сказать. Онъ опять сталъ раскланиваться, но исправница опять его задержала.

— И когда подумаешь, что все это дурацкій «бунтъ» надѣлалъ... Вѣдь его это убило; потомъ эта проклятая статья въ газетахъ! Мы никакъ не ожидали этого отъ Татьяны Николаевны: Богъ ей этого не проститъ! изъ-за какихъ-то мужиковъ дѣлать непріятность знакомымъ... Гдѣ это видано?—Она попробовала варенье, передала ложку Лизѣ и продолжала:—Ждалъ награды, а получилъ выговоръ—ну, и не могъ выдержать.

Она заплакала, и непритворныя слезы потекли по ея румянымъ свѣжимъ щекамъ. Петръ Ивановичъ поспѣшилъ выйдти, чувствуя, что его знобитъ.

На бульварѣ онъ встрѣтилъ Орловыхъ.

— Сейчасъ былъ у Кириллы Семеновича,—сообщилъ онъ, идя рядомъ съ Татьяной Николаевной и не замѣчая ея сухаго поклона.

— Ну, что онъ, каковъ?

— Совсѣмъ плохъ; впрочемъ, я его, признаться, не видалъ. Жена говоритъ, что это его сосновское дѣло уходило.

— Да?—отозвалась она разсѣянно и тотчасъ же прибавила:—А вы слышали, въ острогѣ старикъ Подгорный умираетъ?

— Т. е. не умираетъ еще,—поправилъ онъ съ своей вѣжливой улыбкой, а дѣйствительно старикъ кряхтитъ. Какъ хотите, лѣта...

— Но вѣдь это возмутительно?—вскричала Татьяна Николаевна, вдругъ останавливаясь и смотря на разбѣгавшіеся глаза Петра Ивановича.

— Что прикажете, законъ! Я сдѣлалъ все, что могъ: писалъ къ Михаилу Дмитріевичу, просилъ, представилъ разныя смягчающія обстоятельства... По моимъ настояніямъ вотъ и Кулакъ смѣненъ.

— Такъ это вѣрно?—спросилъ Орловъ, только что вернувшійся изъ уѣзда, гдѣ онъ слышалъ кое-какія подробности о новомъ выборѣ старшины.

— Положительно, отвѣтилъ Лупинскій.—Съ моей стороны это было условіемъ sine qua non... Я такъ сказалъ и Гвоздикѣ, и Хвостовскому.

— Хорошо, что эта исторія хоть къ чему-нибудь пригодилась!—проговорилъ, съ насмѣшкой, Орловъ.—Какіе же безпорядки открыла ревизія?

— Серьезнаго, конечно, ничего... Открыла маленькіе канцелярскіе промахи, несоблюденіе кое-какихъ формальностей...

— И только?—удивилась Татьяна Николаевна.—А арендная плата, а стойка, а кулачная расправа Гвоздики и проч. и проч.?

— Все это оказалось вздоромъ.

— Даже и то, что вы мнѣ сами передавали со словъ крестьянъ?—спросила она, не умѣряя язвительнаго тона.

Петръ Ивановичъ на минуту сконфузился, но тотчасъ же вошелъ въ свою роль.—Помилуйте! да развѣ

эти подробности могли быть сообщены ревизору при Гвоздикѣ?

— Но какъ же вы... Начала Татьяна Николаевна, но Петръ Ивановичъ не далъ ей докончить:—Что же я?—воскликнулъ онъ съ горькой усмѣшкой.—Что я могу сдѣлать, за что отвѣчать, когда я представляю въ посредники своего кандидата Вередовича—честнѣйшаго господина,—а мнѣ присылаютъ какого-то сорванца Грохотова. Нѣтъ-съ, Татьяна Николаевна, пока начальникъ губерніи прежде всего стоитъ на томъ, чтобы «не дискредитировать власть»—подчеркнулъ онъ губернаторское словечко,—до тѣхъ поръ разные Гвоздики, Кутейниковы, и Грохотовы, какъ у Христа запазухой. Извините за вульгарное выраженіе... сосновское дѣло у насъ передъ глазами, и что же? Вы пишете корреспонденцію, я представляю его превосходительству факты, а ревизующій, отъ присутствія членъ находитъ, что корреспонденція раздута, и въ волости все благополучно... А все для того, чтобы «не дискредитировать власть».

Петръ Ивановичъ былъ въ негодованіи; онъ махалъ своею тростью, сбивая головки ни въ чемъ неповинныхъ одуванчиковъ и рискуя задѣть прохожихъ.

— Повѣрьте,—началъ онъ задушевнымъ голосомъ и совершенно конфиденціально,—повѣрьте, что я давно бы отсюда бѣжалъ безъ оглядки, еслибы не надѣялся сдѣлать для крестьянъ и то немногое, что я еще могу сдѣлать.

Въ его голосѣ слышались слезы, онъ говорилъ съ такой искренней горячностью, что Татьяна Николаевна опять поддалась, а на другой день Колобовъ, съ своей обычной грубой откровенностью, говорилъ ей:

— Не вѣрьте, все вретъ! Можно брать взятки—ну, и сидитъ!

— Ахъ, Петръ Дмитріевичъ!

— Увидите, увидите! Когда-нибудь всплыветъ. А я къ вамъ, Татьяна Николаевна, двухъ знакомыхъ мужиковъ изъ Волчьей волости привелъ. Пришли, вотъ, съ своими въ острогѣ повидаться, а ихъ не пускаютъ.

— Какъ не пускаютъ? отчего?

— Да такъ, прокурора нѣтъ, а безъ него, говорятъ нельзя.

— Ахъ, Боже мой! Какъ бы это сдѣлать?

— Да ужъ не знаю, какъ... развѣ этого подлеца попросить?

— Разумѣется, я попрошу! Я могу ему написать.

— Попробуйте, толкнитесь: вѣдь за сотни верстъ понавѣдаться пришли. Отъ женъ, можетъ, гостинцы принесли.

— Гдѣ же они теперь?

— Вотъ тутъ, у васъ на крыльцѣ, сейчасъ позову. Пришли тайкомъ отъ посредника: Гвоздики боятся.

Колобовъ вышелъ и вернулся съ двумя мужиками. Это были знакомые Татьянѣ Николаевнѣ: Филиппъ Тилипутъ, какими-то судьбами избѣгнувшій острога, и Ѳома Битюкъ, по прозванію Рыболовъ. Колтуны, зипуны, уродливыя шапки, загорѣлыя, скорбныя лица—были все тѣ же. Пообѣщавъ написать «пану маршалку», Татьяна Николаевна стала спрашивать о ревизіи, о выборѣ волостного старшины, о ихъ мірскихъ дѣлахъ. Мужики отвѣчали сначала неохотно, вяло,—точно имъ все это надоѣло; потомъ Ѳома Битюкъ, помоложе, оживился и на своемъ мудреномъ языкѣ изобразилъ цѣлую картину.

— Послѣ всѣхъ этихъ нашихъ смутъ,—началъ онъ,

прислонившись плечомъ къ притолкѣ,—прошелъ въ волости слухъ, что ѣдетъ къ намъ левизоръ изъ губерніи. Испужались мы дюже, особливо какъ сказали, что и господинъ посредникъ съ нимъ. Ну, говоримъ промежъ себя, выкрутится нашъ Сидоръ Тарасовичъ—такъ оно и вышло.

— Чего же ты, Филиппъ, молчалъ?—обратился Колобовъ къ Тилипуту:—вѣдь ты тоже жалобу подписывалъ?

— Подписывалъ,—повторилъ онъ.

— Ну, такъ чего же ты?

— Да меня, ваше благородіе, не спрашивали, даже въ правленіе не допустили...

— Эхъ, братцы! неумѣли и правды отстоять, а за васъ люди въ острогѣ гибнутъ...

— Ваше благородіе!—воскликнулъ огорченный упрекомъ Тилипутъ. Позвольте доложить, сдѣлайте Божескую милость: «что же тутъ было возможно? Чиновникъ-то, вонъ, посмѣялся, да и былъ таковъ, а вѣдь господинъ посредникъ съ нами завсегда-съ, да и кулакъ-то ихній мы знаемъ. Хоша Михаилъ Ивановичъ вонъ сказываютъ, что только десятерыхъ за все время высѣкли, одначе коли посчитать, такъ много выйдетъ больше, вотъ что-съ! Пріѣзжай господинъ левизоръ одинъ—всю бы истину узналъ, а то вѣдь своей шкуры-то всякому жалко...

— Ну, что же, чѣмъ кончилось?—спросила Татьяна Николаевна.

— Кончилось своимъ порядкомъ. Собрали это насъ къ крыльцу. Вынулъ Михаилъ Ивановичъ у себя изъза пазухи нашу подлинную жалобу, ту самую, что Степанъ Черкасъ съ Бычковымъ въ «губернію» носили, со всѣми нашими мужичьими крестами, вынулъ да и сталъ читать. Прочелъ до конца и остановился.—Ну, что на

это скажешь?—спросилъ левизоръ у Сидора Тарасовича.—Да все, говоритъ, ваше благородіе, отъ перваго до послѣдняго слова—ложь.

— Слышите, ребята?—спрашиваетъ левизоръ.

— Слышимъ, ваше благородіе.

— Ну, вотъ что я вамъ скажу: жаловаться вы можете, и въ этомъ вины нѣтъ, а вотъ что вы сами выдумали старшину смѣнять—это вина большая. Ну, говоритъ, теперь можете себѣ идти... Мы пошли, а они закусили и поѣхали. Только всего и было.

— Когда же новаго старшину выбирали?

— А это опосля. Черезъ три дня Михайло Ивановичъ, проводивши левизора, вернулись и насъ опять созвали. Меня какъ увидѣлъ: «а, говоритъ, такой-сякой, вмѣстѣ съ бунтовщиками жаловаться! Погодите, голубчики, я вамъ покажу, разбойники»! И эдакимъ словомъ! Одначе, сѣчь никого не сѣкъ. Приступили къ выбору: трое сутокъ держалъ, а пора рабочая. Кого ни назовешь, все говоритъ: нельзя. Сходъ распуститъ и самъ на охоту, а въ поляхъ стоитъ... Наконецъ-то напали на человѣка, сродственникомъ Сидору Тарасычу приходится, такъ—мужикъ совсѣмъ безсловесный почитай, Пахомовымъ прозывается: ну, и утвердилъ. Какъ приговоръ составили, сталъ онъ это говорить:—Ну, вотъ вы, говоритъ, дурачье, жаловались, что я въ три года десятокъ изъ васъ, можетъ, выпоролъ, такъ нешто это важно? Вотъ кабы я васъ всѣхъ перепоролъ—ну, точно что можно бы обижаться, а то велика важность: десять!—Да вѣдь хоша бы и десять, такъ чувствительно,—сказалъ Наумъ Селезневъ.—Я, говоритъ, вамъ покажу чувствительность! И опять эдакимъ словомъ»...

Въ острогъ мужиковъ не допустили. Ходили и къ

«пану маршалку» съ письмомъ отъ Татьяны Николаевны, кланялись сторожу и повару, чтобы доложилъ, доставали что-то изъ-за пазухи, опять кланялись,—но все напрасно: оказалось, что допустить въ острогъ невозможно: оказалось, что законъ въ этомъ случаѣ говоритъ такъ строго и ясно, что допустить свиданіе между «бунтовщиками»—значитъ прямо идти подъ такую-то статью. Кто же возьметъ на себя такое полномочіе? Петръ Ивановичъ, разумѣется, не взялъ.

— Что жъ дѣлать? что жъ дѣлать?.. говорилъ онъ Татьянѣ Николаевнѣ съ сокрушеніемъ сердца свою обычную фразу. Ничего не могу—законъ-съ...

Не добившись свиданія, крестьяне отправились обратно въ свою далекую Сосновку и недѣли черезъ двѣ, освободившись отъ всѣхъ земныхъ узъ, умеръ старикъ Подгорный, и двери острога отворились за тѣмъ, чтобы пропустить его на кладбище.

Смерть его осталась бы, конечно, долго неизвѣстной, если бы случай не привелъ Орловыхъ на городское кладбище въ ту самую минуту, когда солдаты мѣстной команды копали могилу въ неогороженномъ углу на косогорѣ, гдѣ хоронили всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ привиллегіи лежать за оградой. У одного изъ работавшихъ солдатъ сломалась лопата, и онъ, помянувъ лихомъ покойника, разглядывалъ то мѣсто, гдѣ она переломилась, въ то время какъ двое другихъ, стоя въ неглубокой могилѣ, разговаривали о какихъ-то подметкахъ, высоко подбрасывая лопатами рыхлую глину.

— Для кого это?—спросила Татьяна Николаевна, остановившись у самаго края свѣжей могилы.

— Арестантъ померъ въ острогѣ,—отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Что же, боленъ былъ, не знаете?

— А кто его знаетъ, должно смерть пришла...

— Сказывалъ вахтеръ, что съ горя,—подхватилъ тотъ, у кого сломалась лопата.—Сказывалъ, что все по своей деревнѣ тосковалъ: онъ издалече, не здѣшній...

— Не знаете, какъ звали?

— А кто жъ его знаетъ?—равнодушно отвѣтилъ солдатъ и, бросивъ лопату, сталъ потирать уставшія руки.

— Ужъ не Подгорный ли?—подумала Татьяна Николаевна и, встрѣтивъ на дорогѣ Колобова, сообщила ему свою догадку.

— Сегодня же узнаю!—сказалъ Петръ Дмитріевичъ и вечеромъ дѣйствительно сообщилъ, что рано поутру умеръ Петръ Подгорный и хотѣлъ повѣситься Василій Крюкъ, какъ по секрету сообщили ему въ городской больницѣ.

На другой день, въ сумерки, въ арестантскомъ платьѣ, безъ пѣнія, безъ свѣчей, безъ родныхъ, схоронили того безвѣстнаго полѣсскаго крестьянина, который положилъ душу «за други своя» и, умирая, даже не зналъ, что совершилъ подвигъ. Петръ Подгорный былъ отнынѣ свободенъ и дѣло за № 629 было прекращено и сдано въ архивъ.

XXIV.

Вскорѣ умеръ и другой герой сосновской исторіи, старый исправникъ Кириллъ Семеновичъ, развязавъ, наконецъ, руки женѣ и дочери. Онъ умеръ, хлѣбнувъ лафита и затянувшись папиросой, которую придерживалъ понятливый городовой, исполнившій свою человѣколюбивую роль до конца. Въ послѣдніе дни жизни Кирилла Семеновича, вся забота его жены и дочери состояла въ томъ, чтобы старикъ подалъ въ отставку. Онѣ какъ будто боялись, что онъ еще мо-

жетъ служить послѣ смерти. Ему сунули въ руки перо, и старикъ, ничего не сознавая, странно глядя куда-то помимо бумаги, подписалъ свою фамилію. Два часа спустя, онъ умеръ. Исправница плакала и говорила, что это было необходимо для пенсіона, для дѣтей; ей самой ничего не надо, но Лиза!..

Лиза съ заплаканными глазами шила себѣ траурное платье съ длиннымъ шлейфомъ и крепомъ. Она просидѣла всю ночь, гремя машинкой подъ монотонное чтеніе псаломщика надъ тѣломъ отца... Она думала о своей молодой жизни, иногда утирала слезы, соображая, какъ лучше сдѣлать оборку, куда пришпилить бантъ, и когда утромъ знакомые и сослуживцы покойника собрались на парадную панихиду, она вошла въ глубокомъ траурѣ и очень интересная. Народу было много. Петръ Ивановичъ явился съ крепомъ на рукавѣ, съ торжественной печалью на лицѣ. Онъ, какъ ангелъ-хранитель, въ вицъ-мундирѣ, поддерживалъ убитую горемъ вдову, подавалъ ей стклянку съ спиртомъ, когда ея рыданія грозили перейти въ истерику, подвигалъ ей кресло, когда она изнемогала. Онъ прослезился самъ, когда запѣли «со святыми упокой». Взглянувъ на осунувшееся желтое лицо исправника въ гробу, онъ почувствовалъ боль подъ ложечкой и, поблѣднѣвъ, закрылъ глаза.

Протянувъ своимъ пріятнымъ теноромъ послѣднюю ноту съ особеннымъ скорбнымъ чувствомъ, протоіерей снялъ ризу, сказалъ что-то шепотомъ отцу-дьякону и, выправляя обѣими руками свои длинные, слегка завитые волосы, подошелъ къ вдовѣ. Она уже не плакала и что-то съ жаромъ говорила Петру Ивановичу, отозвавъ его къ окну.

— Только на васъ вся надежда, — говорила она,

глядя ему прямо въ глаза и настоятельно требуя отвѣта.—Повѣрите-ли, ни копѣйки! Все въ долгъ,—показала она рукой на гробъ. — Вотъ отцу-протоіерею извѣстно, какъ онъ умеръ.

— Праведная христіанская кончина... — началъ съ чувствомъ протоіерей, полагая, что отъ него требуется аттестація покойнаго.

— Я, батюшка, не про то,—перебила она почти нетерпѣливо, взглянувъ на Лупинскаго.

— Вѣрѣ Филипповнѣ желательно подписку, пояснилъ Петръ Ивановичъ. Что касается до меня, я, конечно, готовъ все, что могу.—Онъ поклонился. Вѣра Филипповна ждала, что скажетъ протоіерей. Но онъ какъ-то замялся.—Вѣдь экая нахальная баба!—проговорилъ онъ мысленно и прибавилъ вслухъ:—На счетъ подписки это ужъ Петръ Ивановичъ, они пользуются такимъ вліяніемъ...

— Вотъ я тоже говорю!—подхватила Вѣра Филипповна:—вѣдь всѣ у насъ бывали; вы помните, какъ онъ былъ радушенъ... Неужели онъ этого не заслужилъ?.. Петръ Ивановичъ!—воскликнула она, поймавъ его за руку и собираясь заплакать.

— Непремѣнно-съ, непремѣнно, все, что могу,—твердилъ онъ, кланяясь, и стремительно бросился къ двери, не давъ Вѣрѣ Филипповнѣ времени вызвать на свои глаза слезы.

— Вѣдь вотъ, душенька, какая скверная штука: исправница подписку проситъ... Я обѣщалъ,—сказалъ онъ, вернувшись, женѣ. Говоритъ: хоронить не на что...

— Вотъ еще новости! вскричала «пани маршалкова». То балы задавали, у Лизы каждый разъ новое платье, а теперь мы хоронить должны? И все вретъ: я навѣрное знаю, что у нихъ есть деньги...

Но Петръ Ивановичъ чувствовалъ себя размягченнымъ, какъ воскъ въ горячей водѣ. Не слушая жены, онъ рѣшительно взялъ листъ бумаги и, сдѣлавъ своимъ размашистымъ почеркомъ приличное случаю воззваніе, пожертвовалъ пять рублей, предоставляя, кому угодно, подражать его великодушію.

— Очень нужно было!—проворчала «пани маршалкова», заглянувъ черезъ его плечо въ листъ. Но дѣло было сдѣлано, и пошелъ сѣрый листъ ходить изъ дома въ домъ, вызывая насмѣшливыя замѣчанія, улыбки и колкія словечки. Многіе, вынимая съ гримасой рубль, вынимали его только потому, чтобы объ нихъ чего-нибудь не сказали; всѣ считали это совершенно неприличнымъ, бранили Вѣру Филипповну, а докторъ и ростовщикъ Пшепрошинскій, не пожертвовавъ ничего наличными, написалъ крупными буквами, что жертвуетъ пять рублей изъ числа тѣхъ ста, которые ему остался долженъ покойный.

— Вы съума сошли!—сказалъ ему Петръ Ивановичъ, прочитавъ сдѣланную приписку и сгоряча хотѣлъ разорвать листъ; но когда докторъ съ низкими поклонами представилъ ему свои резоны, они показались «пану маршалку» настолько убѣдительными, что онъ немедленно смягчился.

— Я этого не зналъ-съ, не зналъ! Это ваше дѣло,—сказалъ онъ и сталъ подводить итогъ собраннымъ деньгамъ. Въ итогѣ подписка дала сто съ чѣмъ-то рублей, включая сюда и тѣ пять, которые исправница должна была получить съ самой себя. Городовой Кузьма, ходившій по городу съ подписнымъ листомъ, былъ въ непритворномъ восторгѣ отъ своей удачи.

— Эка деньжищь что!—говорилъ онъ, сидя въ бакалейной лавкѣ еврея Мейера, у котораго бралъ для исправника лафитъ, и расправляя рукой собранныя ассигнаціи.

— Да, набралъ-таки!—сказалъ съ завистью хозяинъ, посматривая на бумажки.

— Похоронятъ, какъ слѣдуетъ быть,—говорилъ Кузьма, бережно пряча деньги. Баринъ добрый... Сердитъ былъ часомъ маленько; ну, извѣстно, начальство, а ничего, отходчивъ. Семейство вотъ одолѣло...

— А что?—спросилъ, интересуясь, еврей.

— Такъ, совѣсти мало... Кабы покойникъ былъ живъ, нешто онъ бы допустилъ, чтобы его похоронили на чужой счетъ?—сдѣлалъ онъ глубокомысленное замѣчаніе.—Ужъ на что былъ боленъ, еле дышалъ, а за виномъ посылаетъ, безпремѣнно скажетъ: Скажи, Кузьма, Мейеру: какъ жалованье получу, сполна отдамъ. Ей Богу!

— Хоросій былъ человѣкъ,—вздохнулъ еврей, успѣвшій выручить свои деньги, и вытеръ носъ полою своего лоснящагося лапсердака.

Когда вмѣстѣ съ деньгами Вѣрѣ Филипповнѣ подали подписной листъ, она едва не упала въ обморокъ, прочитавъ заявленіе деликатнаго доктора, и не упала только потому, что взрывъ негодованія, вылившійся въ потокѣ бранныхъ словъ, помѣшалъ ей предаться этому нѣсколько отвлеченному занятію. Она клеймила доктора, какъ могла; она обрушилась на его жену, дѣтей, на всѣхъ его сродниковъ и знакомыхъ; слова подвертывались сами собой. Никогда не была она такъ краснорѣчива.

— Подумайте только,—говорила взволнованная и огорченная женщина смущенно слушавшей ее судейшѣ, Аннѣ Гавриловнѣ. — Подумайте только: я поте-

ряла мужа, мы лишились положенія. Богъ знаетъ, что съ нами будетъ, а онъ не хочетъ потерять какіе-нибудь сто рублей! Да онъ ихъ одними процентами съ другихъ выберетъ...

Судейша не знала, что на это сказать, и стала прощаться. Успокоившись, Вѣра Филипповна сочла деньги, посмотрѣла, кто сколько далъ, выбранила протоіерея, подписавшаго отъ своего избытка рубль, похвалила полицейскаго секретаря, подписавшаго отъ своей скудости два, и, сдѣлавъ въ умѣ какую-то математическую выкладку, заперла деньги въ комодъ.

На другой день были похороны. Лиза въ трауръномъ платьѣ и новомъ шиньонѣ кричала, что надо сдѣлать обѣдъ, что изъ уваженія къ отцу она не допуститъ хоронить его какъ-нибудь, и когда старикъ Гусевъ, пріятель покойника, резонно возразилъ, что на чужія деньги затѣвать обѣды неумѣстно, — Лиза горько заплакала, мысленно назвала своего собесѣдника старымъ попугаемъ и вышла изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью, чѣмъ несомнѣнно доказала свое уваженіе къ отцу.

Хотя обѣда не было, но Кирилла Семеновича похоронили съ подобающимъ почетомъ. Собрались всѣ служащіе, всѣ любопытные; это былъ даровой спектакль, пропустить который никому не хотѣлось; пѣли пѣвчіе; передъ гробомъ несли хоругви и свѣчи; шла густая толпа, переговариваясь и дѣлая замѣчанія о томъ, какъ сложены у покойника руки, что стоитъ парча и у кого брали, сколько дадутъ причту и какъ убивается жена. Все было совершенно въ порядкѣ; протоіерей въ черной съ бѣлыми галунами ризѣ съ чувствомъ говорилъ своимъ пріятнымъ теноромъ, пѣвчіе ловко подхватывали, и «вѣчная память новопре-

ставленному болярину Кириллѣ», провозглашенная хриплымъ басомъ отца діакона, вызвала слезы на глазахъ Петра Ивановича. Онъ проворно вынулъ носовой платокъ, отеръ имъ лицо и, взглянувъ на небо, искренно поблагодарилъ Бога за то, что умеръ не онъ, всѣмъ необходимый «панъ маршалокъ», а старый и никому ненужный исправникъ. Продолжая говорить, перешептываться, смѣяться и осуждать, толпа проводила покойника до самаго кладбища, не желая упустить ни одной изъ подробностей печальной церемоніи.

Кириллу Семеновичу отвели почетное мѣсто тамъ, гдѣ лежали такіе же именитые покойники; его положили лицомъ на востокъ, откуда былъ видѣнъ, какъ на ладони, весь маленькій городокъ, гдѣ онъ царствовалъ такъ недолго и кончилъ такъ неблагополучно.

На томъ же самомъ кладбищѣ, но только не въ такомъ привиллегированномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ не было не только ограды, но даже самой простой изгороди, гдѣ сосѣднія козы и свиньи пользовались могилами, какъ пастбищемъ, лежалъ въ своемъ бѣломъ гробу и арестантскомъ платьѣ крестьянинъ Волчьей волости, Петръ Подгорный. Тамъ не было ни памятниковъ, ни крестовъ, никакихъ вообще признаковъ, усвоенныхъ мѣсту вѣчнаго покоя, и когда невысокая насыпь сравнялась съ землей, размытая дождемъ и разрытая копытами, никто бы не догадался, что это были когда-то и, можетъ, очень недавно, людскія могилы. Тутъ хоронили арестантовъ, людей безъ роду и племени, случайно попавшихъ въ городскую больницу и тамъ неожиданно умершихъ, разныхъ невѣдомыхъ скитальцевъ, утонувшихъ, замерзшихъ и всѣхъ вообще какъ-нибудь случайно погибшихъ.

Почти одновременная смерть крестьянина Петра Подгорнаго и исправника Кирилла Семеновича завершила собою циклъ эпизодовъ, относящихся къ исторіи сосновскаго «бунта». Пятеро «прикосновенныхъ» крестьянъ были выпущены изъ острога именно въ ту минуту, когда, изнемогая въ смертельной тоскѣ, одинъ изъ нихъ, веселый Василій Крюкъ, готовъ былъ наложить на себя руки, а остальные почти отупѣли отъ запертой жизни, отъ вынужденнаго бездѣйствія, отъ глубокой скорби, одиночества и неизвѣстности.

Явившись въ острогъ, Петръ Ивановичъ сказалъ коротенькую, прочувствованную рѣчь, которой обрадованные мужики не поняли; низко поклонившись, они поблагодарили «пана маршалка» и, выйдя на свободу, отпраздновали ее тѣмъ, что всѣ пятеро, а всѣхъ больше Василій Крюкъ, напились въ первомъ попавшемся кабакѣ.

Петръ Ивановичъ былъ совершенно доволенъ и своею рѣчью, и мужицкой благодарностью, и только сожалѣлъ о томъ, что у насъ непринято печатать имѣющихъ такой глубокій смыслъ рѣчей. Впослѣдствіи, разсказывая про это событіе, онъ всегда прибавлялъ, «что если сосновскіе крестьяне по милости этого стараго дурака исправника попали въ острогъ, то, благодаря только ему, Петру Ивановичу, они не попали на каторгу».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Со времени «бунта» въ Волчьей волости прошло полтора года и въ уѣздномъ городкѣ многое измѣнилось: прибыли новые люди, ушли со сцены нѣкоторые изъ старыхъ, и печальная исторія «прискорбныхъ недоразумѣній», какъ было оффиціально озаглавлено происшествіе въ Сосновкѣ, почти всѣми забылось.

Бывшій одно время подъ опалой, посредникъ Гвоздика снова, по милости Зинаиды Львовны, получилъ доступъ во внутренніе покои его превосходительства Михаила Дмитріевича; Петру Ивановичу Лупинскому дали орденъ и денежную награду, а онъ по этому случаю далъ балъ; на мѣсто умершаго исправника, Кирилла Семеновича, былъ назначенъ господинъ Слоняевъ, изъ становыхъ, чѣмъ-то угодившій его превосходительству при усмиреніи въ его собственномъ имѣніи, и потому при первой возможности получившій повышеніе для примѣра и поощренія всѣхъ прочихъ становыхъ. Господину Слоняеву было еще въ диковину первенствующее положеніе, и пока онъ держалъ себя, что называется, въ черномъ тѣлѣ; но дальновидные люди не сомнѣвались, что, освоившись, онъ скоро разойдется и себя покажетъ. Простоватаго посредника Грохотова, неумѣвшаго даже поживиться, какъ слѣдуетъ, замѣнилъ прибывшій изъ Вятки или Перми г. Шнабсъ, поживлявшійся уже рѣшительно всѣмъ. Судебнаго слѣдователя перемѣстили куда-то на сѣверъ; деликатно нерв-

ный прокуроръ уѣхалъ на югъ, а на его мѣсто прибылъ чистокровный тевтонецъ, Густавъ Андреевичъ Шольцъ. Почти одновременно съ прокуроромъ Шольцемъ явился новый воинскій начальникъ, Александръ Даниловичъ Зыковъ, и, наконецъ, мѣсто умершаго судьи перваго участка занялъ извѣстный своимъ остроуміемъ Натанъ Петровичъ Куманевъ.

Словомъ, прежній составъ маленькаго общества получилъ притокъ свѣжихъ силъ, а изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ остались только Орловы, Колобовъ, Петръ Ивановичъ съ семействомъ, судья Иванъ Тихоновичъ съ супругой, протоіерей Сапіенца, кое-кто еще изъ менѣе замѣтныхъ и, само собою разумѣется, нашъ старожилъ и дипломатъ, Платонъ Антоновичъ Жуковскій.

Петру Ивановичу Лупинскому казалось, что онъ стоитъ на зенитѣ своего могущества, а между тѣмъ со стороны замѣчали, что онъ начинаетъ спускаться. Это было почти неуловимо; онъ еще считался первымъ, но какіе-то симптомы указывали на близкій переворотъ. Петръ Ивановичъ долго и осторожно взбирался по лѣстницѣ, но, взобравшись на самый верхъ, не почувствовалъ, какъ у него закружилась голова и не подумалъ, что можетъ каждую минуту скатиться внизъ. Петру Ивановичу хотѣлось, чтобъ его считали человѣкомъ хорошимъ, умнымъ, дѣятельнымъ и честнымъ, особенно честнымъ. Извѣстно, что чѣмъ менѣе имѣетъ человѣкъ на что-нибудь права, тѣмъ настойчивѣе онъ этого добивается. Петръ Ивановичъ «добивался» съ болѣзненнымъ упорствомъ, и вдругъ находились люди, которые разсказывали разныя темныя исторіи про какой-то исчезнувшій изъ опекунскихъ имѣній лѣсъ, про какую-то клепку и накладные листы. По временамъ слышались зловѣщія слова: «подлогъ», «фальшивая

подпись» и проч. Конечно, это были одни пустые звуки, безъ всякой юридической подкладки; едва ли они даже доходили въ своемъ натуральномъ видѣ до «пана маршалка», но Петръ Ивановичъ чувствовалъ себя неспокойно. Запасшись капиталомъ, положеніемъ, имѣя въ виду купить огромное, арендуемое имъ, имѣніе, устроивъ обстановку, которой многіе завидовали, будучи на хорошемъ счету у разныхъ превосходительствъ, заручившись благосклонностью самого правителя губернаторской канцеляріи, бѣдному «пану маршалку» не доставало самой малости: спокойной совѣсти—и этого рѣшительно негдѣ было взять! Бывали ночи, когда, проворочавшись на своей постели до утра, онъ вставалъ съ воспаленными глазами и желтымъ лицомъ и, хватаясь съ тоской за голову, говорилъ себѣ: «такъ нельзя!» Иногда, чтобы заснуть, онъ прибѣгалъ къ морфію. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ, вступилъ на скользкій путь, съ тѣхъ поръ какъ онъ, колеблясь, получилъ первую взятку, отрѣзалъ у крестьянъ полосу земли въ пользу пана, онъ очутился на той покатости, съ которой нельзя было не скатиться внизъ, и онъ катился все ниже, пока не дошелъ до той невидимой черточки, когда сталъ во всемъ себя оправдывать, а другихъ обвинять. Была, впрочемъ, одна минута въ его жизни, когда, оглянувшись на самого себя, припомнивъ кое-что изъ далекаго прошлаго, онъ хотѣлъ было повернуть въ другую сторону—это было тотчасъ послѣ сосновской исторіи,—но тутъ его повысили, наградили, онъ получилъ большія права и, сообразно имъ, увеличилъ свои жизненныя требованія. А тутъ еще росли дѣти, надо было позаботиться объ ихъ воспитаніи и будущей карьерѣ: Петръ Ивановичъ мечталъ для старшаго, Сережи, о дипло-

матіи. Побудительныя причины были слишкомъ основательны, чтобы можно было противиться искушенію. По мѣрѣ того, какъ увеличивался таинственный капиталъ, хранимый, по словамъ члена опеки, старика Гусева, въ казенномъ опекунскомъ сундукѣ, «панъ маршалокъ» по-немногу сбрасывалъ съ себя всѣ тѣ нравственныя стѣсненія, которыя еще удерживали его на трудномъ поприщѣ наживы. Теперь у него была одна задушевная мечта: прослыть за честнаго человѣка. И онъ, пожалуй бы, прослылъ, не будь на свѣтѣ неутомимаго Петра Дмитріевича Колобова.

Петръ Дмитріевичъ былъ, по своему чину, такой маленькій человѣкъ, что великому «пану маршалку» и въ голову не приходило считать его опаснымъ, онъ только удивлялся, почему какой-то Колобовъ ему не кланяется, но, удивляясь и негодуя въ душѣ, онъ старался этого не замѣчать. Петръ Дмитріевичъ принадлежалъ къ эпохѣ первыхъ реформаторовъ Полѣсья; онъ служилъ въ повѣрочной коммиссіи при Якушкинѣ и тѣхъ первыхъ посредникахъ, которые, прослывъ «красными» въ глазахъ « ясновельможныхъ», впослѣдствіи прослыли чуть не сумасшедшими, когда настало другое время и пошли другіе взгляды. Тогда времена мѣнялись быстро: то съ мужикомъ носились, какъ ни вѣсть съ какой драгоцѣнностью, мужика сажали рядомъ съ паномъ, даже выше, ему не только возвратили его образъ и подобіе, его вознесли, его почти открыли... Панъ имѣлъ право только соглашаться, чаще всего его даже не спрашивали; мужику, напротивъ, внушили, что онъ можетъ требовать, и его не только слушали, ему подсказывали. Это было почти какъ на театрѣ и также скоро кончилось, какъ на сценѣ: явились другіе люди, сверху пошли другіе

циркуляры и, поигравъ съ мужикомъ, ему, какъ въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ, опять оставили одно дырявое корыто... Пошла переоцѣнка земли, лѣса, угодій, и у мужика отняли то, что онъ началъ было считать своимъ. Долго ли сбить съ толку темнаго, безграмотнаго человѣка? Когда, отнимая, ему сказали, что это дѣлается на законномъ основаніи, онъ сталъ совершенно втупикъ, потому что на томъ же самомъ основаніи ему давали. Кое-гдѣ онъ вздумалъ даже упираться и бунтовать... Расходившагося мужика поспѣшили унять... нагайками и штыками, потомъ его и совсѣмъ закрѣпостили, замѣнивъ старое ярмо барщины, которому все-таки предвидѣлся когда-нибудь конецъ, ярмомъ чиновничьяго произвола, которому и конца не было видно. Тогда, почуявъ добычу, явились на службѣ обрусенія Лупинскіе, Гвоздики, Ванины, Болванины, Акулы, Овсянскіе, Ля-Петри, Свистовскіе и, наконецъ, Столяровы... Словомъ, цѣлый легіонъ хищниковъ-обрусителей. Петръ Дмитріевичъ Колобовъ принужденъ былъ выйдти въ отставку: такимъ, какъ онъ, мѣста не было въ томъ Валтасаровомъ пирѣ, который разыгрался на развалинахъ только-что минувшаго періода. Пріютившись, по милости какого-то добраго человѣка, въ вѣдомствѣ градусовъ, Колобовъ сохранилъ связь съ мужикомъ: къ нему приходили за совѣтомъ изъ самыхъ дальнихъ волостей, онъ писалъ просьбы, направлялъ, куда слѣдуетъ, просителей, иногда коечего добивался, чаще не добивался ровно ничего и зналъ такія продѣлки обрусителей, о которыхъ не зналъ никто. Зная эти продѣлки, Петръ Дмитріевичъ съ удивленіемъ и негодованіемъ смотрѣлъ, какъ поднимался Лупинскій; онъ былъ оскорбленъ этимъ восхожденіемъ во имя тѣхъ безкорыстныхъ и безразсуд-

ныхъ тружениковъ, съ которыми когда-то служилъ и которые ушли изъ этой Полѣсской Колхиды не только съ такимъ же пустымъ карманомъ, какъ пришли, но и оставили по себѣ самую дурную славу... «Дураки, — говорилъ о Якушкиныхъ Петръ Ивановичъ Лупинскій,—не знали, гдѣ раки зимуютъ»! Самъ онъ зналъ это хорошо...

Колобовъ былъ высокаго роста, брюнетъ съ курчавой головой и некрасивымъ лицомъ, но у него былъ громкій голосъ, чистая совѣсть и правдивые честные глаза. Онъ могъ отличить дурное отъ хорошаго и всегда шелъ прямо, не дѣлая никакихъ уклоненій въ сторону. Его манеры были рѣзки, выражался онъ съ грубой прямотой, рѣшительно не годился для гостиной, особенно для буржуазной гостиной Петра Ивановича, не носилъ перчатокъ, не употреблялъ одеколону, но бѣдняку помогалъ, не справляясь съ политической экономіей, о которой, быть можетъ, не слыхалъ, и при всей своей бѣдности и незамѣтности, мошенника называлъ мошенникомъ и не считалъ себя обязаннымъ ему кланяться только потому, что тотъ былъ чиномъ выше и носилъ кокарду. Лупинскій показался ему подозрительнымъ съ самаго начала: онъ не довѣрялъ ни его слезамъ, ни его горячимъ рѣчамъ въ защиту мужика, и вездѣ, гдѣ только представлялся случай, старался разоблачить его продѣлки; но «панъ-маршалокъ» держался на своей позиціи твердо; у него даже два раза обѣдалъ самъ Михаилъ Дмитріевичъ. Господинъ Лупинскій рѣшительно становился особой на всемъ пространствѣ уѣзда. Въ это самое время появился воинскій начальникъ Зыковъ, и дѣло, начатое Колобовымъ, который до конца остался въ тѣни, нашло въ ротмистрѣ своего продолжателя.

II.

Ротмистръ гвардіи, Александръ Даниловичъ Зыковъ пріѣхалъ въ край тотчасъ послѣ какой-то своей исторіи, о которой онъ говорилъ весьма сдержанно хотя, однако же, такъ, что слушателямъ было ясно все благородство его поступковъ. Ротмистръ былъ чистокровный дворянинъ съ предками, генеалогическое древо которыхъ терялось во мракѣ временъ, но несомнѣнное существованіе ихъ подтверждалось фамильнымъ гербомъ, съ изображеніемъ меча, лебедя и трехъ рыбъ подъ серпомъ полумѣсяца. Это, конечно, была какая-нибудь эмблема и, какъ эмблема, имѣла свой геральдическій смыслъ.

Ротмистръ Зыковъ поселился подъ горой, въ маленькой квартиркѣ, изъ которой онъ могъ видѣть въ одну сторону клочекъ неба, а въ другую—остроконечный уголъ сосѣдней крыши; весь остальной Божій міръ заслонялся высокой горой и зеленью деревьевъ. Онъ находилъ, что съ него это достаточно. Направо, налѣво, кругомъ грязь была непроходимая съ той минуты, когда начинало таять, вплоть до той, когда морозъ сковывалъ землю съ промежутками страшной пыли лѣтомъ. О гигіенѣ тутъ имѣли такое же понятіе, какъ и объ астрономіи, а грязь отстаивалась съ такимъ упорствомъ, какъ будто въ ея неприкосновенности заключалось общее благополучіе. Эта грязь наводила уныніе, могла разстроить нервы самаго здороваго человѣка, и хотя Александръ Даниловичъ на свои нервы пожаловаться не могъ, но грязь казалась ему въ первое время нестерпимой и заставляла страдать, какъ какая-нибудь физическая боль, въ родѣ зубной.

Черезъ полгода ротмистръ сталъ къ ней равнодуш-

нѣе; онъ герметически закупорился и погрузился въ устройство быта своей команды. Занявшись солдатами, ротмистръ въ первое время почти никуда не выходилъ и, по правдѣ сказать, заняться было чѣмъ: все, что онъ принялъ, отъ казармъ до гимнастики, отъ сапоговъ до шинелей, отъ пищи до грамотности — все находилось на степени полной негодности. Онъ началъ съ того, что обулъ и одѣлъ солдата; онъ завелъ каждому кровать и одѣяло и, предоставляя разныя льготы въ то же время строго требовалъ исполненія долга. На счетъ дисциплины это былъ неумолимый педантъ; но зато солдатскій грошъ, считавшійся до него общественной собственностью, и солдатскій трудъ, на который могъ разсчитывать каждый, оберегались имъ, какъ нѣчто неприкосновенное. Когда его стараніями были выстроены новыя казармы, онъ завелъ на артельномъ началѣ чайную, купивъ на свои деньги нѣсколько самоваровъ и посуду. Чай отучилъ солдата отъ водки. Сытый, одѣтый, обутый, работая и зарабатывая, солдатъ сталъ смотрѣть человѣкомъ. Надъ ротмистромъ смѣялись, но ротмистръ ничего не видѣлъ и не слышалъ; онъ, какъ дикаря, училъ солдата всему: онъ училъ его даже говорить, хотя я не ручаюсь, чтобы они всегда другъ друга понимали. Покончивъ съ устройствомъ команды, Александръ Даниловичъ позволилъ себѣ развлечься и отдохнуть; онъ сразу примкнулъ къ партіи меньшинства, ядро которой составлялъ домъ Орловыхъ. Развлекаясь, онъ сталъ ходить въ гости, толковалъ о политикѣ утромъ, между дѣломъ, и игралъ въ карты вечеромъ, когда дѣлать было рѣшительно нечего. Въ карты здѣсь играли всѣ, — это былъ всепоглощающій интересъ, который утолялъ собою вѣчно живую потребность въ какомъ бы то ни

было развлеченіи. Политика и отбываніе служебной повинности утромъ, карты—вечеромъ, изрѣдка какой-нибудь скандалъ, какая-нибудь новость изъ «губерніи» составляли все содержаніе жизни города, пока нѣкоторыя внутреннія событія не подняли его жизненный пульсъ до болѣзненной быстроты.

III.

Водвореніе въ городѣ новыхъ лицъ какъ будто подновило самую физіономію его: исправникъ задумалъ устроить на площади скверъ, и очистивъ ее, посредствомъ арестантовъ, отъ нѣсколькихъ наслоеній навоза, сразу понизилъ на поларшина ея обычный уровень, Петръ Ивановичъ Лупинскій покрасилъ на собственный счетъ заборъ передъ своими окнами; огромный домъ, гдѣ жилъ и почилъ старый исправникъ, былъ побѣленъ и отданъ подъ воинское присутствіе и опеку; на углу главной улицы открылся модный магазинъ «пани Липской», съ заманчивой вывѣской, гдѣ дамская шляпка походила издали на мужское сѣдло, а шиньонъ съ локонами напоминалъ пучекъ вмѣстѣ связанныхъ колбасъ. Но главную новость составляло открытіе «общества помощи бѣднымъ ученикамъ гимназіи». Это благотворительное общество изображало собою «haute nouveauté», оно намекало на современность и какъ бы указывало, что мы, съ разрѣшенія начальства, идемъ по пути прогресса и, стало быть, не хуже другихъ. Получивъ законную форму, маленькое «общество» росло и обѣщало дать благіе результаты, и вдругъ погасло, какъ свѣча, накрытая гасильникомъ. Это не было даже постепенно, а именно вдругъ, безъ малѣйшей агоніи, скоропостижно. Но такъ какъ эта небольшая исторія составляетъ отдѣльный, почти за-

конченный эпизодъ, то подробно я объ этомъ разскажу когда-нибудь потомъ, теперь же ограничусь только тѣмъ, что, по времени, относится къ моему повѣствованію и имѣетъ съ нимъ нѣкоторую связь.

Директоръ гимназіи былъ въ восторгѣ. Маленькій, кривой человѣкъ, съ кривой, лукавой усмѣшкой на своемъ чиновничьемъ, почтительномъ лицѣ, былъ увѣренъ, что его выберутъ предсѣдателемъ: онъ уже мечталъ объ одобреніи высшаго начальства. Чувствовалъ у себя на груди какой-то орденъ... Ему такъ рѣдко приходилось не только получать одобреніе, но даже вообще обращать на себя вниманіе! Когда въ день общаго собранія въ длинной залѣ гимназіи собралось столько членовъ, что многимъ не достало стульевъ, директоръ окинулъ взглядомъ это почтенное собраніе и, самодовольно улыбнувшись, ждалъ, что будетъ. Онъ трепеталъ, стараясь не выказать своего внутренняго волненія, и въ тоже время безпрестанно выдавалъ себя суетливыми движеніями. Также внутренно трепеталъ Петръ Ивановичъ, полагавшій, что всякое почетное мѣсто и званіе принадлежало ему по праву въ районѣ его служебной дѣятельности. «Панъ-маршалокъ» былъ нѣсколько избалованъ, онъ привыкъ всегда идти впереди: какая-нибудь подписка, воззваніе, что-нибудь общественное и полезное—со всѣмъ обращались къ нему. Самъ онъ жертвовалъ немного, но не мѣшалъ жертвовать другимъ; когда учредилось новое «общество», онъ рѣшилъ, что будетъ его предсѣдателемъ, и отправляясь на выборы, напѣвалъ фальшиво и громко какую-то бравурную арію. Но, распѣвая, Петръ Ивановичъ, какъ предусмотрительный полководецъ, выдвинулъ впередъ свою тяжелую артиллерію въ лицѣ

членовъ опеки, съ старикомъ Гусевымъ во главѣ. Предстоялъ выборъ членовъ комитета.

— Смотрите-ка,—шепнулъ Зыковъ Шольцу, показывая на толстаго члена опеки Вередовича,—Лупинскій для поддержки слона привелъ!

— И моську!—прибавилъ съ улыбкой Шольцъ, показывая на маленькаго Грушецкаго.

Когда баллотировка кончилась, и члены, поднявшись съ своихъ мѣстъ, зашумѣли, выбранный въ комитетъ Петръ Ивановичъ вышелъ, сказавъ себѣ, что будетъ онъ предсѣдателемъ или нѣтъ—это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ думать. Но онъ не только объ этихъ пустякахъ думалъ, онъ ими тревожился, и непріятная мысль, что онъ можетъ быть не выбранъ, недавала ему покоя, но онъ рѣшительно вышелъ изъ себя, узнавъ отъ старика Гусева, что предсѣдательницей собираются выбрать Татьяну Николаевну. Это уже почти было оскорбленіе. Спровадивъ Гусева, «панъ маршалокъ» бросился въ уставъ, надѣясь подыскать въ немъ параграфъ, который бы устранялъ избраніе женщинъ на должность предсѣдателя, но такого параграфа не нашлось; тогда Петру Ивановичу пришло въ голову отказаться отъ членства, послать директору записку; онъ даже рѣшился заболѣть, но потомъ одумался и кончилъ тѣмъ... но чѣмъ онъ кончилъ, читатель сейчасъ увидитъ.

IV.

Недѣлю спустя, по приглашенію директора Сосновича, который совершенно упалъ духомъ послѣ того, какъ надежда быть предсѣдателемъ ускользнула и для него, члены комитета опять собрались въ училищный залъ для выбора между собой должностныхъ лицъ.

Это были все самые видные граждане маленькаго городка: прежде всѣхъ пришелъ въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, аккуратнѣйшій изъ людей, Платонъ Антоновичъ Жуковскій, за нимъ прокуроръ Шольцъ вмѣстѣ съ судьей, Орлова и ученый докторъ Иванъ Иванычъ, полагающій все спасеніе рода человѣческаго въ касторовомъ маслѣ. У всѣхъ были серьезныя и дѣловыя лица. Въ половинѣ перваго недоставало только «пана маршалка». Члены одинъ за другимъ вынимали часы. Это опаздываніе казалось умышленнымъ и было неловко; директоръ безпрестанно подходилъ къ окну, не зная, открыть ли ему засѣданіе, или немножко подождать. Шольцъ сказалъ, что семеро,—а членовъ дѣйствительно было семеро, — одного не ждутъ. Судья, Иванъ Тихонычъ, вѣрный своей примирительной миссіи, замѣтилъ, ласково всѣмъ улыбаясь, что на первый разъ немножко подождать можно. Платонъ Антоновичъ выразилъ опасеніе, не заболѣлъ ли внезапно «памъ маршалокъ». Шольцъ готовился ему возразить, какъ вдругъ двери широко распахнулись, и самъ Петръ Ивановичъ, здоровый, развязный и веселый, въ сѣромъ пиджакѣ и пестромъ галстухѣ, явно намекавшемъ, что онъ не придаетъ этому собранію и вообще всей этой затѣѣ никакого серьезнаго значенія, вошелъ, расшаркался передъ Орловой, не извиняясь, упомянулъ что-то про больницу или острогъ и сѣлъ рядомъ съ открывшимъ засѣданіе директоромъ. имѣя по правую руку Орлову, а vis-à-vis Шольца.

Директоръ взялъ со стола какую-то бумагу, что-то прочелъ невнятно и грустно, и не успѣлъ онъ договорить послѣдняго слова, какъ Петръ Ивановичъ, едва сдерживая свое волненіе, точно боясь, чтобъ его кто не предупредилъ, предложилъ членамъ выбрать предсѣдательницей Орлову. Произошло маленькое замѣшательство; но члены, какъ люди вѣжливые, поспѣшили его поддержать. Орлова была удивлена и неожиданностью такого оборота и, по правдѣ сказать, великодушіемъ Петра Ивановича, который, — она хорошо знала,—самъ мѣтилъ на предсѣдательское мѣсто. Орлова поблагодарила и рѣшительно отказалась; тогда Петръ Ивановичъ, взявшій на себя иниціативу выбора, выставилъ свой самый вѣскій аргументъ, сказавъ, «что у всѣхъ у насъ есть дѣло, служба, а вы, Татьяна Николаевна, совсѣмъ свободны». Противъ этого возразить было нечего, и Орлова согласилась. Члены поблагодарили ее съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ, что всѣмъ хотѣлось ѣсть, и всѣ спѣшили поскорѣе отдѣлаться отъ этой благотворительной обузы. Можетъ быть, со стороны это выходило нѣсколько смѣшно, но, по счастью, со стороны было смотрѣть рѣшительно некому, такъ какъ у притолки входной двери покачивался, со всѣми признаками сладкой дремоты, сторожъ Матвѣй, а со стѣны, изъ овальной золоченой рамы безучастно и равнодушно глядѣлъ портретъ попечителя съ застывшей улыбкой на благообразномъ лицѣ.

Петръ Ивановичъ чувствовалъ себя настоящимъ героемъ; онъ надѣлъ пальто, надвинулъ нѣсколько на бекрень свою дворянскую, съ краснымъ околышемъ, фуражку и подъ-руку съ Орловой, развязно, какъ хозяинъ уѣзда, и самодовольно, какъ тріумфаторъ, прошелъ по улицамъ маленькаго, грязнаго городка, вплоть до воротъ ея квартиры. Тутъ онъ съ своею нѣсколько театральной манерой раскланялся, сказалъ что-то объ общественной пользѣ, предрекъ великую будущность

крошечному благотворительному обществу, всему городу, и той же побѣдоносной походкой отправился домой.

— Ну что, кого выбрали? — встрѣтила вопросомъ Мина Абрамовна мужа и, взглянувъ на его лицо, съ котораго еще не успѣла сбѣжать пріятная улыбка, прибавила съ своей обычной догадливостью:—Вѣрно тебя, я такъ и знала!

— Выбрали Орлову, — сказалъ онъ сухо и хотѣлъ пройти.

— А какъ же ты самъ?..

— Я, матушка, заваленъ по горло. Мнѣ не до этихъ пустяковъ.

— Разскажи, какъ же было?—спросила пани, быстро переходя въ минорный тонъ.

— Очень просто: я предложилъ — разумѣется, всѣ согласились.

— Вотъ, очень нужно было,—замѣтила она съ досадой:—Орлова и такъ ужъ важничаетъ...

— Ты, душенька, ничего не понимаешь!—прервалъ жену «панъ маршалокъ». — Она намъ можетъ пригодиться... Могло выйдти хуже, могли выбрать этого прусскаго подданнаго Шольца. Разумѣется, я тогда тотчасъ бы вышелъ изъ членовъ,—сказалъ рѣшительно и громко Петръ Ивановичъ и съ сердцемъ бросилъ на столъ свою дворянскую фуражку.

— Вы съ нимъ кланялись?—спросила «пани».

— Онъ мнѣ поклонился, когда я вошелъ,—солгалъ беззастѣнчиво Лупинскій, которому Шольцъ не только не поклонился, но даже умышленно отвернулся къ окну.

Въ то-же время Орлова говорила мужу:

— Угадай, кого выбрали предсѣдателемъ:—меня!

— Неужели не нашлось никого умнѣе?

— Туда очень умныхъ не надо, а главное надо такихъ, которымъ, какъ мнѣ, дѣлать нечего... И вообрази: все это Лупинскій, вотъ ужъ не ожидала!—И она стала разсказывать, какъ было.

— Татьяна Николаевна! Поздравляю! — раздалось подъ окномъ, и улыбающійся Зыковъ въ свою очередь разсказалъ, какъ между членами было заранѣе условлено выбрать именно ее.

— Неужели? А вѣдь я все это отнесла къ Лупинскому и удивлялась его великодушію.

— Ну, какъ же не мошенникъ! — воскликнулъ Зыковъ,—а? подхватилъ чужую мысль и выдалъ за свою собственную! Впрочемъ, онъ бы такъ легко не уступилъ, еслибъ это мѣсто было съ окладомъ.

V.

Зыковъ пріѣхалъ въ нашъ городъ вскорѣ послѣ первой общей воинской повинности, то есть послѣ того, какъ все это, Божіею помощью, было благополучно кончено и Петръ Ивановичъ Лупинскій представленъ къ наградѣ. Они встрѣтились, и съ первой минуты поняли, что станутъ другъ другу поперегъ дороги. Вскорѣ къ инстинктивной, чисто случайной непріязни присоединились столкновенія служебныя: «панъ маршалокъ», совмѣщая въ своей особѣ нѣсколько должностей, состоялъ, между прочимъ, предсѣдателемъ въ томъ самомъ присутствіи, гдѣ ротмистръ считалъ себя не только спеціалистомъ, но еще облеченнымъ такою отвѣтственностью и такими правами, передъ которыми всѣ права Лупинскаго не значили почти ничего. Съ своей стороны, Петръ Ивановичъ не могъ простить Зыкову того неуваженія, съ какимъ онъ относился къ

его предсѣдательству, которое «панъ маршалокъ» считалъ дискреціоннымъ не только за присутственнымъ столомъ засѣданія, но и всюду, куда не появлялся. Имѣя такое преувеличенное понятіе о своемъ значеніи, Лупинскій полагалъ, что онъ одинъ можетъ только дѣйствовать и разсуждать, а всѣ остальные члены присутствія могутъ только съ нимъ соглашаться и ему содѣйствовать; онъ полагалъ, что онъ первый, а всѣ они безъ всякихъ даже промежуточныхъ степеней — послѣдніе.

Ротмистръ Зыковъ, противъ такого высокомѣрнаго взгляда возсталъ, и между двумя администраторами отношенія стали натянуты и враждебны. Какъ люди, получившіе воспитаніе и отъ природы вѣжливые, они еще кланялись при встрѣчахъ на улицѣ, въ домахъ у общихъ знакомыхъ, но обоимъ было не по себѣ, и дѣло стало почти непоправимо, когда, уѣзжая въ отпускъ на какой-то морской берегъ, «панъ маршалокъ» передалъ свое предсѣдательство въ присутствіи не ротмистру, какъ бы надлежало, а исправнику, который не только не умѣлъ предсѣдательствовать, гдѣ бы то ни было, но даже, по словамъ ротмистра, и на креслѣ-то умѣлъ сидѣть только бокомъ. Такимъ образомъ, со стороны Лупинскаго, это было непросто оскорбленіе, но оскорбленіе, которое онъ намѣренно хотѣлъ подчеркнуть. Когда Петръ Ивановичъ вернулся съ своего морского берега бодрый, веселый и довольный моремъ и губернаторскимъ пріемомъ (проѣздомъ черезъ Болотинскъ онъ, само собой, счелъ долгомъ откланяться), ротмистръ, не бывшій на водахъ и не имѣвшій никакого резона разсчитывать на ласковый пріемъ губернатора, былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи. Встрѣтившись въ какомъ-то комитетѣ «общаго улучшенія», соперники заспорили съ такими интонаціями, которыя, подобно отдаленнымъ раскатамъ грома, предвѣщали грозу въ весьма недалекомъ будущемъ. Привязанные службой къ одному и тому же дѣлу, они очутились на разныхъ полюсахъ по своимъ убѣжденіямъ; каждый тянулъ къ себѣ, и если дѣло, вопреки этой системѣ, все-таки подвигалось впередъ, то благодаря только тому, что когда они, занятые дѣлами личнаго самолюбія, выпускали служебное дѣло изъ рукъ, ловкій господинъ Скорлупскій—домашній секретарь «пана маршалка»,—его подхватывалъ, подсовывалъ къ подписи какія-то бумаги, подкрѣплялъ свои доводы ссылками на циркуляры—и дѣло шло само собой.

Въ довершеніе осложненій оба были самолюбивы, раздражительны и нервны, оба любили поспорить и непремѣнно доказать, и хотя въ природѣ вообще было мѣста довольно, но въ нашемъ уѣздѣ его оказалось недостаточно въ томъ смыслѣ, что не хватило на два первыя мѣста: было первое и второе, но двухъ одинаково первыхъ не могло быть даже для такихъ особъ, какъ ротмистръ Зыковъ и майоръ въ отставкѣ Лупинскій. Злополучную пальму первенства пришлось брать съ боя, и бой начался, не такой, разумѣется, какъ былъ подъ Седаномъ или Вёртомъ, но для нашего города вполнѣ замѣчательный.

Остротѣ непріязненныхъ отношеній помогло одно маленькое, можно даже сказать, смѣшное обстоятельство. Въ одно пасмурное, послѣобѣденное время глубокой осени, когда въ окна стучалъ упорный мелкій дождь, а свинцовыя тучи висѣли прямо надъ городомъ, ротмистръ сидѣлъ съ газетой у своего письменнаго стола. Вообще чувствительный къ метеорологическимъ яв-

леніямъ, Зыковъ былъ особенно скученъ и всѣмъ недоволенъ въ эту минуту.

— Чортъ знаетъ, что за вздоръ пишутъ!—проговорилъ онъ, бросая газету, и только-что хотѣлъ встать, какъ позвонили.

— Панъ пулковникъ е?—раздался сиплый басъ на польскомъ жаргонѣ. Зыковъ узналъ голосъ доктора Пшепрашинскаго.

— У себя-съ!—доложилъ деньщикъ Игнатовичъ, съ интонаціей, свойственной исправнымъ солдатамъ, у которыхъ все выходитъ на манеръ: «здравія желаю!»

— Принимае?

— Съ большимъ удовольствіемъ,—рискованно удостовѣрилъ Игнатовичъ и распахнулъ передъ гостемъ двери.

— Экій болванъ!—произнесъ мысленно ротмистръ, нехотя поднимаясь навстрѣчу доктору.

Въ комнату вошелъ, грузно переваливаясь своимъ неуклюжимъ туловищемъ бегемота, уѣздный эскулапъ Пшепрашинскій. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неудачныхъ питомцевъ науки, которые роковымъ образомъ пятятся назадъ, вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ: кое-чему научившись въ молодости, они, позднѣе, среди заботъ о насущныхъ потребностяхъ, среди картъ, вина и сплетень, забывали очень скоро то, что знали, тупѣя, черствѣя и понемногу теряя на жизненномъ пути весь запасъ своего человѣческаго достоинства. Наука, больные, свѣтъ—все было принесено въ жертву принципу наживы: практика давала мало—Пшепрашинскій замѣнилъ практику коммерческими оборотами и изъ доктора превратился въ ростовщика. Онъ не брезгалъ ничѣмъ, ничѣмъ не стѣснялся и, хвастаясь, показывалъ какую-то историческую трость,

которую ему заложилъ обнищавшій потомокъ когда-то знаменитаго предка. У доктора была польская родословная, польскія замашки и та дѣланная, съ дѣтства внушенная ласковость взгляда, которая у поляковъ, нерѣдко, переходитъ въ приторную нѣжность при ихъ обращеніи къ женщинѣ.

Собесѣдники выпили чаю, покурили, поговорили и замолчали. Но докторъ былъ находчивъ:

— А знаете, панъ пулковникъ (польская утонченная вѣжливость непремѣнно требуетъ, чтобы человѣка величали непринадлежащимъ ему титуломъ: ротмистра—полковникомъ, полковника — генераломъ, генерала—какъ-нибудь повыше, судью—паномъ-президентомъ и т. д.).—А знаете, панъ-пулковникъ, вѣдь «пани маршалкова» на васъ обижается...

— Лупинская?—удивился Зыковъ, неимѣвшій повода даже мысленно обидѣть «пани», по той простой причинѣ, что онъ о ней ни разу не думалъ.—А что-жъ я ей такое сдѣлалъ?

— Вы же были у нихъ вечеромъ въ пиджакѣ и пани говоритъ, что съ эдакимъ куцимъ пальто подобае только верхомъ ѣздить...

— Ваша пани—дура,—сказалъ Зыковъ,—да и вы...

— Панъ пулковникъ! вскричалъ, сложивъ руки, докторъ,—это же было давно... И что я тутъ виноватъ, когда «пани марш...

— Она это вамъ говорила?—перебилъ Зыковъ сердито.

— Боже брони! Я слышалъ отъ Гусева, Гусевъ отъ Яроцкаго, Яроцкій отъ Коршуна.

— А Коршунъ отъ ихъ кухарки? откуда же больше?,—спросилъ раздражительно Зыковъ.

— Нѣтъ, Коршунъ отъ Скорлупскаго, Скорлупскій отъ Веред...

Но тутъ Зыковъ расхохотался.—Постойте, батюшка, постойте, вѣдь, знаете, это выходитъ, какъ это тамъ, на первой-то страницѣ: Исаакъ роди Іакова, Іаковъ роди Іуду, Іуда роди Зару отъ Ѳамары и т. д. Честь имѣю кланяться, докторъ! Мнѣ пора въ казарму, тамъ по крайней мѣрѣ глупостей не услышу!

И, повернувшись къ гостю спиной, Зыковъ сталъ надѣвать свои бѣлыя перчатки.

Нимало не смущаясь, докторъ раскланялся и вышелъ. Онъ свое дѣло сдѣлалъ...

И самъ докторъ, и сообщенная имъ сплетня были, разумѣется, чистѣйшимъ вздоромъ; но чѣмъ этотъ вздоръ былъ ничтожнѣе и глупѣе, тѣмъ сильнѣе язвилъ онъ дворянское самолюбіе ротмистра. Какъ! Онъ только-что изъ Петербурга, его перчатки бѣлѣе снѣга, онъ знаетъ наизусть либретто каждой оперы, и вдругъ какая-то «пани Пшепендовска» находитъ... Ротмистръ надѣлъ пальто и быстро зашагалъ по грязнымъ, деревяннымъ тротуарамъ, сердито сгоняя тростью попадающихся ему навстрѣчу свиней. Онъ отправился вмѣсто казармъ къ прокурору Шольцу.

Шольцъ сидѣлъ надъ огромной кипой бумагъ, когда явился ротмистръ.

— Какъ это вамъ покажется? — закричалъ Зыковъ прокурору, вышедшему къ нему навстрѣчу.—Какъ вамъ это покажется? — повторилъ онъ, и, не здороваясь, смотрѣлъ на Шольца требующими отвѣта глазами.

— Да вы хоть бы поздоровались сначала,—сказалъ Шольцъ, протягивая ему руку.

— Нѣтъ, да вы послушайте!—И ротмистръ разсказалъ бывшую у него сейчасъ сцену.

— Только-то?—удивился Шольцъ.

— Какъ только-то? — еще больше удивляясь, уставился на него глазами Зыковъ. — Да вѣдь это чортъ знаетъ что! Я этого доктора чуть въ шею не вытолкалъ. Не знаю, какъ удержался.

— И хорошо, что удержались. Я увѣренъ, что онъ не хотѣлъ васъ обидѣть. Просто по скудоумію и привычкѣ къ сплетнямъ.

— Меня обидѣть!—воскликнулъ ротмистръ, протестуя и въ тоже время обижаясь. — Да развѣ меня можетъ обидѣть лекарь Пшепрашинскій или какая-то «пани Пшепендовска?» Что она такое? безъ рода, безъ племени, цыганка, гувернантка, изъ непомнящихъ родства...

— У васъ все изъ непомнящихъ родства! Полно вамъ аристократничать-то по старой гвардейской привычкѣ,—сказалъ Шольцъ.

— Весь свой вѣкъ въ боннахъ трепалась,—продолжалъ, не слушая, Зыковъ, — а туда же законы общежитія предписываетъ! Куцое пальто, какъ вамъ это нравится? Вотъ, прости Господи! болото... Сошлюсь на васъ: что вы имѣете противъ этого пиджака? И повернувшись на каблукахъ и уже смѣясь самъ, Зыковъ показалъ со всѣхъ сторонъ свой пиджакъ.

— Коротокъ немного,—сказалъ серьезно Шольцъ,— впрочемъ, на вечеръ къ «пани-маршалковой» годится.

Но Зыковъ уже забылъ про пиджакъ и, шагая изъ угла въ уголъ, продолжалъ говорить, останавливаясь на выразительныхъ мѣстахъ:

— Въ молодости, — вѣдь мнѣ, батюшка, почти сорокъ! — я былъ отлично воспитанъ, и опытный человѣкъ разглядитъ это сразу: но, извините за выраженіе, изгадился совсѣмъ въ этой трущобѣ, всякую манеру

утратилъ, потому, представьте, съ эдакими идіотами дѣло имѣть!.. Возьмите, вонъ, хоть Платона Антоновича, — перешелъ онъ съ свойственной ему легкостью на другой предметъ,—вѣдь и газеты читаетъ, въ политикѣ любого дипломата за поясъ заткнетъ, и съ молоду учился, видно — какъ же! давеча идемъ мимо предполагаемаго сквера, онъ сейчасъ это: novus rex, nova lex, на исправника, понимаете, намекаетъ, и про всякій-то случай у него иностранное словечко готово, а вѣдь думать можетъ только по-здѣшнему; «панъ-маршалокъ» у него первый человѣкъ и въ присутствіи раньше его словечка не вымолвитъ... Во всякомъ другомъ мѣстѣ,—продолжалъ, переводя духъ, Зыковъ,—я бы этого Лупинскаго себѣ на порогъ не пустилъ, а тутъ его на почетное мѣсто подъ образа сажаютъ... Я человѣкъ вѣжливый,—уже тише продолжалъ Зыковъ, задумчиво поворачиваясь между окномъ и печкой, — я его предостерегалъ, предупреждалъ, я имъ всѣмъ говорилъ: — Обирайте, говорю, пановъ и жидовъ, помоги вамъ Богъ! только солдата, Боже сохрани, не троньте, не допущу... Солдата и мужика, тамъ, гдѣ могу, не дамъ. Солдатъ!—воскликнулъ Зыковъ,—вѣдь это святой, онъ на своихъ плечахъ всю Россію вынесъ, онъ еще себя покажетъ, а имъ, этимъ хищникамъ, все ни по чемъ... Ну! не послушались, не прочувствовали, пусть на себя пеняютъ!—значительно сказалъ Зыковъ и пошелъ излить свое негодованіе къ Орловымъ.

Татьяна Николаевна расхохоталась, услышавъ о пиджакѣ.

— Вамъ вотъ смѣшно,—произнесъ обиженно ротмистръ.

— Да какъ же не смѣшно!..

— Нѣтъ, вы въ мое положеніе войдите: съ эдакими идіотами дѣло имѣть... Вы вотъ все Лупинскаго отстаивали: что честный, честный, а я вамъ докажу, что честь-то у него въ карманѣ и нигдѣ больше! Вотъ Гвоздика беретъ — ну, такъ и знаютъ всѣ, что беретъ, такая ужъ ему слава: шампанское-то его пьютъ, а всякій про себя думаетъ: «подлецъ вѣдь ты, братъ, и только!» А вѣдь этотъ... Ну, да погодите: я вамъ разоблачу этого благодѣтеля, вы его на порогъ къ себѣ не пустите! доказательства представлю осязательныя!—говорилъ взволнованно и громко ротмистръ.

— Представьте, тогда и повѣрю...

— Представлю-съ, представлю, дайте срокъ... Знаете пословицу: «шила въ мѣшкѣ не утаишь» — оно нѣтъ-нѣтъ, да и вылѣзетъ наружу.

Ротмистръ взялся за фуражку.

— Ну, что у васъ въ присутствіи?—спросилъ Орловъ. Все осматриваете?

— Осматриваемъ...

— Ну, и что же?

— Одну бумажку послалъ,—отвѣтилъ на это таинственно Зыковъ и распрощавшись, ушелъ на этотъ разъ, дѣйствительно, въ казармы.

VI.

Зимній сезонъ въ уѣздномъ городѣ открывался обыкновенно параднымъ вечеромъ у Лупинскихъ: 5-го октября, въ день преподобныхъ московскихъ святителей Петра, Алексѣя и Іоны, Петръ Ивановичъ праздновалъ свои имянины. Тезоименитство такого виднаго лица всегда праздновалось съ большою пышностью, и торжество усугублялось еще тѣмъ, независящимъ отъ Петра Ивановича, обстоятельствомъ, что

въ городѣ была ярмарка. За два дня «панъ маршалокъ», сидя за письменнымъ столомъ, дѣлалъ смѣту приблизительныхъ расходовъ, а Мина Абрамовна озабоченно примѣривала какую-то диковинную куафюру съ обиліемъ голубыхъ бантовъ, — когда въ передней раздались чьи-то шаги, поднялась возня, обычная при появленіи постороннихъ лицъ, и Петръ Ивановичъ, выглянувъ изъ-за двери, торопливо произнесъ:

— Душенька! Гвоздика съ Шнабсомъ!

— Къ тебѣ на имянины!—улыбнулась самодовольно «пани» и стала снимать голубые банты, въ то время, какъ Петръ Ивановичъ, съ самой любезной улыбкой, мысленно посылая гостей къ черту, спѣшилъ къ нимъ навстрѣчу. Въ комнату вошли два господина съ той непринужденной развязностью, съ какой входятъ въ домъ, гдѣ нечего стѣсняться. Оба гостя вошли, шутовски держась подъ руку, оба были слегка на веселѣ и, войдя, внесли вмѣстѣ съ запахомъ водки, какую-то трактирную атмосферу. Посредникъ Гвоздика, здоровый, широкоплечій малый въ охотничьемъ кафтанѣ, на подобіе короткаго халата съ зелеными отворотами и кистями, напоминалъ откормленнаго вола тупостью взгляда, массивностью всей своей неповоротливой фигуры и дикой силой своихъ здоровыхъ мышцъ. Глядя на его топорную фигуру съ огромной головой, трудно было представить, чтобы Гвоздика могъ умереть отъ обыкновенной человѣческой болѣзни. Его могъ повалить въ лѣсу медвѣдь, на котораго онъ ходилъ въ одиночку, его могъ задавить локомотивъ или могла свалить какая-нибудь шальная пуля неосторожнаго охотника, но обыкновенная человѣческая болѣзнь, казалось, была не въ состояніи сразить этого силача. Когда Гвоздика былъ въ добро-

душномъ настроеніи, онъ швырялъ деньгами направо и налѣво и даже былъ способенъ прощать обиды; но это было очень рѣдко: въ обыкновенномъ своемъ состояніи, онъ напоминалъ укротителя звѣрей, свирѣпаго и хладнокровнаго, а въ минуты бѣшенства и подъ вліяніемъ водки, былъ способенъ на самые дикіе поступки. Когда ему противорѣчили, у Гвоздики непроизвольно складывалась рука въ кулакъ, и этотъ здоровый кулакъ наводилъ ужасъ не только на подвластныхъ ему крестьянъ, онъ пугалъ мировыхъ судей, которые отказывались принимать на него жалобы. Гвоздику звали широкой русской натурой, пока не догадались назвать просто негодяемъ. Но, зная его за негодяя, всѣмъ непремѣнно хотѣлось считать его хорошимъ человѣкомъ: онъ былъ хорошій человѣкъ ужъ потому, что не просилъ ни у кого взаймы, охотно проигрывалъ въ карты, а шампанскимъ поилъ рѣшительно всѣхъ безъ разбора: противъ этого ужъ никакъ нельзя было устоять. Но больше всего онъ былъ хорошимъ человѣкомъ потому, что носилъ фуражку съ кокардой и прочно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Какъ большая часть обрусителей, какъ самъ Петръ Ивановичъ Лупинскій, онъ пріѣхалъ въ западный край безъ копѣйки, съ пустымъ чемоданомъ, но съ рекомендаціей департаментскаго покровителя и съ твердой рѣшимостью нажиться. За это онъ принялся тотчасъ же, безъ колебаній, безъ робости, безъ недовѣрчивости къ самому себѣ. Это былъ хищникъ упрямый, рѣшительный и откровенный до цинизма.

Посредникъ Шнабсъ, назначенный на мѣсто уволеннаго Грохотова, былъ наглядной противоположностью Гвоздикѣ. Онъ смирно, съ заискивающей улыбкой смотрѣлъ всѣмъ въ глаза и, глядя на его

приниженную маленькую фигуру въ очкахъ, съ рыжей, какой-то обдерганной, бородкой, никому не могло придти въ голову, что это былъ нахалъ, для котораго понятіе о чести не существовало вовсе. Онъ съ преувеличенной вѣжливостью раскланялся передъ Петромъ Ивановичемъ и съ ужимкой напускного благоговѣнія подошелъ къ рукѣ «пани-маршалковой», когда она, обойдя Гвоздику, не потрудившагося даже приподняться, пробралась въ тѣсной, заставленной мебелью гостиной и сѣла на диванъ. Посредникъ Шнабсъ казался воплощеннымъ смиреніемъ, но, заглянувъ въ его прищуренные, близорукіе глаза съ какой-то затаенной насмѣшкой въ бѣгающихъ зрачкахъ, всякій наблюдательный человѣкъ догадался бы, что вся эта шутовская приниженность, этотъ почтительный тонъ и робкія манеры были въ сущности напускнымъ фарсомъ и что на самомъ дѣлѣ онъ смѣялся и надъ Петромъ Ивановичемъ съ его замашками и надъ Миной Абрамовной съ ея претензіей на свѣтскость, на умные разговоры и на французскій языкъ. Онъ потихоньку смѣялся и надъ самимъ посредникомъ Гвоздикой, и если что въ немъ еще цѣнилъ, такъ это его физическую силу, которою Богъ обидѣлъ самого Шнабса. Колобовъ увѣрялъ, что Шнабсъ былъ гдѣ-то маркеромъ и только благодаря своей нѣмецкой фамиліи попалъ въ обрусители. Петръ Ивановичъ смотрѣлъ на него свысока, почти презрительно, а Мина Абрамовна, въ простотѣ души, принимала всѣ его выходки за выраженіе искреннихъ чувствъ и отвѣчала благосклонными улыбками.

Когда гости размѣстились и закурили, приступили къ разговору.

Въ это время всѣхъ чрезвычайно занималъ исходъ

такъ называемаго Ловишинскаго дѣла, представлявшаго собой яркій образецъ той системы, которая, строя принципъ обрусенія на крупномъ землевладѣніи, проводила его въ жизнь продажею конфискованныхъ имѣній, лѣсовъ и угодій на такихъ льготныхъ условіяхъ, что собственно терминъ продажа употреблялся тутъ скорѣе въ видахъ простого приличія, нежели для опредѣленія самаго факта.

То былъ періодъ крупныхъ подачекъ, разныхъ пожалованій, беззастѣнчивыхъ пріобрѣтеній и наглыхъ вымогательствъ; тогда была возможна самая произвольная перетасовка спокон вѣка установленныхъ правъ собственности, и авторитетъ закона подкрѣплялъ такія сдѣлки, которыя были явнымъ нарушеніемъ всякихъ правъ. Въ числѣ счастливыхъ получателей оказался, разумѣется, нашъ помпадуръ, Михаилъ Дмитріевичъ Столяровъ: получивъ отъ казны огромное имѣніе, въ составъ котораго вошли земли, неправильно отнятыя у прежнихъ владѣльцевъ-мѣщанъ, нашъ администраторъ, успѣвшій спустить къ тому времени свое и женино состояніе, захотѣлъ получить, не довольствуясь крупной подачкой, третью долю дохода ловишинскихъ мѣщанъ за прошлый годъ, т. е. за то время, когда имѣніе ему и не принадлежало. Громадное имѣніе было оцѣнено усердствовавшими экспертами въ 14 тысячъ съ разсрочкою на 28 лѣтъ, а третья часть годового дохода была опредѣлена въ 12 тысячъ! Это была математика чудовищная, баснословная; но главная ея чудовищность заключалась не въ томъ, что отношеніе доходности къ стоимости имѣній было до такой степени не пропорціонально, даже не въ оцѣнкѣ, которая дѣлала продажу убыточною для казны и государства, а

въ томъ, что подобная бухгалтерія была тогда возможна и не только поддерживалась всѣми административными средствами, но даже имѣла за себя вооруженную силу.

Когда ловишинскіе мѣщане, памятуя, что землей, которую у нихъ отнимали, владѣли на несомнѣнномъ правѣ ихъ отцы, дѣды и прадѣды, стали упираться и оказывать явное неповиновеніе требованіямъ полиціи, съ раболѣпнымъ усердіемъ отстаивавшей интересы новаго помѣщика, неповиновеніе было признано бунтомъ и для поддержанія губернаторскихъ правъ былъ командированъ одинъ изъ тѣхъ генераловъ, которые, получая присвоенное имъ содержаніе, состоятъ при министерствѣ на случай какихъ-нибудь экстренныхъ надобностей. Министерскій генералъ, православный человѣкъ русской хорошей фамиліи, только-что самъ получившій въ Болотной губерніи льготный майонтокъ, взглянулъ на сопротивленіе мѣщанъ съ особою строгостью и, не теряя времени, принялся за дѣло съ военной быстротой. Осаду повели по всѣмъ правиламъ: впередъ былъ посланъ расторопный исправникъ Хаповъ и чиновникъ особыхъ порученій Жучкинъ. Прибывъ въ Ловишинъ, они объявили бунтовщикамъ, что вслѣдъ за ними ѣдетъ такой генералъ, «который можетъ сѣчь, разстрѣливать и даже зарывать живыми въ землю». Генералъ пріѣхалъ и началась расправа: противъ ловишинскихъ мѣщанъ выставили войско, батальонъ пѣхоты и отрядъ казаковъ—обложили мѣстечко правильной блокадой, привезли нѣсколько возовъ розогъ и открыли военныя дѣйствія.

Пока петербургскій генералъ посредствомъ розогъ и нагаекъ собиралъ въ пользу губернатора деньги съ

бунтовщиковъ, самъ губернаторъ тонко разыгрывалъ свою роль, прикидываясь ничего незнающимъ и въ пылу славянскаго патріотизма озабоченно раздавалъ роли чиновникамъ своей канцеляріи въ томъ спектаклѣ, который Зинаида Львовна устраивала въ пользу герцеговинцевъ. Разумѣется, побѣда и всѣ ея плоды достались, кому слѣдовало: губернаторъ получилъ деньги, петербургскому генералу дали обѣдъ, расторопнаго исправника Хапова отмѣтили орденомъ, а чиновнику Жучкину, находившему свою фамилію не совсѣмъ удобной, позволено впредь именоваться Миловановымъ «не въ примѣръ другимъ». Въ заключеніе исхода разыгравшейся драмы пріѣзжій генералъ донесъ своему начальству, «что побѣда хотя и стоила большихъ усилій, но обошлась безъ особаго кровопролитія». Всѣ эти и многія другія подробности передавались подъ большимъ секретомъ и если вызывали глухіе протесты меньшинства, то они незамѣтно тонули среди огульнаго одобренія торжествующей партіи. Между тѣмъ въ самое послѣднее время разнесся слухъ, что Ловишинское дѣло принимаетъ неожиданный оборотъ, что права мѣщанъ на землю признаны Сенатомъ и защитникомъ ихъ называли знаменитаго адвоката Пасовича. Петръ Ивановичъ Лупинскій, недовольный чѣмъ-то на губернатора, рѣшительно сталъ на сторону мѣщанъ, находя, что Хаповъ превысилъ власть и что награжденіе его орденомъ составляетъ еще большую несправедливость, нежели отнятіе у мѣщанъ принадлежащихъ имъ земель. Петръ Ивановичъ, имѣвшій только Станислава и Анну, очень ревниво охранялъ достоинство государственныхъ регалій. Зная, что Гвоздика только, что вернулся изъ Болотинска, онъ

поспѣшилъ освѣдомиться, что слышно о Ловишинскомъ дѣлѣ.

— Ничего особеннаго... Болтаютъ разные пустяки,— отвѣтилъ небрежно Гвоздика.

— Мнѣ сестра Marie пишетъ, что защитника мѣщанъ административно выслали,—сказала Мина Абрамовна, любившая иногда поговорить о внутренней политикѣ.

— Т. е. не защитника, а ходатая,—поправилъ жену Петръ Ивановичъ.

— Ну, все равно!

— Чистѣйшій вздоръ,—сказалъ рѣшительно Гвоздика безъ всякаго уваженія къ сообщившей это извѣстіе сестрѣ Marie. Выслать не выслали, а пригрозили, чтобы не совался.

— Однако дѣло-то вѣдь не совсѣмъ чисто,—вдругъ съ жаромъ заговорилъ Петръ Ивановичъ, задѣтый тономъ Гвоздики; даже, можно сказать, совсѣмъ не чистое... Хапову вонъ за мѣры кротости при усмиреніи Владиміра повѣсили на грудь, а Дальбергъ пишетъ—онъ тамъ теперь посредникомъ—что для кротости нагайки и штыки были!—Горячо произнесъ Петръ Ивановичъ, оскорбленный за Владиміра, который очутился на такомъ недостойномъ мѣстѣ.

— Ерунда!—замѣтилъ рѣшившійся все опровергать Гвоздика, стряхивая пепелъ съ папиросы прямо на коверъ, къ великой досадѣ Петра Ивановича, который тотчасъ же подвинулъ къ нему пепельницу,—штыки—положительный вздоръ. Это онъ в а м ъ писалъ?

— Да, то есть нѣтъ... я слышалъ стороной.

— Впрочемъ, надо полагать, что Михаилъ Дмитріевичъ ничего этого не зналъ, — поспѣшилъ прибавить Лупинскій, смягчая свой неосторожно-вырвавшійся за-

доръ. Это, я полагаю, просто было чрезмѣрное усердіе разошедшагося чиновника въ чаяніи награды.

— А хотя бы и зналъ! что же изъ этого? Такъ ихъ и надо! Случись это у меня—я бы имъ показалъ, какъ противъ постановленія присутствія бунтовать: у меня вотъ чего не угодно ли-съ? И Гвоздика потрясъ кулакомъ надъ самой головой Шнабса.

— Такъ ихъ и надо!—подтвердилъ съ одушевленіемъ маленькій посредникъ и, отодвигаясь, подумалъ:— Чертъ его знаетъ, какъ бы не треснулъ! — Завидный у васъ кулакъ, Михаилъ Ивановичъ, сказалъ онъ громко, словно любуясь Гвоздикой. — Эдакій кулакъ хоть кому! Ужъ именно, если Господь захочетъ кого вознести, такъ вознесетъ!—произнесъ онъ серьезно, внутренно смѣясь своими сѣрыми глазами.

Слово «кулакъ» тотчасъ напомнило «пану маршалку», что на Гвоздику есть жалоба: — А у васъ, Михаилъ Ивановичъ, въ Волчьей волости опять что-то... Ко мнѣ являлись оттуда съ жалобой... Вы бы, батюшка, поосторожнѣе,—заговорилъ онъ тономъ начальническаго увѣщанія:—вѣдь чего добраго, опять пропишутъ...

Пусть себѣ пишутъ. Я не читаю, да и вамъ не совѣтую,—сказалъ холодно Гвоздика, опять обходя пепельницу.

— Да вѣдь нельзя же! съ неудовольствіемъ въ голосѣ проговорилъ Петръ Ивановичъ.

— Это ужъ, Петръ Ивановичъ, мое дѣло-съ, и въ своемъ участкѣ хозяинъ я,—отчетливо произнесъ Гвоздика, барабаня по ручкѣ кресла своими короткими пальцами съ обкусанными ногтями.

— Да я не про то,—заговорилъ «панъ маршалокъ»,

я васъ не стѣсняю.—Гвоздика при этомъ насмѣшливо улыбнулся.

— Ты бы, душенька, велѣла принести намъ водочки,—обратился Лупинскій къ поднявшейся съ мѣста женѣ.

— Закусить и выпить всегда можно! Такъ ли я говорю, Шнабсъ?—хлопнулъ его по плечу Гвоздика.

— Когда же, Михаилъ Иванычъ, вы говорите не такъ?—произнесъ—Шнабсъ.

— А на счетъ того,—продолжалъ Гвоздика, когда «пани маршалкова» со всѣми признаками сильной досады вышла,—на счетъ жалобъ, вы, Петръ Ивановичъ, не безпокойтесь, потому всѣхъ не переслушаешь, и у меня, напримѣръ, такая система: пришелъ жаловаться—въ шею; другой разъ пришелъ—опять въ шею и эдакъ систематически повести—повѣрьте, самаго упрямаго отучить можно.

— А по моему, если позволите мнѣ смѣть свое сужденіе имѣть, такъ и того проще: принялъ жалобу да и подъ сукно, принялъ, да подъ сукно: они въ надеждѣ, а вы спокойны—и въ шею давать не понадобится!—сказалъ, скромно опуская глаза, Шнабсъ.

— Молодецъ Шнабсъ! Слышите, Петръ Ивановичъ, какъ у нихъ въ Вяткѣ?

Послѣ закуски, выпившій Гвоздика сталъ развязенъ, рѣшительно какъ у себя въ участкѣ.

— Вы для чего пріѣхали въ Западный край?—неожиданно спросилъ онъ у «пана маршалка», заложивъ руки въ свои зеленые карманы и смотря ему прямо въ глаза.

— Какъ для чего?—переспросилъ озадаченный вопросомъ Лупинскій—служить.

Гвоздика безцеремонно захохоталъ.—Служить! а я пріѣхалъ наживаться!

Петра Ивановича коробила эта сцена, но онъ всячески себя сдерживалъ, и только нервная улыбка выдавала его внутреннее раздраженіе.

— Право, Михаилъ Ивановичъ,—началъ дружески и совершенно задушевно Петръ Ивановичъ, подвигаясь къ Гвоздикѣ,—право, я бы вамъ посовѣтывалъ быть осторожнѣе... Вонъ Гусевъ говорилъ, что въ Тавлѣевской волости вы отдали жиду стойковую пару за полторы тысячи въ годъ, а въ Барановской по 7 р. съ двора на постройку правленія собираете... Полторы тысячи, вѣдь это-съ...

— А хоть бы три!—вдругъ стукнулъ кулакомъ по столу Гвоздика, выведя на минуту звономъ рюмокъ изъ пьянаго забытья Шнабса, который открылъ было глаза, блаженно улыбнулся, но тотчасъ же опять ихъ закрылъ.

— Хоть бы три!—повторилъ Гвоздика.

— Это ваше дѣло,—холодно сказалъ Лупинскій—Но всему есть предѣлъ, Михаилъ Ивановичъ, вѣдь говорятъ, что вы народъ душите! проговорилъ, онъ, съ ненавистью глядя на жирное лицо Гвоздики и рѣшившись довести разговоръ до конца.

— Эхъ, Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ!—засмѣялся вдругъ добродушнѣйшимъ смѣхомъ Гвоздика,—вѣдь я уже вамъ докладывалъ, что коли слушать все, что говорятъ, такъ выйдетъ, что вы продаете клепку изъ такихъ мѣстъ, гдѣ отъ роду дубы не росли, а ужъ что про наружный осмотръ евреевъ мелютъ, такъ, съ позволенія сказать, уши вянутъ слушать... Петръ Ивановичъ нервно свертывалъ и развертывалъ свою салфетку, а Гвоздика, на котораго вдругъ снизошло

краснорѣчіе, продолжалъ тѣмъ же слегка подсмѣивающимся, веселымъ тономъ:—говорятъ, вонъ, что вы съ Петра Михѣева двѣ тысячи взяли, чтобы его на второе трехлѣтіе старшиной оставить, да за постройку Кругаловскаго волостного правленія четыре тысячи, да съ пана Яньковича за лѣсъ... такъ всему этому и вѣрить? А Комаровъ вчера въ клубѣ разсказывалъ—языкъ сами знаете какой—разсказывалъ, что Лупинскій, молъ, на верстовыхъ столбахъ не только самъ поживился, но и своему благопріятелю Вередовичу предоставилъ...

— Экій негодяй!—проговорилъ Петръ Ивановичъ.

— А этотъ, говоритъ, Вередовичъ,—продолжалъ съ видимымъ удовольствіемъ Гвоздика,—какъ евангельскій Лазарь, питается себѣ крупицами со стола господъ и ничего, славу Богу, сытъ! Онъ это про крупицы, а Вередовичъ и выходитъ изъ буфета, насилу въ дверь пролѣзъ... Всѣ на него какъ взглянули, да такъ и покатились.

— А вы ему такъ и смолчали?—проговорилъ Петръ Ивановичъ, бросая салфетку и чувствуя самъ, что краснѣетъ.

— А что же мнѣ прикажете дѣлать? не драться же лѣзть, когда я его могу кулакомъ пришибить?—великодушно произнесъ Гвоздика. Посмѣялись, посмѣялись, выпили, да и сѣли играть, а за картами, да за водкой, все, знаете, проходитъ!—высказалъ великую истину Гвоздика.

— Однако, ваша философія... началъ Лупинскій.

— Что же моя философія—не хуже всякой другой! перебилъ его Гвоздика, наливая себѣ рюмку водки. Моя философія вотъ гдѣ!—Онъ хлопнулъ себя по карману.—Было бы тутъ, а остальное... Ну, вставай, братъ.

засидѣлись, до клуба еще выспаться надо!—растолкалъ онъ Шнабса и сталъ прощаться.

Гости вышли въ переднюю.

— Оставайтесь, господа, обѣдать!—засуетился, принужденно улыбаясь, «панъ маршалокъ». Сейчасъ подадутъ... Душенька! крикнулъ онъ въ дверь. Что же на столъ?

— Нѣтъ, ужъ увольте... Ей Богу, спать хочется, проговорилъ Гвоздика, зѣвая. И вынувъ часы изъ кармана, онъ произнесъ:—никакъ не завелъ? и, не обращая никакого вниманія на упрашивающаго остаться обѣдать Лупинскаго, сталъ заводить часы.

— Экая скотина!—проговорилъ мысленно Петръ Ивановичъ, облегчая себя крѣпкимъ словомъ. Такъ смотрите же, господа, пятницу не забудьте, преподобныхъ московскихъ святителей,—произнесъ онъ шутливо, прощаясь и едва сдерживая свое негодованіе.

— Это ужъ будьте покойны: затѣмъ и пріѣхали!—произнесъ Шнабсъ такъ трезво и твердо, какъ будто онъ съ неустаннымъ вниманіемъ слѣдилъ за разговоромъ.

— Ну, надѣвай шапку-то! скомандовалъ Гвоздика и, насвистывая, отворилъ дверь.

Они вышли.

— А онъ все никакъ на счетъ осторожности прохаживался, сказалъ, посмѣиваясь, Шнабсъ, кивнувъ въ сторону «маршалковской» квартиры. Я вѣдь все слышалъ, даромъ, что спалъ... Ну, и вы его тоже хорошо!

— А я вѣдь думалъ, ты въ самомъ дѣлѣ... взглянулъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ Гвоздика.

— Нѣтъ, я потому больше, что ужъ скучно очень канитель-то эту слушать. Онъ, было, и мнѣ такъ сна-

чала: и гласностью, и жалобами, и репутаціей пугалъ, а я ему: оставьте, говорю, Петръ Ивановичъ, меня все равно не сегодня—завтра выгонятъ; вѣдь седьмое мѣсто въ три года—такъ ужъ я лучше на дорогу запасусь, а этому мужичью не все ли равно, кому платить? сегодня мнѣ, завтра вамъ, а тамъ кому-нибудь еще... Съ тѣхъ поръ пересталъ—не трогаетъ.

«Пани маршалкова» насилу дождалась выхода гостей.

— Я не понимаю, какъ ты позволяешь говорить Гвоздикѣ такія вещи!—воскликнула она, сердито поправляя салфетку. И потомъ этотъ костюмъ — халатъ какой-то.

— Ты пойми, душенька, что онъ былъ немножко того, щелкнулъ себя Петръ Ивановичъ по галстуху,— и я не хотѣлъ поднимать исторіи при Шнабсѣ... Скоты! проговорилъ онъ сквозь зубы. И откуда всѣ эти свѣдѣнія, весь этотъ вздоръ! Особенно съ этой проклятой клепкой: она у меня вотъ гдѣ,—показалъ онъ на затылокъ.—Намедни твой братецъ любезный подхватилъ какой-то нелѣпый слухъ въ газетахъ. Ты ему напиши, что это все ерунда,—замѣтилъ онъ строго,— ерунда и ничего больше!—вскрикнулъ онъ, начиная горячиться.

— Конечно, конечно! поспѣшила сказать Мина Абрамовна, у которой мгновенно пропалъ весь гнѣвъ при видѣ страданія, выразившагося на лицѣ мужа. Не волнуйся, Pierre, тебѣ это вредно,—прибавила она съ болѣзненной лаской въ голосѣ. Но горевать было некогда, и «пани маршалкова» занялась предстоящими именинами.

VII.

Именины были торжествомъ, къ которому готовились заблаговременно: изъ ближайшей волости, тамъ

гдѣ старшиной былъ старый пріятель Петра Ивановича, обязаны были доставить къ столу рябчиковъ, тетеревей, куропатокъ, а буде есть возможность, и дикую козу. Въ сумерки, наканунѣ ярмонки, когда вся площадь уставилась возами съ разной живностью, а евреи, поднявъ свои глянцевитые лапсердаки, шмыгали между рядами телѣгъ, хищно въ нихъ заглядывая, на дворъ къ «пану маршалку» таинственно въѣхала нагруженная телѣга. Тотчасъ изъ кухни выскочилъ поваръ Михалъ, за нимъ, состоящій въ должности мажордома, сторожъ опеки, Лука, и оба стали вытаскивать изъ телѣги кульки, мѣшки, кадушки и кадочки, которые съ необыкновенной ловкостью подхватывала судомойка Пелагея, исчезая съ ними, какъ въ разинутой пасти, въ дверяхъ темной и грязной кухни. Когда притащили послѣднюю кадочку съ масломъ—причемъ Михалъ, отвѣдавъ кусочекъ, нашелъ его дюже соленымъ—въ кухню вошла сама «пани маршалкова».

— Сколько дичи?—спросила она озабоченно, такъ какъ дичь должна была играть главную роль за именинным столомъ.

— Двадцать паръ рябчиковъ и пятнадцать штукъ тетерекъ!—отвѣчалъ въ носъ поваръ Михалъ, вынимая птицъ одну за другой и съ любовью завзятаго охотника, взвѣшивая ихъ на рукѣ.—Экъ настрѣляли!— не утерпѣлъ онъ, чтобы не сказать,—должно быть, въ казенномъ лѣсу...

— А тутъ что?—прервала его разсужденія «пани», показавъ куда-то пальцемъ.

— Тутъ крупа, мука, масло... — И онъ съ трудомъ приподнялъ за край тяжелую кадушку.—Солено дюже: на слойку не такъ-то...

— Перемыть можно,—строго замѣтила «пани». Не

покупать же,—прибавила она съ неудовольствіемъ на замѣчаніе о слойкѣ и, нагнувъ лицо къ самой кадушкѣ съ масломъ, не только его понюхала, но, съ любознательностью домовитой хозяйки, даже лизнула.

Пересмотрѣвъ всю провизію до соленыхъ рыжиковъ включительно, она стала соображать, сколько чего выйдетъ завтра и, смекнувъ приблизительно сколько, ужаснулась именинному расходу. Хотя все это было и некупленное, но, разъ попавъ въ руки, немедленно пріобрѣтало въ глазахъ Лупинской опредѣленную цѣну собственности.

Между тѣмъ, именины приближались и, наконецъ, наступили. Къ сожалѣнію, первый блинъ былъ комомъ: распечатанная почта заключала въ себѣ какое-то непріятное замѣчаніе по опекѣ.

Кинувъ бумагу подъ столъ, Петръ Ивановичъ помянулъ лихомъ Шольца и посулилъ всякихъ бѣдъ прокурорскому надзору. Въ эту минуту скрипнула осторожно отворяемая дверь.

— Что нужно?—обернулся сердито «панъ маршалокъ».

— Старшина изъ Кругаловской волости поздравить съ днемъ ангела желаетъ!—доложилъ радостно Михалъ.

— Позови сюда!—сказалъ Петръ Ивановичъ и всталъ, потягиваясь.

Дверь медленно отворилась, огромная фигура старшины, съ цѣпью на шеѣ, пролѣзла въ нее бокомъ и остановилась у притолки.

— Здорово, Михѣй Петровъ!—весело сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Честь имѣю поздравить, ваше высокородіе,—также весело отвѣчалъ Михѣй Петровъ,—желаю всякаго

благополучія супругѣ и дѣткамъ, много лѣтъ здравствовать, чего отъ Бога себѣ желаете!—говорилъ безъ всякаго смысла старшина, сопровождая каждое слово поклономъ.

— Спасибо, братецъ, спасибо!—остановилъ его спичъ Петръ Ивановичъ и знакомъ подозвалъ къ себѣ.

Тою же боковой походкой, осторожно, будто шелъ по стеклу, старшина приблизился къ столу. Петръ Ивановичъ сѣлъ и откашлялся...

Выпроводивъ старшину, Петръ Ивановичъ долго шагалъ по комнатѣ, произнося какіе-то невнятные звуки, что-то въ родѣ: «обчелся», или «двѣ тысячи».. И на его именинномъ лицѣ сквозило великое неудовольствіе. Онъ былъ такъ погруженъ въ свои соображенія, что даже не замѣтилъ, какъ вошла жена.

— Душенька!—сказалъ онъ, когда она сѣла у стола съ головой въ папильоткахъ и съ слѣдами рисовой пудры на лбу,—душенька, я полагаю, надо бы пригласить Шольца...

— Прокурора!—удивилась она,—да, вѣдь, у насъ не бываетъ...

— По моимъ соображеніямъ, его надо пригласить. Иванъ Тихоновичъ мнѣ сообщилъ по секрету, что онъ и самъ бы радъ и даже, говоритъ, готовъ сдѣлать первый шагъ, но только тутъ примѣшалось постороннее вліяніе...

Пани молчала; она поставила себѣ за правило молчать, если не понимала «высшихъ» соображеній мужа.

—Я напишу записку, пошлю Михала,—сказалъ Петръ Ивановичъ, доставая бумагу.

— Помилуй! какъ же его оторвать отъ плиты?

— Такъ Луку пошли...

— Лука рябчиковъ чиститъ...

— Ну, пусть Пелагея сбѣгаетъ, что ли?..

— Ахъ!—жалобно воскликнула пани,—она мнѣ юбку плоитъ.

— Фу, ты, Господи! Не самому же мнѣ бѣжать... Съ вашими юбками, да плойками никакого дѣла не сдѣлаешь!—И онъ сердито всталъ, съ шумомъ отодвинувъ кресло.

— Пиши записку, я пошлю!—кротко сказала Мина Абрамовна, рѣшаясь пожертвовать и рябчиками, и юбкой, чтобы не растревожить чуткихъ нервовъ Петра Ивановича. Уступчивость жены тотчасъ привела его въ нормальное состояніе. Онъ опять сѣлъ, обмакнулъ перо и, сдѣлавъ крупный восклицательный знакъ у словъ «милостивый государь», долго ломалъ голову, какъ лучше пригласить на именины человѣка, котораго только-что послалъ къ черту, купно со всѣмъ прокурорскимъ надзоромъ.

Наконецъ, письмо было написано, запечано, и сторожъ Лука, оторванный отъ рябчиковъ, какъ дикарь, весь въ перьяхъ и пуху, отправился къ прокурору.

VIII.

Въ 8 часовъ вечера именины открылись оффиціально: дѣти были умыты, одѣты, завиты, бонна — m-lle Эрнестина Арну изъ Парижа,—съ разрѣшенія «пани маршалковой», приколола себѣ розовый бантъ, сторожъ Лука натянулъ свой парадный сюртюкъ коричневаго цвѣта, съ огромнымъ воротникомъ и короткими рукавами; въ гостиной зажгли столько огня, что гости, выходя изъ полутемной передней, жмурились, пока не привыкали къ этой именинной иллюминаціи; «пани маршалкова» поминутно смотрѣлась въ зеркало, улыбаясь и чувствуя себя хозяйкой всего этого торжества. Этотъ день всегда поднималъ Лупинскихъ въ общественномъ мнѣніи: они угощали съ такимъ радушіемъ, что не было никакой возможности устоять противъ ихъ предупредительнаго вниманія. Въ гостиной было свѣтло, пахло духами и помадой, хозяева сіяли улыбками, а дѣти смотрѣли настоящими херувимами, и хотя эти херувимы только что подрались за дверью, растрепавъ свои напомаженныя и завитыя головы, но здѣсь, въ ожиданіи гостей, они были такъ благовоспитанны и милы, что могли служить моделью всякой благовоспитанности вообще.

Въ гостиной было парадно, какъ на выставкѣ: зато дѣвичья и кухня представляли такую закулисную картину, одинъ взглядъ на которую могъ отбить всякую охоту праздновать имянины: въ дѣвичьей были сложены въ одну кучу дѣтскія постели, сдвинута въ уголъ лишняя мебель, висѣли юбки самой «пани» и халатъ самаго «пана»; сюда стащили все, что въ обыкновенное время размѣщалось по своимъ мѣстамъ, а теперь только мѣшало; тутъ же, на столѣ, за дверью была приготовлена закуска, стояли бутылки и таинственно покрытый салфеткой подносъ съ десеромъ. Тутъ нельзя было повернуться, чтобы чего-нибудь не задѣть и не уронить. Въ кухнѣ было еще хуже: тамъ, пылающая съ утра, плита, до такой степени накалила атмосферу, что только привычный человѣкъ могъ въ ней не задохнуться, а поваръ Михалъ былъ, славу Богу, человѣкъ привычный; въ кухнѣ было тѣсно, грязно, жарко и требовалось, чтобы все было хорошо. Къ довершенію общей суматохи, приглашенный, въ качествѣ главнаго распорядителя, клубный оффиціантъ Кузьма, такъ угостилъ себя въ честь московскихъ святителей водкой, что, потерявъ равновѣсіе, полетѣлъ

съ лѣстницы вмѣстѣ съ самоваромъ, плеснулъ въ пудингъ уксусу, разбилъ мимоходомъ три тарелки, и былъ, наконецъ, вытолканъ Михаломъ въ шею для протрезвленія на холодъ. Въ кухнѣ, въ зеленоватомъ чаду пригорѣвшаго масла, раздавалась брань на всѣхъ нарѣчіяхъ Полѣсья, и каждое блюдо приправлялось такими пожеланіями имянину и его гостямъ, что удивительно, какъ этотъ имянинникъ и его гости не допавились на первомъ же кускѣ. Въ гостиной становилось, между тѣмъ, все параднѣе и торжественнѣе отъ прибывающихъ поминутно гостей: къ 10-ти часамъ гостинная была такъ полна, что мужчины наступали другъ другу на ноги, а дамы не знали, куда дѣваться съ своими шлейфами, и надъ головами гостей стоялъ такой же чадъ отъ папиросъ, какой въ кухнѣ стоялъ отъ имяниннаго ужина. Петръ Ивановичъ былъ въ видимомъ волненіи; онъ тревожно оборачивался каждый разъ, какъ отворялась дверь изъ передней, и, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ, на встрѣчу гостю, внутренно досадовалъ, не видя лицъ, которыя должны были служить украшеніемъ званнаго вечера. Въ 10 часовъ не было ни Орловыхъ, ни Шольца, и провравшійся въ своемъ непрошенномъ усердіи Иванъ Тихоновичъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, посматривая то на дверь, то на часы. Кто-то спросилъ объ Орловыхъ.

— Она нездорова,—сказала Мина Абрамовна, съ видомъ напускнаго сожалѣнія.

— Развѣ что-нибудь внезапное,—возразила судейша,—потому, что я ее сегодня видѣла на почтѣ...

— Да?..—протянула хозяйка и переглянулась съ мужемъ.

Петръ Ивановичъ внутренно бѣсился. Выйдя въ

другую комнату, онъ прогналъ дѣтей спать и мысленно обозвалъ «козой» француженку, сдѣлавшую ему какой-то неловкій вопросъ. Когда часовая стрѣлка остановилась на 11 безъ четверти, супруги переглянулись еще разъ, понимая, что ждать больше некого.

— Господа!—провозгласилъ, съ улыбкой имянинникъ,—не приняться ли намъ за дѣло?—И онъ показалъ на карточные столы.

Гостей размѣстили.

Все напряженное оживленіе сошло съ напудреннаго лица «пани маршалковой», губы сжались, вмѣсто улыбки выходила жалкая гримаса, и вся она, словно полиняла, какъ линяетъ отъ дождя и солнца дешевая матерія. Стоило ли затѣвать майонезъ изъ рябчиковъ для исправника, который бы удовольствовался жаренымъ гусемъ, для безмолвныхъ супруговъ Бушъ — всегда пребывающихъ на діэтѣ, и для Шнабса съ Гвоздикой? А членовъ изъ опеки можно было и просто покормить пирогомъ. Настроеніе хозяевъ сообщилось гостямъ: еще за карточнымъ столомъ у мужчинъ все шло, какъ слѣдуетъ — они были за дѣломъ, но между дамами разговоръ рѣшительно не вязался. Наконецъ, ихъ усадили за карты; на рукахъ хозяйки осталась только содержательница пансіона Квасовская, забывшая географію настолько, что лишь, по милости герцеговинскаго возстанія, узнала, гдѣ Балканскій полуостровъ, докторша Пшепрашинская и попадья; эти дамы объявили, что онѣ «въ деньги не играютъ» и образовали отдѣльный кружекъ, у стола, на диванѣ. Вечеръ тянулся медленно и скучно, и только оживился, когда, въ сосѣдней комнатѣ, къ звону тарелокъ присоединился пріятный и увлекательный звонъ рюмокъ.

Шнабсъ уже давно безпокойно двигался на стулѣ: въ

карты онъ играть не любилъ, потому что не любилъ проигрывать, а всякіе разговоры на званномъ вечерѣ считалъ пустяками. Онъ уже нѣсколько разъ порывался въ сосѣднюю комнату; но каждый разъ, какъ онъ брался за ручку двери, кто-то придерживалъ ее извнутри, и онъ опять уныло садился. Наконецъ, проскользнувъ, онъ уже былъ не въ силахъ противиться искушенію и, подсѣвъ къ графину съ водкой, съ намѣреніемъ освѣжиться, опорожнилъ его до дна. Когда Мина Абрамовна, по знаку мужа, пригласила посѣтителей закусить, и засидѣвшіеся гости проворно поднялись, съ удовольствіемъ расправляя свои онѣмѣвшіе члены; когда Кузьма, войдя окончательно въ роль метръ-д'отеля, распахнувъ обѣ половинки дверей съ такой яростью, что притиснутый къ стѣнѣ стулъ затрещалъ, а нервный Петръ Ивановичъ вздрогнулъ и поморщился, — тогда взорамъ публики представилась слѣдующая картина: облокотившись на столъ передъ графиномъ съ водкой, сидѣлъ, поникнувъ головой, съ блуждающей улыбкой на лицѣ, посредникъ Шнабсъ. При видѣ пустаго графина «пани», слегка вскрикнула и обратилась къ мужу; поймавъ черезъ головы гостей ея отчаянный взглядъ, Петръ Ивановичъ взглянулъ на столъ, и все ему стало понятно; протолкавшись впередъ, онъ схватилъ графинъ, кого-то толкнулъ, извинился, внутренно выругался и исчезъ въ отворенную дверь. Когда онъ появился вновь, пропустивъ впередъ Кузьму съ высокоподнятымъ въ рукахъ блюдомъ, съ котораго свѣсился хвостъ какой-то большой рыбы — гости вздохнули свободнѣе. — «Погоди ты у меня, негодяй! — мысленно говорилъ «панъ маршалокъ», косясь на Шнабса, который безмятежно смотрѣлъ въ пространство, словно

недоумѣвая, гдѣ находится. — «Погоди я тебя угощу, каналью. Пьянъ, шельма, какъ сапожникъ!.. вѣдь говорилъ этому болвану Лукѣ, чтобы не пускалъ»... — Иванъ Андреичъ! — произнесъ онъ громко, обращаясь къ Шнабсу, и желая вывести его изъ неприличнаго состоянія полудремоты, — не угодно ли-съ? — показалъ онъ рукой на установленный столъ.

— Не хотите ли сыру? — прибавила «пани», поправляя свои распустившіеся локоны.

Онъ поднялъ на нее свои пьяные, слегка подсмѣивающіеся глаза и съ лукавой усмѣшкой произнесъ: — сыру? merçi, тетенька, я ужъ закусилъ! Пожалуйте ручку. — И онъ къ ней потянулся.

Эффектъ этого глупаго фарса превзошелъ ожиданія даже самого Шнабса: Мина Абрамовна вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, гости, улыбаясь, смотрѣли въ тарелки, Петръ Ивановичъ привскочилъ, словно его укололи, а Гвоздика, потрепавъ Шнабса по плечу, весело проговорилъ: — Э, братъ, да ты никакъ больше выпилъ, нежели закусилъ?

Въ 3-мъ часу утра гости стали расходиться. Хозяинъ каждаго провожалъ до дверей и каждому съ чувствомъ жалъ руку.

— Ну, отличился! — говорилъ Шнабсу Гвоздика, возвращаясь съ нимъ домой.

— Что же, я ничего... меня звали на именины — ну, и угощай... А то, назовутъ гостей, да нарѣжутъ квадратиками сыру и икры... гдѣ это теперь видано? Водки всего одинъ графинъ...

— Ну, это ты врешь! — строго остановилъ его Гвоздика, любившій иногда сказать правду, — всего было вдоволь.

— Положимъ, это я совралъ, — безпрекословно согла-

сился Шнабсъ.—А вѣдь старшина-то его, Михаилъ Ивановичъ, поддѣлъ!—вдругъ заговорилъ онъ весело.—Поддѣлъ, Михаилъ Ивановичъ...

— Ты почему знаешь?—живо обернулся къ нему Гвоздика.

— Да ужъ знаю, на базарѣ писаря видѣлъ, такъ сказывалъ. Преподобный-то отче Петре полагалъ, что Михѣй ему росписку возвратитъ, а тотъ: «забылъ, говоритъ, ваше благородіе, не взыщите!» а участокъ-то къ Кирхману перешелъ. Поди теперь, дожидайся.

— А ты ловко ее назвалъ «тетенькой-то»,—сказалъ Гвоздика, довольный новостью.

Шнабсъ засмѣялся.—Я вѣдь нарочно, чтобы мѣщанскую спѣсь-то эту сбить. Вы только, Михаилъ Ивановичъ, вникните: «пани маршалкова», шлейфы, шиньоны, parlé français и вдругъ: «тетенька, пожалуйте ручку». Вѣдь, понимаете, онъ меня придушить бы готовъ за этакое нахальство, а тутъ excusez du peu! самъ водку подноситъ, а все потому, что шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вотъ судейша, Анна Гавриловна, думаетъ, что я это спроста, можетъ даже съ-пьяна, а я съ умысломъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, какъ это тамъ говорится у нихъ на судѣ.

— Да для чего-жъ ты это?

— Самъ не знаю для чего; ну, просто, увлекся, не выдержалъ... А ужъ этой штуки онъ мнѣ не проститъ... Вамъ, вотъ, онъ про меня выразился, «что добрый, молъ, малый, только «немножко того», а я достовѣрно знаю, что онъ ужъ отписалъ, куда слѣдуетъ: что первый, молъ, взяточникъ и въ Бога не вѣруетъ»; и какъ я могу въ Бога не вѣровать, если взятки беру?—произнесъ искренно Шнабсъ, безъ вѣдома варьируя гоголевскаго героя.—По нашимъ мѣстамъ взятки—

да вѣдь это патентъ на всякую благонадежность и религіозную и политическую: взятки берешь—стало, ничего эдакого не затѣваешь. А я дважды благонадеженъ: во-первыхъ, пью и, замѣтьте, только водку, стало—финансы поддерживаю, во-вторыхъ, взятки получаю; замѣтьте опять—получаю, а не беру, т. е. не требую, а это огромная разница,—болталъ не въ мѣру выпившій Шнабсъ, словно вознаграждая себя за скуку цѣлаго вечера.

— Ври, ври, больше!—сказалъ снисходительно Гвоздика.

— Нѣтъ, это истинно такъ...

— Смотри, Иванъ Андреевичъ, что-то ты бойко пошелъ... Не хвати черезъ край,—сдѣлалъ ему предостереженіе Гвоздика.

— Кому вы это, Михаилъ Ивановичъ, говорите? Пока ихъ превосходительство Михаилъ Дмитріевичъ нашей губерніей правятъ, мы какъ у Христа за пазухой. Этою самою пословицею недавно самъ «панъ маршалокъ» высказался, и хотя послѣ отрекся, аки Петръ, но вѣдь слово-то не воробей...

И среди пустынной площади, подъ яснымъ небомъ, съ тихо мерцающими звѣздами, Шнабсъ запѣлъ речитативомъ любимую пѣсню Гвоздики: «Много женщинъ—много блошекъ, безпокойства очень много»..

Въ это время, въ дому у «пана маршалка», все понемногу затихло; но хозяева еще не спали: Мина Абрамовна стояла посреди гостиной, передъ раскрытыми ломберными столами, съ разбросанными на нихъ мѣлками и картами, среди табачнаго дыма, застилавшаго, будто кисеей, небольшую комнату, и все ея лицо, какое-то потемнѣвшее съ распустившимися фальшивыми локонами, съ сжатыми, блѣдными губами

и выдавшимся, какъ у старухи, подбородкомъ, изображало глубокую досаду. Вообще она была недурна; но теперь, глядя на ея осунувшееся, утомленное долгимъ напряженіемъ, лицо, казалось, что по нему провели грязнымъ полотенцемъ. Подойдя къ подносу съ десертомъ, она вдругъ вспомнила безобразный фарсъ пьянаго Шнабса,

— Это ужасно!—сказала «пани маршалкова» вслухъ. —Ужасно,—повторила она, и ея блѣдныя щеки покрылись румянцемъ вторично переживаемаго оскорбленія.

Но, будучи разсчетливой хозяйкой, «пани» не позволила себѣ увлечься и занялась хозяйствомъ: въ столовой она пересмотрѣла всѣ бутылки, поднимая каждую изъ нихъ противъ свѣта и, не смотря на волненіе, еще настолько сохранила хозяйственной экономіи, что все заперла въ шкафъ и положила ключъ въ карманъ. Потомъ, она погасила лампу, задула свѣчи и вошла къ комнату мужа. Петръ Ивановичъ еще не ложился, готовясь принять какія-то капли.

— Каково это, Pierre? — вскричала она, зная, что онъ ее пойметъ.

— Пьяный дуракъ!—отвѣтилъ коротко Петръ Ивановичъ, дѣйствительно понимая, на что жена намекала и, въ то же время, боясь лишнимъ словомъ растревожить себя на ночь.

— Теперь по всему городу разнесутъ!...—съ горечью говорила она, вынимая изъ шиньона шпильки.—Ужасно, ужасно!—повторила она опять слово, которое лучше всего выражало ея чувства.

— Полно, душенька, Шнабсъ гороховый шутъ и ничего больше.

Она попробовала немножко успокоиться и даже утерла слезы.

— Хорошо, что ни Орловыхъ, ни Шольца не было!—неосторожно прибавилъ Петръ Ивановичъ и самъ раскаялся.

— Да! но они все-таки узнаютъ и съ разными прикрасами!—воскликнула Лупинская съ новымъ порывомъ досады и, сбросивъ бѣлокурый шиньонъ, залилась горькими слезами униженнаго самолюбія.

— Только этого не доставало!—холодно проговорилъ, начиная сердиться, «панъ маршалокъ».

— Вѣдь, досаднѣе всего то,—продолжала она, не замѣчая его тона,—досаднѣе всего, что все это надо терпѣть, что этихъ нахаловъ нельзя заставить молчать...

— А глупѣе всего то, что ты ревешь о такихъ пустякахъ!—И вставъ порывисто съ мѣста, Петръ Ивановичъ вышелъ въ другую комнату, хлопнувъ съ такою силой дверью, что въ шкафу, на плохо пригнанныхъ полкахъ, зазвенѣли стаканы и рюмки. Мина Абрамовна постояла, еще немного поплакала, потомъ вынула изъ кармана ключъ и стала медленно раздѣваться передъ зеркаломъ.

IX.

Всякому, конечно, извѣстно, что въ городахъ и мѣстностяхъ Западнаго Края существуетъ огромная разница между ревизскимъ и дѣйствительнымъ числомъ еврейскихъ душъ. При существованіи такой разницы, при наличности огромнаго процента евреевъ, скрывающихся отъ законной приписки и стоящихъ какъ бы внѣ закона, наружный осмотръ, при пріемѣ въ военную службу, явился факторомъ всякаго произвола, давая поводъ къ такимъ сдѣлкамъ и злоупотребленіямъ, въ которыхъ было также трудно разобраться, какъ трудно различать предметы въ тем-

нотѣ. Эта темная среда, гдѣ подмѣнивались имена и прозвища, гдѣ фабриковались особыя примѣты и подложные семейные списки, гдѣ люди воскресали и умирали, смотря по надобности, гдѣ отцы оказывались бездѣтными, сироты имѣли благополучно существующихъ родителей, а матери уступали, ради семейныхъ льготъ, за деньги, своихъ дѣтей постороннимъ лицамъ — вся эта подпольная среда способствовала какъ нельзя лучше тайнымъ сдѣлкамъ и почти явному нарушенію закона при опредѣленіи возраста принимаемыхъ въ военную службу евреевъ.

Все, что ни предпринималось противъ вредной обособленности еврейскаго племени, составляющаго по всей справедливости status in statu — все пошло евреямъ впрокъ, и пагубная замкнутость кагала осталась во всей своей неприкосновенности. Когда, бывшая въ 1874 году, поголовная еврейская перепись, не смотря на всѣ ухищренія евреевъ, дала неожиданную прибыль, и въ Западномъ Краѣ ихъ вдругъ оказалось несравненно больше противъ того, сколько значилось по спискамъ, тогда, съ введеніемъ общей воинской повинности, рѣшено было при пріемѣ на службу опредѣлять возрастъ евреевъ по наружному виду. Ко времени нашего разсказа, наружный осмотръ выработался въ цѣлую систему; если годъ назадъ случались кое-какіе промахи и неловкости, то предыдущій опытъ 12 мѣсяцевъ улучшилъ ее настолько, что никто не сомнѣвался въ ея полнѣйшей исправности.

Комбинація осмотра сразу раздвинула права членовъ воинскаго присутствія до самыхъ широкихъ размѣровъ; она оказалась находкой, которая обратилась потомъ въ настоящую финансовую операцію съ своей бухгалтеріей, своими техническими пріемами и даже

своимъ жаргономъ, въ которомъ заинтересованныя стороны понимали другъ друга на полусловѣ. Возможно-ли въ самомъ дѣлѣ установить какой-нибудь критерій для точнаго опредѣленія возраста по наружному виду, да еще по еврейскому наружному виду? Совершенно случайно, конечно, но большею частью однако выходило такъ, что всѣ евреи побагаче или не доросли, или переросли, т. е. оказывались вышедшими изъ лѣтъ призыва, или этихъ лѣтъ не достигли. Стариковъ оказалось особенно много; ихъ, наконецъ, набралось столько, что приходилось удивляться долговѣчности израильскаго племени. Правда, разсказывали сначала шепотомъ, а потомъ громко, и безъ всякаго уже стѣсненія, что одинъ и тотъ-же старый еврей являлся за другихъ на смотръ по нѣскольку разъ и даже безъ всякой гримировки; но члены присутствія этого, разумѣется, не замѣчали и, улыбаясь другъ другу, какъ древніе авгуры, аккуратно и добросовѣстно осматривали стараго плута, единогласно находя его непризывнымъ.

Мудрено-ли, что христіанское общество, которому приходилось нести удвоенную повинность, было взволновано прискорбными слухами о странномъ способѣ отправленія общей воинской повинности? Не имѣя возможности протестовать какъ-нибудь активно, оно установило невидимый контроль надъ дѣйствіями членовъ воинскаго присутствія; оно прислушивалось къ толкамъ, не упуская изъ вида ни одного, сколько-нибудь подтверждающаго догадку факта, разспрашивало, вникало, присматривалось зорко и осторожно; это былъ какой-то всевидящій и всеслышащій надзоръ (надъ которымъ, однако, члены слегка подсмѣивались), и въ результатѣ явилось общее убѣжденіе, что между евреями людей молодыхъ, здоровыхъ и годныхъ къ

службѣ, замѣняютъ люди старые или къ службѣ негодные, и слово «наружный осмотръ» стало синонимомъ совсѣмъ недвусмысленнаго понятія. Говорили всѣ и всюду: по дорогамъ, на станціяхъ, въ вагонахъ желѣзной дороги; сообщались толки въ частныхъ письмахъ, проскакивали въ газетахъ, иногда возбуждались даже «дѣла», угасавшія въ тиши какого-нибудь присутствія, и хотя вскорѣ все затягивалось канцелярской тайной, но слухи держались упорно, возбуждая и тревожа общественное мнѣніе.

И въ этотъ-то водоворотъ всякихъ интригъ, двусмысленныхъ отношеній, торговыхъ сдѣлокъ, сплетень, дѣйствительныхъ фактовъ и вымышленныхъ исторій, доносовъ и анонимныхъ писемъ, въ эту тяжелую атмосферу заимствованныхъ именъ, подлоговъ, подкуповъ, дѣланыхъ болѣзней и маскируемаго здоровья, получаемыхъ и даваемыхъ сотень и тысячъ рублей, попалъ ротмистръ Зыковъ! Справедливый, пылкій и несвѣдующій въ законахъ, онъ легкомысленно пошелъ противъ теченія, считая своимъ долгомъ стоять на сторонѣ, которая казалась ему правой. Отъ Зыкова всѣ отступились. Петръ Ивановичъ, съ несвойственной ему грубостью, выразился въ своемъ кружкѣ, «что одна паршивая овца все стадо портитъ»; докторъ Пшепрашинскій, въ домѣ у котораго была, говорятъ, лабораторія членовредительства, назвалъ это сумасшествіемъ; депутатъ отъ сословій, Платонъ Антоновичъ, качая своею мудрой головой, сказалъ, что «одинъ въ полѣ не воинъ и что прать противъ рожна трудно»... Это была великая истина, ежедневно подтверждаемая практикой жизни. Но если Зыковымъ были всѣ недовольны, за то господинъ Скорлупскій, секретарь предводителя, былъ на расхватъ: онъ не только

подъискивалъ статьи, онъ ихъ почти сочинялъ, онъ былъ на высотѣ своихъ разнообразныхъ талантовъ и сталъ душою того кружка, гдѣ головою былъ Петръ Ивановичъ Лупинскій. Они были непогрѣшимы по части статей и циркуляровъ; ротмистръ Зыковъ, напротивъ, дѣлалъ безпрестанные промахи, обнаруживая большую неопытность: каждое засѣданіе кончалось какимъ-нибудь замѣчаніемъ, колкимъ словцомъ, оскорбительнымъ намекомъ. Когда Зыковъ начиналъ говорить, всѣ улыбались, Петръ Ивановичъ крутилъ усы; одинъ разъ онъ даже слегка засвисталъ... Общее, главное дѣло было забыто, отошло назадъ, выдвинувъ наружу одни личные счеты; но, благодаря Бога, г. Скорлупскій не дремалъ, онъ перемигивался съ головой, Ильей Степановичемъ, кивалъ и подсказывалъ старшинамъ, заглядывалъ въ семейные списки, находчиво зналъ исторію каждаго Мордуха, Берки, и онъ составлялъ и измѣнялъ согласно обстоятельствамъ, протоколы. Этотъ смѣтливый и аккуратный человѣкъ былъ незамѣнимъ въ томъ хаосѣ, который тутъ господствовалъ.

Зыковъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать, хотя онъ очень хорошо понималъ, въ чемъ заключается мошенническая продѣлка; но судья пугалъ его отвѣственностью по ст. 1055; прокуроръ, подбивая на протестъ, требовалъ, однако, юридической подкладки, документальныхъ доказательствъ, и Зыковъ, у котораго были только догадки и предположенія, а никакой юридической подкладки не было, становился втупикъ и разводилъ руками къ великому удовольствію судьи Натана Петровича. Но такъ какъ долго колебаться и недоумѣвать было вообще не въ натурѣ ротмистра, то въ одно утро, изъ стѣнъ присутствія по городу разнеслось, что Зыковъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ: воз-

высивъ голосъ, ротмистръ Зыковъ оффиціально заявилъ:

1) что онъ не солидаренъ съ дѣйствіями членовъ присутствія;

2) что онъ не вѣритъ въ подлинность евреевъ, являющихся для осмотра, и

3) что онъ не довѣряетъ тѣмъ взятымъ съ улицы депутатамъ, которые будто бы удостовѣряютъ самоличность осматриваемыхъ.

Такое явное нарушеніе всѣхъ правилъ гармоніи, такой диссонансъ среди спѣвшагося подъ камертонъ «пана маршалка» присутствія, привели въ негодованіе всѣхъ членовъ, понимавшихъ очень хорошо, что у нихъ отнимаютъ весьма лакомый кусокъ и вдобавокъ такой, который самъ въ ротъ бѣжитъ—стоитъ только ротъ открывать во время. Одинъ только Платонъ Антоновичъ, умывшій руки, какъ Пилатъ, потихоньку посмѣивался, зная что у него отнять нечего, и въ глубинѣ души искренно жалѣлъ Зыкова, заранѣе предвидя результатъ борьбы.

X.

Въ то время, какъ маленькое общество, заинтересованное исходомъ этого поединка, волновалось и раздувало пламя вражды, Татьянѣ Николаевнѣ, по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ,—пришлось принять непосредственное участіе въ дѣлахъ набора. Гуляя однажды послѣ обѣда, она недалеко за городомъ, у острога, увидѣла слѣдующую сцену: знакомая ей солдатка Варвара, прислонившись спиной къ забору, съ большимъ вниманіемъ слушала крестьянскаго парня, который, утирая слезы рукавомъ нагольнаго тулупа, что-то ей съ жаромъ высказывалъ. Мужикъ горевалъ, тетка Варвара утѣшала.

— Ужъ коли Платонъ Антоновичъ казалъ, то это вѣрно, енъ не обманетъ, не...

Татьяна Николаевна, разумѣется, остановилась, разспросила и, узнавъ, въ чемъ дѣло, отъ словоохотливой солдатки, почти противъ воли принуждена была принять участіе въ мутномъ водоворотѣ эпизодовъ, сопровождавшихъ общую воинскую повинность.

— А ты жалуйся, Корнейчикъ, жалуйся! нешто на нихъ управы нѣтъ? Вотъ, пани,—обратилась она къ Татьянѣ Николаевнѣ,—въ солдаты малаго берутъ, а енъ одинъ сынъ у отца-калѣки и у самого лѣтось сынокъ родился. Покажь билетецъ-то, Корней, не бойся, не отымутъ!—Корнейчикъ полѣзъ за пазуху и досталъ изъ какой-то неизмѣримой глубины пестрый ситцевый платокъ; въ платкѣ былъ бережно завернутъ крошечный квадратикъ сѣрой бумаги, на одной сторонѣ котораго неразборчивымъ почеркомъ было написано: Корней Десятниковъ, а на другой стоялъ № 94 и чья-то подпись. Татьяна Николаевна тотчасъ узнала знаменитый росчеркъ Лупинскаго. Пестрый платокъ заключалъ въ себѣ, кромѣ того, разные другіе документы, а такъ какъ разсматривать все это среди поля было неудобно, то Татьяна Николаевна позвала Корнея къ себѣ. Тетка Варвара тотчасъ это одобрила.

— Ступай, ступай за ними, онѣ тебѣ помогутъ... Боится!—сказала она, качая жалостливо головой,—они запуганы—всего боятся. Енъ, пани, нынче съ утра мается вотъ третій разъ изъ города... Иди, иди! чего упираешься, Корнейчикъ.—Молодой парень, застѣнчиво улыбаясь своими заплаканными голубыми

глазами, пошелъ за Татьяной Николаевной, напутствуемый бормотаніемъ старой солдатки.

Тутъ была цѣлая исторія.

XI.

Корней Десятниковъ жилъ въ ближайшей деревнѣ отъ города, числился въ мѣщанахъ и подлежалъ вѣдѣнію думы. Во главѣ этого благодѣтельнаго учрежденія стоялъ городской голова Илья Степанычъ Монеткинъ. Илья Степанычъ долго стучался въ двери этого храма, долго перебивался кое-чѣмъ изо-дня въ день, былъ одно время помощникомъ у помощника секретаря, потомъ самимъ секретаремъ и, получая 7 р. 51 коп. въ мѣсяцъ, ухитрился выстроить два дома. Потомъ, ему вдругъ повезло: его выбрали головой, не смотря на то, что онъ состоялъ подъ судомъ за присвоеніе чужой собственности. Какъ его выбрали, а главное—какъ его утвердили при подсудности—одному Богу извѣстно; но онъ очень скоро развернулся и показалъ всѣ свои способности. Прежде, бывало, Илья Степанычъ только гнулъ спину и кланялся, былъ смиренъ, услужливъ, считалъ начальствомъ даже городовыхъ; теперь онъ только отдавалъ поклоны, всякой своей услугѣ твердо зналъ цѣну и бралъ, съ позволенія сказать, бралъ обѣими руками. Въ это время онъ былъ уже женатъ. Съ повышеніемъ положенія у него расширились потребности, и этотъ прежде услужливый и смирный человѣкъ сталъ какимъ-то крокодиломъ: въ районѣ подвластныхъ ему владѣній все, что подлежало контролю думы, было обложено подушнымъ оброкомъ, а что-нибудь экстренное, вродѣ набора, было настоящимъ золотымъ дождемъ.

Особенно велики были требованія его супруги, урож-

денной дѣвицы Манерновой. Воспитавшись между утюгомъ и моднымъ журналомъ, въ дѣвичьей пани Ядвиги Яблонской, жены прежняго—настоящаго пана-маршалка, выучившись причесываться по модѣ и презирать мужика, дѣвица Манернова, превратившись въ мадамъ Монеткину, возымѣла одну амбицію въ жизни: не отстать отъ другихъ. И она не отставала: подобно судейшѣ, секретаршѣ и самой полицейшѣ, она подметала своимъ моднымъ платьемъ грязь и соръ невообразимо грязныхъ улицъ уѣзднаго города; она, какъ «пани маршалкова», стала носить бѣлыя перчатки, шиньоны съ локонами и даже, прости ей Господи, вздумала пить какія-то воды, — она, не знавшая отъ роду никакой воды, кромѣ рѣчной! Но кто-же оплачивалъ всѣ эти глупыя затѣи, всю эту безобразную жизнь паразита на чужой трудъ и чужой счетъ? Разумѣется все тотъ же сѣрый зипунъ, все тотъ же Корней Десятниковъ, не принимающій никакого участія въ жизненномъ пиру ни мадамъ Монеткиной, ни «пани маршалковой»; тотъ сѣрый зипунъ, который ѣстъ мясо два раза въ годъ—на Рождество и Пасху, а смазные сапоги считаетъ такою роскошью, которую можно себѣ позволить лишь въ храмовой праздникъ, да и то подъ условіемъ, нести ихъ, на обратномъ пути изъ церкви, не на ногахъ, а для экономіи на бичевкѣ за спиною...

Корней Десятниковъ явился на свѣтъ Божій съ одной готовой наукой; онъ зналъ, что самъ по себѣ ничего не значитъ, а напротивъ, начальство можетъ все: можетъ подвести какой угодно законъ, въ чемъ угодно удостовѣрить и точно также безъ малѣйшей запинки опровергнуть, подыскать противоположный законъ. Для этого нужно только умѣть къ нему подойти, а такъ какъ все умѣнье заключалось въ сноровкѣ взяться во

время за карманъ, то крестьянскій карманъ, какъ какой-нибудь несокрушимый банкъ, былъ открытъ во всякое время и для всякаго имѣющаго надъ мужикомъ власть: не черпалъ въ немъ лишь тотъ, у кого на душѣ шевелилась та незамѣтная вещь, которую зовутъ человѣческой совѣстью.

XII.

Приведя мужика къ себѣ, Татьяна Николаевна стала его разспрашивать, но, къ сожалѣнію, почти ничего не могла понять изъ безсвязныхъ рѣчей Корнея Десятникова; онъ что-то толковалъ про голову, Илью Степановича, про семейные списки, про какіе-то гостинцы и, наконецъ, про какихъ-то «полученцовъ», которые его особенно безпокоили. Татьяна Николаевна призвала на помощь повара Степана — и Степанъ, поговоривъ съ Корнеемъ, объяснилъ все сразу, безъ малѣйшаго колебанія: изъ его объясненій оказалось, что жеребьевый билетъ былъ вынутъ городскимъ головой за Десятникова не только въ его отсутствіе, но и вопреки словамъ того же головы, сказаннымъ имъ Корнею въ маѣ, что онъ изъ лѣтъ вышелъ и воинской повинности не подлежитъ. «Полученцы» означали ополченцовъ, а про гостинцы Степанъ только улыбнулся и, махнувъ рукой, сказалъ: извѣстные подлецы!

Бѣда обрушилась на Корнея совершенно неожиданно: онъ молотилъ на гумнѣ горохъ, когда къ нему явился разсыльный изъ города и немедленно, какъ какого-нибудь арестанта, не допустивъ даже войти въ хату, препроводилъ въ присутствіе; тамъ растерявшемуся отъ такой неожиданности мужику голова сунулъ жеребьевый билетъ и повернулся къ нему спиной, когда опомнившійся Корней вздумалъ-было разинуть ротъ.. Головѣ было не до того: отъ него требовали объясненій, доказательствъ, справокъ — онъ, разумѣется, ничего не зналъ, и на всѣ вопросы бормоталъ что-то такое, чего никто не могъ взять въ толкъ. Изъ присутствія Корней бросился къ знакомому благодѣтелю Морошкѣ, дворянину и ходатаю по дѣламъ; дворянинъ Морошко написалъ ему за рубль безграмотнѣйшую просьбу и направилъ къ попу за метрическимъ свидѣтельствомъ, безъ котораго не могла быть дѣйствительна никакая просьба. Для Десятникова начинался цѣлый рядъ настоящихъ мытарствъ. Идя къ попу, Корней упросилъ знакомаго жидка сбѣгать въ деревню Барсуки и все разсказать отцу. Два часа спустя, храмой и горбатый, но еще бодрый старикъ, съ кожаннымъ кошелькомъ за пазухой, плелся выручать сына отъ неожиданной бѣды. Но выручить оказалось не такъ-то легко. Священникъ долго ломался, но противъ государственной бумажки устоять не могъ и выдалъ метрическое свидѣтельство, неоспоримо подтверждающее, «что Корнею Десятникову 25 лѣтъ отъ роду, что онъ 4 года женатъ и единственный сынъ у 60-тилѣтняго отца калѣки». Это уже было почти спасеніе. Съ метрикой и просьбой въ рукахъ Барсуковцы— отецъ и сынъ, бросились въ присутствіе

Дворянинъ Морошко, твердый въ законѣ и въ чаяніи другого рубля, божился, что 25-тилѣтнихъ не берутъ и направилъ ихъ прямо къ воинскому начальнику въ присутствіе. «Онъ тамъ наибольшій, его и просите!» напутствовалъ ходатай.

— Предсѣдателю поклонитесь,—совѣтовалъ какой-то жидокъ. — Онъ зе все можетъ.

— Къ депутату, къ депутату ступайте!

— Охъ, не слушайте, ребята! Къ исправнику бы прежде: онъ, слышно, малымъ довольствуется.

— Къ исправницѣ!—крикнулъ кто-то и толпа захохотала.

—Ой нѣтъ!—идите сперва къ доктору, вотъ, что Эли Марголину зубы заговаривалъ, сказалъ солдатикъ Бѣльскій, и снова хохотъ веселой толпы раздался вслѣдъ растеряннымъ мужикамъ. Окончательно сбитые съ толку отецъ и сынъ толкались всюду, куда ихъ посылали, вездѣ что-то доставали изъ-за пазухи, кланялись, просили и добились только того, что отъ предсѣдателя ихъ вытолкали въ шею, докторъ Пшепрашинскій прямо спросилъ: «сколько дадутъ?» депутатъ пообѣщалъ льготу, а умилостивленный какимъ-то даяніемъ голова, коротко объяснилъ, что, не смотря на метрику, просьбы принять нельзя, потому—опоздали подать.

— Законъ вышелъ такой, понимаете? нельзя!—говорилъ онъ, выпроваживая мужиковъ и сжимая въ рукѣ ассигнацію.

Мужики вышли отъ городскаго головы въ полномъ отчаяніи: они знали по опыту, что разъ законъ противъ нихъ—стало дѣло проиграно. Старикъ попробовалъ еще разъ толкнуться къ депутату, а Корней, отправившись домой, встрѣтился на пути съ Орловой. Татьяна Николаевна была смущена, не зная, какъ помочь мужику. Степанъ понялъ ея недоумѣніе по своему.

— Они, барыня, всѣ мошенники—подлецы, окромя ротмистра,—сказалъ онъ рѣшительно,—а что этотъ производитель!.. только говорить не хочется... Намедни факторъ сказывалъ: является, говоритъ, изъ Турлова отъ жидовскаго общества депутатъ и молча кладетъ передъ нимъ на столъ пакетъ. И тотъ ни слова,

и другой ни слова, а въ присутствіи чуть какой жидъ изъ Турлова, тотчасъ всѣ кричатъ: «непризывной»!

Боясь что-нибудь пообѣщать и понапрасну обнадежить крестьянина, Татьяна Николаевна уговорила его оставить у нея бумаги до утра. Она понимала, что вмѣшивается не въ свое дѣло; ей это было непріятно; но пройти молчаніемъ такой вопіющій, совершающійся на глазахъ фактъ, она рѣшительно не могла. Къ сожалѣнію, самого Орлова не было дома, и она послала Степана за ротмистромъ. Александръ Даниловичъ явился; но онъ былъ такъ утомленъ засѣданіемъ, такъ измученъ безтолковостью пріема, глупостью предсѣдателя и членовъ—всѣ они такіе идіоты! что рѣшительно былъ самъ не свой... Когда, напившись чаю, онъ разогналъ тяжелыя впечатлѣнія настолько, что могъ вникнуть въ разсказъ Татьяны Николаевны, онъ вскочилъ и сказалъ, что «это чертъ знаетъ что такое: людей хватаютъ, какъ преступниковъ».

— Какже быть Десятникову! просьбы не принимаютъ...

— И не могутъ: послѣдовало распоряженіе принимать только до 2-го ноября, а сегодня 6-е.

— Какихъ лѣтъ вы должны принимать?—спросила Татьяна Николаевна, внутренно волнуясь, но стараясь говорить какъ можно покойнѣе.

— Двадцати одного года; это всѣмъ извѣстно...

— Должно быть не всѣмъ, потому что Корнею Десятникову 25 лѣтъ метрическихъ, не поддѣльныхъ, хоть у попа спросите!

— Чтожъ дѣлать? вышла ошибка... Почему онъ не хлопоталъ раньше?

— Т. е. когда же? Онъ хлопочетъ съ той самой минуты, какъ ему всунули жеребьевый билетъ, а рань-

кого мы приняли правильно? развѣ Десятниковъ-то одинъ? Это онъ вамъ попался. А кабы ихъ всѣхъ пособрать—вотъ-то была бы комедія! Да вотъ не угодно ли-съ?—прибавилъ онъ, показавъ въ окно, — вонъ, двое-то, что у воротъ стоятъ: обоимъ за тридцать? И метрика на лицо, и не жиды, а крестьяне-уніяты... ну, и что же? Они изъ участка господина Гвоздики,— замѣтилъ онъ будто вскользь.

— Какже вы-то, Платонъ Антоновичъ, допускаете? вѣдь вы же депутатъ отъ сословій?

— Вотъ-то фигуру нашли! Меня и не спрашиваютъ, а и спросятъ—такъ не послушаютъ! И не знаю, чего я пошелъ въ этотъ омутъ, чего сунулся, только здоровье разстроилъ...

— Да, разумѣется, если ничего не можете сдѣлать,— сказала Татьяна Николаевна съ рѣзкостью, въ которой, однако, тотчасъ же раскаялась.

— И откажусь! и руки умою... Пусть, какъ себѣ знаютъ!—говорилъ раздражительно Платонъ Антоновичъ, и Татьяна Николаевна поняла, что для него, какъ для Зыкова, Десятниковъ былъ не только не интересенъ, но еще увеличивалъ собою сумму ихъ личныхъ неудовольствій на порядки въ присутствіи.

Она встала.—Попробую Лупинскаго попросить, напишу записку... Вы не повѣрите, этотъ Корней меня измучилъ!—сказала она тѣмъ нервнымъ голосомъ, въ которомъ слышатся подавленныя слезы и поспѣшно вышла.

«Дѣлать-то тебѣ нечего», подумалъ Платонъ Антоновичъ, провожая ее и раскланиваясь.

XIII.

Получивъ записку Орловой, Петръ Ивановичъ Лупинскій вспыхнулъ. Онъ былъ въ томъ мрачномъ расположеніи духа, когда всякая бездѣлица представляется непріятностью, почти оскорбленіемъ, и давно накоплявшееся неудовольствіе на Татьяну Николаевну выразилось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ съ большими стараніями онъ его сдерживалъ. Въ послѣднее время между домами Орловыхъ и Лупинскихъ пробѣжала какая-то тѣнь; это было, почти незамѣтно, никакихъ опредѣленныхъ словъ произнесено не было, не произошло никакого столкновенія, но въ провинціи чуткость развита до болѣзненности, до способности превращать невидимое въ осязаемое; а со времени стычекъ съ Зыковымъ, она достигла у Петра Ивановича максимума. Для сохраненія репутаціи честнаго человѣка, ему нужно было, во что бы то ни стало, держаться Орловыхъ. Это былъ домъ, куда могъ войти не всякій и куда для нѣкоторыхъ двери были заперты навсегда. Связь съ Орловыми была именно той нравственной поддержкой, на которую, въ случаѣ какихъ-нибудь слуховъ, намековъ, чего-нибудь подозрительнаго и компрометирующаго Лупинскій могъ опереться. Петръ Ивановичъ дѣлалъ всевозможные авансы; своею вѣжливостью онъ могъ подкупить самаго неподатливаго человѣка и, въ день рожденія Татьяны Николаевны, осенью, когда отцвѣтаютъ послѣднія георгины, онъ, сдѣлавъ букетъ, собственноручно поднесъ его Татьянѣ Николавнѣ. По правдѣ сказать, ему было чрезвычайно трудно блюсти свою невинность; но онъ дѣлалъ все, что могъ, не переставая всячески хитрить и изворачиваться. Да, ему было очень трудно: держась одной рукой за Орловыхъ, онъ, во избѣжаніе скандала, долженъ былъ принимать доктора Пшепрашинскаго, съ которымъ имѣлъ въ прежнее время разныя щекотливыя сдѣлки, исправника Слоняева, кото-

раго считалъ круглымъ невѣждой и глупцомъ и помощника Акулу, на котораго писалъ доносы. Онъ былъ принужденъ приглашать къ себѣ лукаваго протоіерея, ходить подъ руку съ Гвоздикой, спускать шутовскія выходки Шнабсу и даже собственноручно угощать водкой мелешковскаго жидка Ицку. Эта невозможность оградить себя отъ общенія съ такими людьми, на которыхъ Орловы имѣли самый опредѣленный взглядъ, были для него источникомъ большихъ огорченій. Это былъ тяжелый крестъ, и онъ его покорно несъ, говоря, съ чужихъ словъ, position obligée... Развѣ онъ виноватъ, что у всѣхъ этихъ господъ есть до него дѣло? И прячась за свое оффиціальное положеніе, онъ изо всѣхъ силъ старался казаться не тѣмъ, чѣмъ былъ, и,—надо ему отдать справедливость—казался довольно искусно. Но иногда у него бывали тяжелыя минуты: неудача имянинъ, кое-какіе дошедшіе до него слухи о наборѣ, два три словечка судьи Ивана Тихоновича, какой-то запросъ, протестъ Зыкова, громкій голосъ Колобова и Комарова, которые, не стѣсняясь, кричали въ клубѣ про наружный осмотръ, — все это, взятое вмѣстѣ, придало въ его глазахъ письму Орловой характеръ настоящаго вызыва.

— И чего суется?—проворчалъ онъ съ досадой, бросая конвертъ.—Кто принесъ?—крикнулъ онъ дожидающему у дверей Михалу.

— Ихній Степанъ. Говоритъ: велѣно отвѣта подождать.

— Скажи, что отвѣта не будетъ... Нѣтъ, постой—скажи, что можетъ идти, отвѣтъ пришлю.

Михалъ пошелъ.—Послушай,—остановилъ его опять Петръ Ивановичъ,—скажи, что приказали молъ кланяться, отвѣтъ пришлютъ сами... Такъ и скажи: сами,

молъ, изволятъ прислать,—говорилъ онъ вслѣдъ уходившему Михалу.

Петръ Ивановичъ сѣлъ къ письменному столу и, весь внуренно кипя и волнуясь, принялся за отвѣтъ. Письмо какъ-то не ладилось: мыслей было много, а выходило нескладно. Онъ разорвалъ два листа почтовой бумаги, пока догадался послать за г. Скорлупскимъ.—И чего суется? Чего лѣзетъ? Еще корреспонденцію настрочитъ... Вотъ не было печали...—За Скорлупскимъ пошли?—крикнулъ онъ подвернувшейся нянькѣ, швыряя бумаги.

— Побѣгъ Лука,—отвѣтила та, поспѣшно скрываясь.

Пока господина Скорлупскаго разыскали гдѣ-то за карточнымъ столомъ, пока онъ разсчитывался, не торопясь, зная, что отъ него потребуется какая-нибудь услуга—слѣдовательно, спѣшить нечего и, наконецъ, разсчитавшись, явился, — Петръ Ивановичъ перешарилъ, проклиная Татьяну Николаевну, цѣлую кучу разнородныхъ бумагъ и ничего не нашелъ. Г. Скорлупскій устроилъ это въ одну минуту: они перемолвились двумя-тремя словами и, не успѣлъ находчивый секретарь скрыться за дверью, какъ въ головѣ Петра Ивановича выросло совсѣмъ готовое письмо, и онъ самодовольно улыбнулся.

«М. Г., Татьяна Николаевна,—писалъ «панъ маршалокъ»: — Напрасно изволили безпокоиться объ участи мѣщанина Десятникова: я сейчасъ дѣлалъ справку и оказалось, что еще въ маѣ моею рукою въ призывномъ спискѣ написана ему льгота 1-го разряда, а съ этой льготой на службу не берутся»! Восклицательный знакъ ей покажетъ, въ какой она попала просакъ. Молодецъ этотъ Скорлупскій! надо будетъ ему того...—«Почему-же,—продолжалъ писать «панъ маршалокъ»,—

Десятниковъ не зналъ объ этомъ раньше и даже не явился полюбопытствовать о семъ по вызову въ присутствіе 1-го ноября—Аллахъ его вѣдаетъ (И Аллахъ весьма кстати подвернулся, съ удовольствіемъ подумалъ «панъ маршалокъ»). «Когда же присутствіе приступитъ къ метанію жеребьевъ,—снова писалъ онъ,—то уже не имѣетъ права принимать никакихъ жалобъ на неправильное опредѣленіе льготъ: объ этомъ было даже изъ министерства внутреннихъ дѣлъ подтвержденіе: Вотъ почему Десятникову было отказано принять во вниманіе метрику».

— Ну вотъ видишь! — сказалъ, прочитавъ письмо Лупинскаго, только-что возвратившійся изъ уѣзда Орловъ, — ему дана льгота перваго разряда, такъ чего же ты?

— Да на что ему льгота, когда его не должны были принимать вовсе! И про льготу вретъ: Платонъ Антоновичъ мнѣ говорилъ, что въ маѣ и списки-то еще не были составлены, а онъ своею рукою льготу написалъ! Вѣдь это подлогъ... Ахъ, какой негодяй! а я такъ отстаивала его...

— Но если Десятникову дадутъ льготу, бѣда не велика...

— И ты тоже! Никто не хочетъ понять... Сдѣлали ошибку и прячутся за какое-то распоряженіе... Да ты пойми, что не будь этой случайности семейнаго положенія, его бы взяли, скрутили.

— Теперь ужъ не крутятъ,—сказалъ съ улыбкой Орловъ, стараясь успокоить жену.

Она опять прочла письмо: «Напрасно изволили безпокоиться...». Нѣтъ, я ему докажу, что безпокоилась не напрасно!

— И охота тебѣ заводить эту полемику...

— Да ты посмотри, мужикъ-то какой... Ты только подумай, до чего ихъ довели, какъ пріучили всѣмъ давать и платить: ну, что я для него сдѣлала?—развѣ что въ шею лишній разъ вытолкала, а онъ счелъ своимъ долгомъ притащить мнѣ вчера десятокъ яицъ, и я никакими резонами не могла его убѣдить, что мнѣ яйца не нужны и не могла принудить взять за нихъ деньги!

— Ну, вотъ только этого и не доставало, чтобы ты за наборъ взятку получила...

— Ахъ, не смѣйся! ей Богу, я этимъ Корнейчикомъ просто больна, а сколько ихъ теперь такихъ!..

— Ну, а Зыковъ что?

— Ничего: имъ всѣмъ не до того,—сказала Татьяна Николаевна и отвернулась.

— Вотъ ужъ и плакать готова... Куда тебѣ за кого-нибудь заступаться и что-нибудь отстаивать съ этими вашими глупыми нервами?

— А все-таки попробую,—отвѣтила она, утирая слезы, и, взявъ письмо Лупинскаго, пошла въ свою комнату.

XIV.

Вскорѣ послѣ исторіи съ Десятниковымъ и протеста Зыкова, напряженіе городского общества достигло высшей степени. Всѣ ждали какого-нибудь скандала, и скандалъ не замедлилъ разразиться. 16-го числа было назначено засѣданіе присутствія, первое послѣ оффиціальнаго заявленія Зыкова о его несолидарности съ членами присутствія. Часы пробили десять; двѣ пріемныя комнаты были биткомъ набиты евреями, ожидавшими осмотра; здѣсь же толпились ихъ родственники, депутаты, знакомые родственниковъ и де-

путатовъ—и праздная толпа любопытныхъ. Трескучій жаргонъ израильскаго племени раздавался на дворѣ, въ сѣняхъ у входныхъ дверей на лѣстницѣ. «Панъ маршалокъ», въ мундирѣ съ орденами, разговаривалъ у присутственнаго стола съ исправникомъ и докторомъ Пшепрашинскимъ. Платонъ Антоновичъ, закутанный шарфомъ и изрѣдка покашливающій, стоялъ у печки, держа руки за спиной, и съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что онъ не хочетъ ничего ни видѣть, ни слышать и, если нужно, готовъ даже закрыть глаза и заткнуть уши. Посредникъ Гвоздика побѣжалъ выпить.

Когда Петръ Ивановичъ надѣвалъ мундиръ съ орденами, онъ чувствовалъ себя поднятымъ на нѣсколько ступенекъ выше; онъ тогда легче дышалъ, свободнѣе двигался, громче говорилъ.

— Если это будетъ такъ продолжаться,—говорилъ онъ строго, точно давалъ кому-то выговоръ,—я ни за что не ручаюсь...

— Такъ, такъ, пане добродзее!—поддакивалъ докторъ Пшепрашинскій.

— Говорятъ,—сказалъ исправникъ, — что онъ уже бумагу послалъ къ его пр...

Но Петръ Ивановичъ не далъ ему договорить.—Я повторяю, господа, что дѣло такъ идти не можетъ: ротмистръ Зыковъ вноситъ раздоръ!—сказалъ онъ раздражительно и громко — и вдругъ, взглянувъ на Платона Антоновича, показавшаго глазами направо, замолчалъ: въ ту же минуту изъ передней, размахивая руками, вышелъ посредникъ Гвоздика, а навстрѣчу ему, звеня шпорами, показался ротмистръ Зыковъ, курившій въ сосѣдней комнатѣ, въ ожиданіи начала засѣданія. Когда Зыковъ подошелъ къ столу

съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и сжатыми губами, всѣ поняли, что засѣданіе будетъ бурное. Петръ Ивановичъ на него покосился и, съ особенной важностью усѣвшись на председательское мѣсто, объявилъ засѣданіе открытымъ. Всѣ стали садиться по своимъ обычнымъ мѣстамъ: Гвоздика сѣлъ рядомъ съ Лупинскимъ и тотчасъ же положилъ локти на столъ, желая этимъ, вѣроятно, доказать, что ему все не почемъ. Ротмистръ Зыковъ вынулъ свою записную книжку. Начался вызовъ подлежащихъ осмотру евреевъ.

— Ицка Лейбманъ?—провозглашалъ чей-то голосъ, и старый испуганный Ицка, растерянно смотря на членовъ, выходилъ на сцену, дрожа всѣмъ тѣломъ, хотя и зналъ, что его взять не могутъ.

— Не призывной!—раздавалось единогласно.

Ицка Лейбманъ, который, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ, прозывался Мовша, поспѣшно исчезалъ въ однообразной массѣ такихъ же Мовшей. И потянулся рядъ этихъ бѣдныхъ Мовшей дрожащихъ, блѣдныхъ, худыхъ, тощихъ, до изумительности другъ на друга похожихъ.

— Исаакъ Эля Марголинъ!—кричитъ тотъ же голосъ.

— Не призывной!—отвѣчаетъ хоръ членовъ.

— Призывной!—возражаетъ одинокій голосъ ротмистра Зыкова.

Несчастный Исаакъ — сынъ мѣстнаго Ротшильда — былъ слишкомъ крупенъ, слишкомъ замѣтенъ и богатъ, чтобы его можно было принять или отпустить безъ спора. Доктора приступили къ осмотру и злополучнаго Исаака, какъ новую жертву древняго Іеговы, готовились принести на закланіе: его подробно осматривали, клали на спину и на грудь, поднимали, спорили и опять клали, считали ребра и зубы (причемъ

докторъ Пшепрашинскій, у котораго этотъ интересный субъектъ былъ на особомъ попеченіи, удостовѣрялъ, что не достаетъ одного ребра и восьми зубовъ), стучали по груди и по спинѣ, выслушивали, какъ бьется сердце—а у бѣднаго малаго оно въ эту минуту билось шибко,—находили какую-то сомнительную пустоту въ грудной полости, и боясь ошибиться, пригласили выслушать посредника Гвоздику. И посредникъ Гвоздика, приложивъ ухо къ груди распростертаго израильтянина, такъ вошелъ въ свою роль, что, постучавъ стетоскопомъ, произнесъ значительно «гмъ», послѣ чего еврея подняли и объявили къ военной службѣ неспособнымъ.

Ротмистръ Зыковъ остался съ отдѣльнымъ мнѣніемъ.

Пріемъ продолжался.

— Сроль Гутманъ!

— Непризывной! Непризывной!

— И Сроль Гутманъ, благодаря своего Бога, благополучно ретируется въ задніе ряды, уступая мѣсто какому-нибудь Ицкѣ.

При имени Гутмана, ротмистръ заглянулъ украдкой въ свою лиловую книжку, что всегда особенно раздражало «пана маршалка», и, обратясь къ изчезавшему еврею, предложилъ ему какой-то вопросъ. Тотъ, видимо, растерялся и смотрѣлъ на членовъ разбѣгающимися по сторонамъ глазами.

— Позвольте, ротмистръ,—рѣзко остановилъ его Петръ Ивановичъ,—вы не имѣете права его задерживать. Не извольте затягивать засѣданіе.

— Я поступаю, какъ считаю себя въ данномъ случаѣ обязаннымъ поступить,—сказалъ громко Зыковъ,—и если вы...

— Прошу васъ замолчать!—вскричалъ Лупинскій,

мгновенно выходя изъ себя,—или прошу васъ предлагать вопросы не иначе, какъ съ моего разрѣшенія,—прибавилъ онъ нѣсколько тише!

За присутственнымъ столомъ произошло настоящее замѣшательство: Платонъ Антоновичъ, сконфуженный выходкой предсѣдателя, опустилъ глаза; члены потихоньку злорадно посмѣивались; Зыковъ что-то писалъ въ своей книжкѣ, и только его измѣнившееся лицо и дрожаніе въ рукѣ карандаша выдавали всю степень его волненія. Когда прошла первая неловкая пауза, во время которой слышался только скрипъ неутомимаго пера г. Скорлупскаго, ротмистръ Зыковъ, стараясь говорить какъ можно вѣжливѣе—презрительно вѣжливо, какъ онъ потомъ разсказывалъ—попросилъ составить о происшедшемъ протоколъ съ занесеніемъ въ него прежнихъ словъ Лупинскаго о «раздорѣ».

По окончаніи засѣданія отъ Зыкова всѣ сторонились, какъ отъ зачумленнаго, а Петра Ивановича проводили съ тріумфомъ до воротъ его квартиры.

— А вы, батюшка, со мной не боитесь остаться—спросилъ, улыбаясь, ротмистръ надѣвавшаго пальто Платона Антоновича; но Платонъ Антоновичъ, больной и усталый, только взглянулъ на него укоризненно своими черными глазами и ничего не сказалъ; а часъ спустя, ротмистръ, давъ волю своему негодованію, кричалъ у прокурора Шольца, безпрестанно вскакивая съ своего мѣста: — Можете представить, что я чувствовалъ и какъ мнѣ Богъ помогъ сдержаться, когда этотъ хамъ, этотъ непомнящій родства, Петръ Ивановичъ Лупинскій, заставилъ меня молчать потому, что я вернулъ какого-то подозрительнаго жида?! понимаете, изъ богатыхъ?! а я ужъ заранѣе кое-что зналъ...

— Ну, и что-жъ вы?—спросилъ Шольцъ, опасаясь со стороны Зыкова какой-нибудь юридической опрометчивости.

— Разумѣется просилъ занести въ протоколъ и обо всемъ донесу.

— А протоколъ подписали?

— У насъ ихъ обыкновенно послѣ подписываютъ...

— Ну, и поздравляю!—засмѣялся Шольцъ.—Смотрите, какъ бы не написали, чего и не было вовсе!

— Ну, вотъ еще! вы вѣчно такъ... Какже это можно, когда рапортомъ донесъ?

— Имъ все можно...

А десять дней спустя, получивъ почту и съ бумагой въ рукахъ, Зыковъ кричалъ Шольцу, поймавъ его на улицѣ:—Вотъ, батюшка, подлецы-то! всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отреклись: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!

— А что? я вамъ говорилъ?—воскликнулъ Шольцъ, невольно радуясь своей собственной дальновидности.

— Нѣтъ, да вы послушайте, что вышло-то! — И тутъ же на улицѣ Зыковъ разсказалъ, что за запросъ сверху, о засѣданіи 16-го числа, все присутствіе показало, что, вопреки жалобъ ротмистра, предсѣдатель голоса не возвышалъ, молчать Зыкова не заставлялъ, о раздорѣ ничего не говорилъ, а напротивъ, кричалъ и шумѣлъ одинъ ротмистръ Зыковъ.

— Ну, а какъ же Платонъ-философъ? онъ, помните, у Орловыхъ во всемъ васъ подтвердилъ?...

— Сдѣлалъ маленькую оговорочку: «что молъ слово «раздоръ», хотя и было произнесено, но не за присутственнымъ столомъ». Вотъ, батюшка, полюбуйтесь на человѣка; беретъ на душу грѣхъ совершенно платонически, не получая ни гроша.

— Ради принципа: съ волками жить — по волчьи выть,—сказалъ Шольцъ и, разставшись съ Зыковымъ, направился въ острогъ.

XV.

Борьба между Лупинскимъ и ротмистромъ становилась съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе и ожесточеннѣе: они ловили, подстрекали другъ друга на каждомъ шагу, и трудно было сказать, на чьей сторонѣ окажется побѣда. Несмотря на все видимое превосходство Лупинскаго, его увертливость, знаніе статей, несмотря на увѣренность въ поддержкѣ снизу и сверху, ему недоставало той нравственной независимости, при которой можно смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза: зная за собой разные грѣшки, онъ терялся отъ каждой неожиданности. Послѣ всякаго засѣданія рекрутскаго присутствія у него пропадалъ и сонъ, и аппетитъ. Напротивъ, Зыковъ спалъ, какъ убитый, и если горячился, шумѣлъ и кричалъ, то это его освѣжало, какъ холодная ванна въ жаркій день. «Панъ маршалокъ», неуязвимый на почвѣ канцелярскихъ утонченностей, пропитанный насквозь статьями, больше всего надѣялся на законъ. Зыковъ надѣялся на Бога и на вдохновеніе.

— Только бы Богъ помогъ поймать на мѣстѣ преступленія, а тамъ я обойдусь и безъ прокурора. — И Богъ ему помогъ.

Въ одинъ изъ самыхъ морозныхъ январьскихъ дней было засѣданіе благотворительнаго общества въ квартирѣ Орловыхъ. Изъ членовъ, отличавшихся, вообще, аккуратностью, недоставало Лупинскаго, отправившагося «устраивать бытъ сельскаго духовенства», какъ объявилъ судья Иванъ Тихоновичъ, — и Шольца, который наканунѣ заболѣлъ. Когда засѣданіе было за-

крыто и хозяйка перешла къ предсѣдательству за чайнымъ столомъ, разговоръ тотчасъ же перешелъ на текущія событія, между которыми самымъ главнымъ былъ, конечно, наборъ. За столомъ, кромѣ хозяевъ, сидѣли—судья Иванъ Тихоновичъ, Платонъ Антоновичъ и директоръ гимназіи Сосновичъ. Всѣ трое были люди съ самыми консервативными началами и благонадежности примѣрной.

Разговоръ еще тянулся все на ту-же тему, какъ, внѣ себя отъ волненія, весь сіяя и ликуя, появился Зыковъ. Онъ еще изъ передней закричалъ:

— Поймалъ, поймалъ! Вотъ вамъ, Татьяна Николаевна, и доказательство въ рукахъ! Помните вы говорили... Съ поличнымъ поймалъ, спросите хоть у прокурора.

— Кого поймали? Гдѣ?—съ испугомъ спросилъ директоръ, хватаясь за карманъ.

— Не безпокойтесь: у васъ все цѣло! — отвѣтилъ Зыковъ, обходя столъ и здороваясь. — Да, батюшка, была игра, могу сказать!—продолжалъ онъ, усѣвшись и принимая изъ рукъ Егора Дмитріевича стаканъ чая.

— Вѣроятно какого-нибудь еврея поймали? — спросила Татьяна Николаевна.

— Еврея? Что евреи! — махнулъ Зыковъ рукой: — самого «пана маршалка» поймали, да вѣдь какъ? съ поличнымъ, въ торжественной обстановкѣ... Тутъ ужъ спрятаться не за кого: самому придется отвѣчать, да и не какъ-нибудь, а по пунктамъ,—говорилъ Зыковъ, торопясь и никому не давая вставить слово.

— Да-съ ему теперь можно пропѣть пѣсенку блаженной памяти Василія Кириловича Тредьяковскаго... такъ онъ, кажется, назывался-то? — обратился онъ къ

директору:—«Ходитъ птичка весело по тропинкѣ бѣдствій, не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій»...

— Послушайте, Александръ Даниловичъ, скажете-ли вы, наконецъ, въ чемъ дѣло?

Зыковъ вздохнулъ.

— А въ томъ, господа, дѣло, что самого «пана маршалка» съ овсомъ поймали! Понимаете, Татьяна Николаевна, съ овсомъ! До чего дошелъ, а?

— Нѣтъ, ничего не понимаю... Съ какимъ овсомъ? Не могу-же я допустить, что вы его у себя въ сараѣ съ мѣркой овса поймали.

— Хуже того-съ: поймай я его у себя, вотъ вамъ Богъ свидѣтель,—перекрестился, по своей манерѣ, обѣими руками Зыковъ, — что я, быть можетъ, далъ-бы ему хлыста для души успокоенія и отпустилъ-бы на всѣ четыре стороны:—Ступай, молъ, себѣ, только впередъ не грѣши, а то вѣдь... разбойникъ!—схватилъ себя за голову, съ жестомъ отчаянія, Зыковъ. Ну, слушайте господа, вдругъ перешелъ онъ въ другой тонъ,—я буду говорить по порядку, только вы меня не останавливайте.

— Кто васъ остановитъ? — сказалъ, улыбнувшись Орловъ.

— Ну, слушайте, теперь ужъ безъ перерыва.

И онъ откашлялся.

Всѣ придвинулись къ столу, смотря на Зыкова съ напряженннымъ вниманіемъ; директоръ переглянулся съ судьей. Платонъ Антоновичъ незамѣтно вышелъ.

— Ну-съ, ѣду я кататься—началъ повѣствовательно Зыковъ, удостовѣрившись въ надлежащемъ вниманіи аудиторіи,—ѣду я кататься по рѣкѣ. Погода — зги Божьей не видно, мятель, вьюга; но мой сѣрый застоялся,—надо, думаю, коня проѣхать и поѣхалъ... Анъ,

дѣло-то оказалось совсѣмъ не въ конѣ, а ужъ такъ Богъ меня по этому пути велъ. Ѣдемъ, т. е. не ѣдемъ, а летимъ—знаете какая у сѣраго побѣжка?—увлекся, по старой кавалерійской привычкѣ, Зыковъ, — вдругъ обозъ по рѣкѣ.—Стой! Что везете?—Овесъ.—Кому?—«Пану маршалку».—Почемъ? Молчатъ.—Почемъ продали?—кричитъ мой Игнатовичъ.—Не продавали: такъ за копію веземъ.—Вонъ оно какъ! думаю себѣ, однако смолчалъ! Ѣдемъ дальше: смотрю подъ Китварой опять такой же обозъ. Фу, ты чертъ! Неужели опять копія? Стой! кому везете?—«Пану маршалку», и т. д. Тутъ ужъ я не выдержалъ. — Игнатовичъ, говорю, слышалъ?—Слышалъ ваше высокоблагородіе.—Поворачивай, говорю, назадъ и прямо валяй къ прокурору. И вѣдь, замѣтьте, привычки не имѣю разговаривать дорогой, потому за побѣжкой слѣжу, а тутъ какъ-то... Разумѣется, все Богъ... Валяемъ прямо къ прокурору; тотъ на диванѣ лежитъ, голова завязана: мигренью изволитъ страдать... Нѣтъ ужъ, говорю, батюшка, какъ хотите: ѣдемъ! Разсказываю коротко и ясно, а самъ, вѣрите ли? весь дрожу. Уговорилъ; снялъ онъ эти туфли свои, одѣлся. По дорогѣ солдатика Бѣльскаго прихватили, чтобы, знаете, свидѣтель... Я хоть и не юристъ, а все кое-что смекаю! Однако, какъ ни спѣшили, а опоздали: мы только на рѣку, а они мимо Щелканова да къ «маршалку» на дворъ и заворачиваютъ.

— Стало быть, такъ все и пропало? — спросила Татьяна Николаевна съ сожалѣніемъ, котораго не умѣла скрыть.

Иванъ Тихоновичъ вздохнулъ свободнѣе, Сосновичъ хотѣлъ что-то сказать, но Зыковъ ему не далъ, воскликнувъ:—Еще лучше вышло, заманчивѣе... Я вамъ

говорю, меня самъ Богъ... и хоть вы тамъ смѣйтесь или нѣтъ, а ужъ это такъ!

— Ну, Александръ Даниловичъ...

— Вижу я, что мы тутъ опоздали, и говорю прокурору:—слушайте, голубчикъ,—а ужъ у меня, понимаете, новый планъ созрѣлъ,—слушайте, говорю, отвезу я васъ домой, будто катались, а вы стороной, мимо «ликея» (гимназіи), да прямо ко мнѣ: устроимъ штуку почище.—Да что вы, спрашиваетъ, хотите дѣлать?—Ничего, ничего я этого не знаю, только приходите, сдѣлайте милость...

Покушавшійся было нѣсколько разъ встать судья такъ заинтересовался, что даже пересѣлъ поближе къ Зыкову, который, выпивъ свой холодный чай залпомъ, продолжалъ:—оставивъ прокурора у воротъ его квартиры, махнулъ къ себѣ и говорю Бѣльскому:—Бѣльскій, говорю, душенька, одѣнься ты въ статское,—а онъ, какъ форму долой, неузнаваемъ да и только—даже физія совсѣмъ другая.

— Вѣдь это онъ наблюдалъ, какъ къ Пшепрашинскому съ задняго крыльца евреи бѣгали передъ наборомъ?

— Онъ самый!.. Онъ всѣ эти продѣлки доподлинно знаетъ, и знаетъ, какъ Ротшильдову сыну 8 зубовъ вырвалъ...

— Это ужасно! — съ невольнымъ содроганіемъ произнесла Орлова.

— Не безпокойтесь: подъ хлороформомъ...

— Я полагаю, что это басни,—замѣтилъ съ кривой улыбкой Сосновичъ.

— Крылова! — отвѣтилъ ему съ нескрываемой насмѣшкой Зыковъ. — Но, это пока въ сторону. Голубчикъ, — говорю Бѣльскому, — ступай ты во дворъ къ

«маршалку», и видишь — показываю ему изъ окна— вонъ мужиковъ, что мѣшки съ овсомъ въ анбаръ таскаютъ, такъ ты ужъ, какъ тамъ знаешь, а такъ обдѣлай, чтобы они ко мнѣ пришли. — Слушаю, — говоритъ, в—діе. — Да ты постой: ты не просто ихъ зови, а уговорись, будто перевезти что-нибудь, какой-нибудь тамъ вздоръ. Ну, соври половчѣе, какъ знаешь...— Совру,—говоритъ,—ваше благородіе!—Идетъ; и такъ ловко обдѣлываетъ и вретъ, что мужики всей компаніей, человѣкъ десять, являются ко мнѣ. Сторговался онъ съ ними перевезти за два рубля какую-то мебель, а мебели, разумѣется, никакой .. Являются, а у меня во всѣхъ комнатахъ по свидѣтелю, а въ кабинетѣ самъ прокуроръ съ перомъ въ рукѣ. Перекрестились мужики и стоятъ, на меня смотрятъ. Я ихъ веду прямо къ образу, — у меня Александръ Невскій въ серебряной ризѣ,—передъ образомъ лампада теплится... Нарочно для нихъ зажегъ,—прибавилъ Зыковъ.

— Ну,—говорю,—братцы, вотъ съ этой самой стѣны на васъ смотритъ самъ Господь-Богъ... потому вы должны говорить правду...

— Вы точно Наполеонъ передъ пирамидами.

— Нужда научитъ быть Наполеономъ, Татьяна Николаевна! Ну, словомъ, сдѣлалъ приличное случаю вступленіе и приступилъ: ребята, говорю, помните-ли, что я у васъ спрашивалъ, какъ на рѣчкѣ съ обозомъ встрѣтилъ?—А, помнимъ, говорятъ, пане.—А помните, что вы мнѣ тогда сказали! — А сказали, что овесъ веземъ «пану маршалку», отвѣчали простодушно крестьяне, не подозрѣвая устроенной западни. И тутъ досконально, покуда прокуроръ невидимо присутствовалъ, всю эту штуку изложили. Да еще какъ? съ добавленіемъ, что молъ, не первый разъ и не однимъ овсомъ,

а возили и дрова, и сѣно, и живность, и всякую всячину. Словомъ, развернули картину. Ну, подлецы чинодралы! Вы мнѣ, можетъ, не повѣрите, Татьяна Николаевна, а я это самое словечко во снѣ услышалъ: легъ спать и слышу, будто мнѣ кто-то говоритъ: ихъ, говоритъ, надо не чиновниками, а **чинодралами** называть. Съ тѣмъ и проснулся, а тутъ этотъ овесъ... Ей Богу, даже смѣшно: ну, какъ такъ во снѣ? вѣдь не спиритъ же я!

— Нѣтъ, это совершенно естественно,—сказала серьезно Татьяна Николаевна.

— Ну-съ, поднесъ я имъ водки,—продолжалъ Зыковъ,— отъ 2 руб. отказались наотрѣзъ: — Не за что, говорятъ. Замѣтьте, деликатность какая: поставьте-ка на ихъ мѣсто, ну хоть этого самаго чинодрала? Ушли, наконецъ. Выходитъ прокуроръ: смотримъ другъ на друга и молчимъ. Вижу, поблѣднѣлъ мой Густавъ Андреевичъ, на себя не похожъ. — Что, говорю, батюшка, каково?

— Вотъ, говоритъ, подлецъ-то! И кого-же обираетъ? За какую-то копію цѣлый обозъ овса! а Бѣльскій изъ-за двери: ему, ваше в—діе, всего тащатъ: и дровъ, и куръ, и яйца.

— Даже картофель, ваше в—діе, возили!—сказалъ Игнатовичъ, и самъ, забывъ дисциплину, захохоталъ. Даже картофель! повѣрите-ли? ей Богу, стыдно стало...

Зыковъ всталъ и прошелся. На минуту водворилось молчаніе.

— Просто не вѣрится, что Лупинскій могъ до этого дойти, могъ такъ упасть,—сказала Татьяна Николаевна, кладя на столъ свою работу и смотря на Зыкова.

— Да когда-же онъ выше-то стоялъ? Я вамъ всегда говорилъ... У меня на этихъ людей просто чутье: какъ

вошелъ въ гостинную, да увидѣлъ всю эту претензію, все это, ничѣмъ не могущее замаскироваться холопство, такъ меня, какъ озарило: мошенникъ, говорю, какъ есть чинодралъ—обруситель; удивляюсь, какъ вы это проглядѣли! Вонъ Колобовъ увѣряетъ, что ему не сдобровать: на скамьѣ, говоритъ, подсудимыхъ будетъ, если не за поддѣлку духовнаго завѣщанія, то за какую-нибудь поддѣлку вообще, а я говорю, что по нашимъ мѣстамъ такихъ только и надо, такимъ только и житье!—И отодвинувъ съ жестомъ негодованія свой пустой стаканъ, Зыковъ всталъ, говоря, что ему надо еще забѣжать къ прокурору.

— Ну, а онъ какъ? Неужели не возбудитъ дѣла?—спросилъ Орловъ.

Зыковъ, стоя въ дверяхъ, пожалъ плечами: — ихнихъ законовъ не разберешь; говоритъ неподсудно... И вѣдь хорошій, кажется, человѣкъ, а путается; ужъ очень много статей имъ понаписали — ну, и сбились совсѣмъ.

XVI.

Скандалъ съ овсомъ, благодаря Зыкову, который вездѣ кричалъ, что Богъ ему помогъ поймать «подлеца-чинодрала», необыкновенно быстро распространился по городу и на другой же день, путемъ дѣвичьей и кухни, достигъ ушей «пани маршалковой». Пани вскрикнула и побѣжала къ мужу.

— Каковъ, негодяй Зыковъ, Pierre!—И она разсказала извѣстную исторію съ овсомъ.

Въ первыя минуты Петръ Ивановичъ растерялся до такой степени, что тотчасъ же хотѣлъ ѣхать въ волость. Онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ и путался, какъ пойманный школьникъ: овесъ, прокуроръ, мужики, лампада, Зыковъ—все это слилось въ его мозгу въ одно мучительное представленіе, которое онъ выразилъ однимъ словомъ: попался! — попался! попался! твердилъ онъ въ нервномъ испугѣ, сбитый съ толку этой неожиданностью и пилъ стаканъ за стаканомъ холодную воду. Холодная вода его нѣсколько образумила: онъ выкурилъ папироску, послалъ за Скорлупскимъ и написалъ коротенькую записочку судьѣ Ивану Тихоновичу, который все зналъ, все слышалъ изъ устъ самого Зыкова, и только ждалъ случая проявить свою юридическую компетентность. Оба пришли немедленно. Но мнѣнія раздѣлились. Судья совѣтовалъ начать атаку, не дожидаясь нападенія со стороны прокурорскаго надзора, — на что онъ втайнѣ надѣялся, несмотря на отзывъ Зыкова,—а Скорлупскій совѣтовалъ, не вдаваясь въ амбицію, подождать.

— Поговорятъ, поговорятъ, да и перестанутъ! У насъ еще наборъ на рукахъ,—показалъ онъ на семейные списки, красовавшіеся на письменномъ столѣ Петра Ивановича.—Вотъ кабы его самого подвести?... Тогда другое дѣло!...

«Панъ маршалокъ», уже значительно успокоенный, еще раздумывалъ, какъ ему поступить, когда вдругъ узналъ, что неосторожный ротмистръ Зыковъ самъ идетъ на удочку. Иванъ Тихоновичъ торжествовалъ:—а что? Я говорилъ! Какъ же упустить такой случай?—твердилъ онъ Петру Ивановичу. И они вмѣстѣ стали обсуждать планъ предстоящей компаніи.

Прошло нѣсколько дней, во время которыхъ между сторонниками «пана маршалка» шла какая-то подпольная работа: г. Скорлупскій, забывъ о наборѣ, бѣгалъ съ озабоченнымъ видомъ изъ дома въ домъ; судья Иванъ Тихоновичъ, всегда готовый помочь тамъ,

гдѣ угнетали невинность и не брезгавшій никакими развлеченіями, носился со сводомъ закона по утрамъ, а вечеромъ ходилъ въ клубъ и чутко прислушивался къ общественному мнѣнію; старикъ Гусевъ и прочіе члены опеки были готовы каждую минуту приступить къ облавѣ, по первому знаку. Наконецъ, все было готово.

— Душенька,—сказалъ Петръ Ивановичъ, входя съ возбужденнымъ лицомъ въ комнату жены,—у меня коекто собрался, надо бы закусочку...—И, увидѣвъ спускающихся съ горы исправника и протоіерея, поспѣшилъ ихъ встрѣтить въ передней, гдѣ уже снималъ шубу судья Иванъ Тихоновичъ и стояли члены опеки, не рѣшаясь войдти въ залъ безъ приглашенія.

Усадивъ гостей, Лупинскій немедленно приступилъ къ дѣлу.

— Господа!—началъ онъ, чувствуя себя полководцемъ въ день рѣшительной битвы,—мнѣ передавали, что ротмистръ Зыковъ...

— Да!—представьте себѣ, подхватилъ пріятнымъ теноромъ протоіерей, обращаясь къ судьѣ и запахивая свою лиловую рясу,—представьте себѣ, публично, безъ всякаго стѣсненія...

— Слышалъ, слышалъ!—съ видомъ сожалѣнія и не давая ему договорить, словно щадя Петра Ивановича, кивалъ головою Иванъ Тихоновичъ.

Но священникъ не понялъ и продолжалъ:

— Десять, говоритъ, человѣкъ, передъ образомъ показали, что привезли овесъ даромъ... Вотъ они тоже слышали!—кивнулъ онъ на исправника.

— Собственными ушами!—пробасилъ, тяжело дыша, страдавшій одышкой исправникъ.

— Слышали и мы!—сказалъ старикъ Гусевъ, показавъ рукой на членовъ:—и готовы подъ присягой...

— Помилуйте, да вѣдь, этакъ нельзя: хоть онъ тамъ и ротмистръ, хотя и говорятъ Рюриковой крови,—прибавилъ сердито исправникъ.

Петръ Ивановичъ поднялся и, опершись обѣими руками на столъ, съ чувствомъ заговорилъ:—я вамъ весьма благодаренъ, господа, за выраженныя чувства, но,—продолжалъ онъ взволнованно, съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ, — одного засвидѣтельствованія его дерзкихъ словъ недостаточно, надо доказать, что это была ложь, надо его подвести подъ ст. 7896.

— Ст. 7897,—поправилъ Иванъ Тихоновичъ.

— Да, ст. 7897. Мы, вотъ, говоримъ съ Иванъ Тихоновичемъ... Я надѣюсь на васъ, отецъ Илья, на ваше убѣдительное слово крестьянамъ Сельницкаго общества,—сказалъ Петръ Ивановичъ, смотря на протоіерея въ упоръ, словно его понукая.

— Готовъ по мѣрѣ моихъ силъ,—отвѣтилъ съ достоинствомъ протоіерей и приложилъ руку къ тому мѣсту, гдѣ у него на груди висѣлъ наперстный крестъ.

Послѣ Лупинскаго заговорилъ судья.

— Ваше вліяніе, отецъ Илья, на паству таково...

— Что мы на васъ возлагаемъ всѣ надежды!—докончилъ Петръ Ивановичъ и, не давая священнику возразить ни слова, сталъ съ жаромъ объяснять, какъ все надо сдѣлать.

Планъ былъ очень простъ: отцу протоіерею надлежало, не теряя времени, съѣздить въ деревню Сельники и тамъ убѣдить крестьянъ, что они никогда «пану маршалку» ничего даромъ не доставляли и—самое главное—ничего подобнаго никому не говорили. Протоіерей видимо колебался: расправивъ свои завитые волосы, онъ готовился что-то возразить, когда явившаяся кстати «пани маршалкова» пригласила закусить. Всѣ

перешли къ столу, въ сосѣднюю комнату, и тамъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ подноса съ закуской, протоіерей, не умѣвшій устоять противъ соблазна старой водки и портвейна, поддался духу лжи и, вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ, напутствуемый юридическими познаніями судьи Ивана Тихоновича, подкрѣплявшаго каждое свое слово наизаконнѣйшей ссылкой,—они сочинили такую стратегическую махинацію, которая рѣшительно должна была уничтожить весь военно-прокурорскій комплотъ Шольца и Зыкова.

— Покажутъ, покажутъ все, что угодно!—развязно говорилъ про крестьянъ подвыпившій іерей, ручаясь за свою паству.

— Кто ихъ знаетъ! могутъ, пожалуй, упорствовать,—замѣтилъ предусмотрительный судья.

— А въ такомъ случаѣ, вы ихъ, батюшка, по своему припугните,—сказалъ исправникъ:—геенной огненной, что-ли, тамъ...

— Нѣтъ-съ, позвольте,—остановилъ его почтительно г. Скорлупскій, до сихъ поръ молчавшій:—въ такомъ случаѣ имъ можно будетъ внушить, что деньги, слѣдуемыя имъ за дрова, поступали на сельское училище, или другія какія общественныя нужды!

— Нѣтъ, именно на училище! Безподобная штука!—воскликнулъ развязно отецъ протоіерей и, вскинувъ широкими рукавами своей рясы couleur evêque, налилъ себѣ рюмку лафита.—Такъ и скажемъ!

— И это совершенно вѣрно,—сказалъ безъ всякаго смущенія Петръ Ивановичъ:—школьное дѣло было мнѣ всегда близко, и отцу Ильѣ, какъ законоучителю, извѣстны всѣ мои пожертвованія.

— Готовъ засвидѣтельствовать передъ лицомъ всего міра,—сказалъ растроганный протоіерей, опоражнивая

свою рюмку, и почувствовавъ, что у него навертываются безпричинныя слезы, онъ сталъ прощаться.

Лупинскій проводилъ его до самаго крыльца и тамъ еще разъ крѣпко пожалъ руку. И отецъ протоіерей былъ такъ тронутъ вѣжливостью «пана маршалка», его завтракомъ и лафитомъ, — что тутъ же, на послѣдней ступенькѣ крыльца, окончательно рѣшился принять на свою душу не только всѣ мнимыя пожертвованія Петра Ивановича на школы существующія, но даже и такія, которыя, подобно школѣ въ Сельникахъ, существовали только въ воображеніи этихъ почтенныхъ людей.

Проводивъ гостей, Петръ Ивановичъ повеселѣлъ. Но онъ окончательно успокоился лишь тогда, когда узналъ, что къ ротмистру Зыкову являлся на-дняхъ сельскій староста той деревни, откуда былъ доставленъ овесъ, и отъ имени общества заявилъ, «что мужички, молъ, тогда сдуру про овесъ сболтнули, а «панъ маршалокъ» не то, что овсомъ или тамъ дровами—зерномъ не попользовался за всѣ свои милости».

— Я выслушалъ этого Іуду,—разсказывалъ потомъ негодующій Зыковъ Орловымъ, — и признаюсь, отъ души таки спустилъ его съ лѣстницы. Не могъ выдержать! Вѣдь, подлецъ, своихъ продалъ, да еще небось и сребренниковъ не взялъ, такъ, изъ одного страха рабскаго!

— Боже мой! до чего довели,—сказала Татьяна Николаевна.

— Нѣтъ, вы скажите, до чего сами дошли разбойники!—И Зыковъ энергически погрозилъ кулакомъ въ пространство.

А вечеромъ, Колобовъ сообщилъ Егору Дмитріевичу, что «панъ маршалокъ» подалъ на Зыкова за клевету

жалобу, копію съ которой обѣщалъ, съ помощью старика Гусева, достать и принести Орловымъ.

Въ городѣ началось уголовное дѣло.

XVII.

Петру Ивановичу Лупинскому рѣшительно въ послѣднее время не везло: не успѣлъ онъ направить, какъ слѣдуетъ, дѣло съ овсомъ привлеченіемъ подъ судъ ротмистра Зыкова, какъ въ «Недѣльномъ Обозрѣніи» газетъ, гдѣ нѣкогда описывалась исторія сосновскаго бунта, появилась корреспонденція о наборѣ.

Во всемъ городѣ только двое получали «Недѣльное Обозрѣніе» и нумеръ читался на расхватъ, корреспонденцію многіе даже списывали; и услужливому Ивану Тихоновичу только къ вечеру, черезъ посредство нѣсколькихъ лицъ, удалось отправить зачитанный нумеръ къ Лупинскому.

Петръ Ивановичъ, слышавшій отъ Гусева, «что въ газетахъ что-то есть», томительно желалъ знать, что именно напечатано, но, соблюдая этикетъ, показывалъ, что вовсе этимъ вздоромъ не интересуется; но онъ имъ интересовался до такой степени, что готовъ былъ отдать Богъ знаетъ что, лишь бы ускорить минуту чтенія. Наконецъ, эта минута настала: завидѣвъ судейскаго сторожа съ бумагой въ рукахъ, «панъ маршалокъ», едва владѣя собой и позабывъ все свое достоинство, выбѣжалъ на крыльцо.

— Давай сюда, давай!—закричалъ онъ, недослушавъ передаваемаго ему привѣтствія. И, схвативъ бумагу, почти выскочилъ изъ передней.

Когда онъ развернулъ листокъ, у него дрожали руки и строчки прыгали передъ глазами; сразу онъ даже не понялъ всего, но зато, когда понялъ — негодованію его не было границъ. Онъ даже развязалъ галстухъ, чувствуя, что его душитъ. Онъ бросился къ женѣ и, столкнувшись въ дверяхъ съ изумленной француженкой, даже не извинился, вопреки своей обычной вѣжливости.

— Душенька!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ Минѣ Абрамовнѣ, совѣщавшейся съ портнымъ Беркой на счетъ какого-то фасона, — душенька! поди-ка сюда.

— Что такое?—прибѣжала она встревоженная его голосомъ, застегиваясь на ходу.—Что съ тобой? — И увидѣвъ въ рукахъ мужа газету, воскликнула, всплеснувъ руками:—опять про клепку?

— У тебя какъ засѣла въ голову клепка, такъ ее оттуда ничѣмъ не выбьешь!—съ сердцемъ сказалъ Петръ Ивановичъ.—На, прочти, полюбуйся, какъ твоя пріятельница насъ отдѣлала!..—И онъ ей сунулъ газету, указавъ пальцемъ на корреспонденцію.

«Пани маршалкова» читала по-русски плохо, вдобавокъ была близорука и, взявъ газету, долго беззвучно шевелила губами. Петръ Ивановичъ былъ въ такомъ волненіи, что его все сердило: онъ то вставалъ, то опять садился.

— Ну что же, прочла наконецъ?—спросилъ онъ, остановясь передъ женой и протягивая руку къ газетѣ.

Она прочла, но, желая успокоить мужа, по своему обыкновенію, только раздражила его.

— Да тутъ ничего такого нѣтъ, нерѣшительно сказала она,—о взяткахъ не говорится ни слова.

Петръ Ивановичъ пожалъ плечами. — А тебѣ хотѣлось бы, чтобы цифры были выставлены и итоги подведены.

— Но всетаки...

— Ты вѣдь ручалась,—говорилъ онъ сердито, торопясь и глотая слова,—ты ручалась, что она не рѣшится:—«мы съ ней въ такихъ отношеніяхъ»... передразнилъ онъ жену. — Какъ же! еще на дняхъ съ визитомъ къ ней таскалась!—попрекнулъ онъ со всей несправедливостью разсерженнаго человѣка, совершенно забывъ, что онъ же самъ и настаивалъ на этомъ визитѣ.

Этого «пани» уже не могла вынести: — Ахъ, Боже мой! да не ты ли самъ?

Но онъ опять не далъ ей договорить.—Конечно, виновать я, все я...

— Что же теперь будетъ?—спросила Мина Абрамовна, съ ненавистью смотря на газету.

— А то будетъ, что она въ острогѣ насидится, въ Сибирь упеку, на каторгу... Живъ не буду, а ужъ добьюсь! Весь прокурорскій надзоръ подниму, все министерство юстиціи, на Высочайшее имя подамъ!—говорилъ онъ, почти не сознавая, что говоритъ.—Пусть докажетъ... Гдѣ улики? и я дуракъ въ предсѣдательницы ее выбралъ!—воскликнулъ онъ, стукнувъ себя по лбу.—На рожденье букетъ цвѣтовъ поднесъ, чертъ меня понесъ! И не замѣтивъ богатой риѳмы, онъ воскликнулъ: — о, дуракъ! дуракъ! и схватилъ себя за виски.

Мина Абрамовна съ страданьемъ на лицѣ, молча ожидала, пока пройдетъ эта вспышка.

Помолчавъ и отдохнувъ, «панъ маршалокъ» опять заглянулъ въ газету и опять ее бросилъ.

— Про Десятникова ей письменно отвѣтилъ, доказательство въ руки далъ! И нужно же такое затмѣніе глупѣйшее... А все ты: напиши, да напиши! «Неловко!» повторилъ онъ ея слова. Вотъ теперь вышло

очень ловко! — Онъ вскочилъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, снова сѣлъ передъ газетой.

— Удивительно право, говорилъ онъ, слѣдуя теченію мыслей, быстро мѣнявшихся въ его возбужденномъ мозгу,—удивительно, какъ эти редакторы печатаютъ разную дрянь! вѣдь человѣка не знаютъ, не вѣдаютъ, а бросить грязью готовы... Ну, что я сдѣлалъ хоть-бы этому редактору? за что онъ меня?.. И Петръ Ивановичъ замолчалъ, дожидаясь какого-нибудь утѣшительнаго слова отъ жены; но что она могла отвѣтить? Она сама страдала съ нимъ вмѣстѣ и отъ души ненавидѣла въ эту минуту всѣ газеты и всѣхъ редакторовъ на свѣтѣ.

— Скоты! проговорилъ Петръ Ивановичъ самому себѣ.

И въ своемъ справедливомъ гнѣвѣ онъ обрушился на всѣхъ, кто ему только попадался подъ руку: онъ бранилъ редакторовъ, издателей, книгопродавцевъ, всю печать; онъ бы добрался до Гуттенберга, если бы вспомнилъ о немъ въ эту минуту; онъ удивлялся, какъ Богъ допустилъ такую несправедливость, и, облегчивъ себя потокомъ гнѣвныхъ словъ, нѣсколько успокоился.

— Поди, душенька,—сказалъ онъ съ неожиданной лаской въ голосѣ,—мнѣ надо кое-что сообразить.

Жена вышла.

Но его соображенія были не легки: непріятность корреспонденціи усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Болотинскъ только-что прибылъ новый губернаторъ, про котораго ходили такіе слухи, что изъ конца въ конецъ вся Болотинская губернія вздохнула о блаженной памяти уволеннаго Михаила Дмитріевича.—«Умѣлъ взять—умѣлъ и другимъ дать!»,

говорили вздыхатели и со страхомъ ожидали грядущихъ событій. Но этотъ страхъ превратился въ настоящую панику, когда въ числѣ пяти-шести человѣкъ былъ внезапно уволенъ Шнабсъ, извѣстный губернатору еще по Вятской губерніи. Тогда многіе робкіе поспѣшили подать въ отставку сами, да и у остальныхъ на сердцѣ было неспокойно. Петръ Ивановичъ, считавшій себя на отличномъ счету въ губернаторской канцеляріи, чувствовалъ себя прекрасно, когда корреспонденція разомъ и безжалостно уничтожила все его спокойствіе. Какъ всякая корреспонденція, она, чтобы получить право печати, могла говорить о многомъ только намеками, заставлять догадываться, скрывать настоящій смыслъ между строками; но Петръ Ивановичъ, знавшій гораздо больше, нежели зналъ самъ корреспондентъ, понялъ и дополнилъ то, чего въ ней не доставало. Съ трусостью, свойственной нечистой совѣсти, онъ сталъ бояться даже того, что не было никому извѣстно.—А вдругъ!.. думалъ онъ и чувствовалъ, что его бросаетъ то въ жаръ, то въ ознобъ. Страшное слово взяточникъ, никѣмъ еще непроизнесенное, уже гремѣло у него въ ушахъ, выростало передъ глазами... Въ комнатѣ было тихо, а ему слышались явственно голоса. Это было почти наважденіе. Петръ Ивановичъ зажмурилъ глаза и долго просидѣлъ въ этомъ непріятномъ положеніи.

XVIII.

Въ тотъ же вечеръ у Орловыхъ сидѣлъ Зыковъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ корреспонденціи.

— Въ жизнь свою не читалъ ничего лучше! Коротко, ясно, оскорбительно отъ начала до конца, каждый знакъ препинанія самъ по себѣ пощечина и въ то же

время, извольте указать, что именно оскорбительно!— говорилъ онъ Татьянѣ Николаевнѣ, которая не могла не смѣяться, глядя на его возбужденное и довольное лицо. — Я, знаете, солдатамъ читалъ, сначала самъ, потомъ велѣлъ фельдфебелю прочесть:—Ну, что, спрашиваю, поняли, ребята?—Поняли, ваше высокоблагородіе.—Что же вы поняли?—Въ присутствіи мошенствовали, ваше высокоблагородіе!

— Быть не можетъ!

— Вотъ вамъ крестъ!—перекрестился Зыковъ.

— Ну, смотрите,—сказалъ Егоръ Дмитріевичъ:—«панъ маршалокъ» подастъ на васъ новую жалобу за омраченіе его чести.

— Пусть хоть самому Господу Богу жалуется! его, говорятъ, черти брали, всего коробило, какъ читалъ... Мнѣ сейчасъ Гусевъ сказывалъ, на углу встрѣтилъ... Вѣдь главное: онъ отъ васъ этого никакъ не ожидалъ, не думалъ...

— Отчего? послѣ исторіи съ Десятниковымъ онъ долженъ былъ понять, что я такъ не оставлю.

— Повѣрьте, ничего онъ не понялъ... И вдругъ такой сюрпризъ! Ну, штука! Вы послушайте, какая потѣха съ корреспонденціей была; вотъ ужъ въ самую точку попала. Получилъ я сегодня утромъ газету, прочелъ, да такъ и вскочилъ. Говорю Игнатовичу: говори—слава Богу! Ну понимаете, не могъ выдержать.— Слава Богу! говоритъ, ваше высокоблагородіе. — А теперь давай одѣваться! Положилъ нумеръ въ карманъ и иду къ обѣднѣ. Становлюсь рядомъ съ судьей Натанъ Петровичемъ и говорю ему за проповѣдью:—Заходите, говорю, ко мнѣ, какой я васъ корреспонденціей угощу—прелесть!—Нельзя, говоритъ, послѣ обѣдни у насъ крестины: еврейку Фейгу-Рейзу въ христіан-

скую вѣру приводимъ; я и отцомъ крестнымъ... А онъ, знаете, религіозный такой; ну, и съ попомъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Вотъ этого я не могу понять: какъ порядочный человѣкъ можетъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ протоіереемъ Сапіенцей? Не самъ ли Натанъ Петровичъ его прозвалъ протоевреемъ? По моему, вашъ Натанъ Петровичъ для меня загадка, которую, признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы разгадать,—сказала Татьяна Николаевна.

— Нѣтъ, онъ отличный, вы его еще не узнали... Но у него должность такая...

— То есть какая же?—спросила она съ удивленіемъ.

— А такая, что онъ долженъ быть со всѣми хорошъ,—отвѣтилъ совершенно серьезно Зыковъ.—Предсѣдатель съѣзда...

— Ну, батюшка, какъ хотите, а съ эдакой должностью поздравить нельзя!—сказалъ, смѣясь, Орловъ.

— Что же дальше, Александръ Даниловичъ?—спросила Татьяна Николаевна, замѣтивъ, что Зыковъ какъ будто, обидѣлся.—Натанъ Петровичъ сказалъ, что у нихъ крестины...

— Ну, да! мнѣ, говоритъ, къ вамъ нельзя, а заходите вы къ протоіерею, тамъ при всей публикѣ прочтете: литературно-православное утро выйдетъ, смѣется. Онъ, знаете, эдакій мѣткій, ну и, разумѣется, тотчасъ понялъ... Идемъ къ протоіерею; у него пирогъ на столѣ, самъ въ фіолетовой рясѣ, борода расчесана, попадья въ клѣтчатомъ платьѣ со шлейфомъ, исправница съ судейшей на диванѣ, какъ двуглавый орелъ—головами врозь... Полиція, юстиція, министерство просвѣщенія въ лицѣ Сосновича—словомъ, весь синедріонъ—всѣ тутъ около пирога хлопочутъ. Выбравъ удобную минуту, я вынимаю газету и громко,

знаете, говорю:—Вотъ, говорю, господа, крресподенція изъ нашего города, не угодно ли прочту? Всѣ такъ и встрепенулись, исправникъ даже жевать перестал.

— Сдѣлайте одолженіе! кричатъ,—весьма интересно... Смотрю: на лицахъ волненіе неописанное. Про всѣхъ, говорю, господа, есть.—И про меня?—спрашиваетъ, безмятежно улыбаясь, Сосновичъ, подходя ко мнѣ бокомъ.

— Про васъ, говорю, больше всѣхъ.—Вѣрно опять Орлова?—подмигиваетъ протоіерей судьѣ Ивану. Тотъ въ знакъ согласія закрываетъ глаза. Ну, сталъ читать. Читалъ съ чувствомъ, останавливался на запятыхъ, на точкахъ, на всѣхъ знакахъ препинанія. Прочелъ и спряталъ газету въ карманъ.

— Ну, и что же?—спросила Татьяна Николаевна.

— Шумъ поднялся невообразимый, всѣ разомъ заговорили, даже про пирогъ и про православную вѣру забыли. Пшепрашинскій вопитъ, потрясая рюмкой:—это клевета, оскорбленіе цѣлаго присутствія...

— Диффамація,—подсказываетъ Натанъ Петровичъ, нарочно подливая масла въ огонь.—Клевета, позорящая честь! хрипитъ исправникъ. Подайте доказательства!—Эдакъ можно кого угодно обвинить! говоритъ протоіерей, и среди всего этого шума только одинъ Сосновичъ, сохраняя свою блаженную улыбку, говоритъ мнѣ на ухо:—Ахъ, вы шутникъ, шутникъ!—а про меня-то и ни слова!—Погодите, говорю, будетъ и про васъ: не уйдете! Оставилъ ихъ въ смятеніи великомъ и ушелъ.

— Ничего, пусть потревожатся, сказалъ Егоръ Дмитріевичъ.—Толку, разумѣется, большаго не выйдетъ, но хоть осторожнѣе будутъ. А то, вѣдь, всякое чувство мѣры потеряли.

XIX.

Когда Петръ Ивановичъ вышелъ къ чаю, у Мины Абрамовны навернулись слезы: до того онъ казался разстроенъ. «Панъ маршалокъ» мрачно сѣлъ за столъ и, выпивъ одинъ стаканъ, противъ обыкновенія безъ сливокъ, сказалъ, что больше не хочетъ. Всѣ старанія жены какъ-нибудь его развлечь, не принесли никакого результата; но вышло еще хуже, когда, прибѣгая къ послѣднему рессурсу, она вдругъ заиграла какой-то модный маршъ. Услышавъ эти громкіе, торжественные, съ непрерывнымъ, оглушительнымъ гуломъ педали звуки, Петръ Ивановичъ нервно вздрогнулъ и съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ, проговоривъ съ досадой:

— Сдѣлай одолженіе, душенька, перестань, и такъ голова трещитъ...

Мина Абрамовна покраснѣла и, оборвавъ свой маршъ на полутактѣ, не говоря ни слова, закрыла рояль.

Прекративъ музыку жены, Лупинскій, несмотря на поздній часъ, послалъ за г. Скорлупскимъ, который одинъ имѣлъ способность приводить его въ нормальное состояніе. Это былъ своего рода digitalis противъ усиленнаго сердцебіенія «пана маршалка». Потолковавъ съ полчаса о корреспонденціи съ г. Скорлупскимъ, который, въ свою очередь, успѣлъ уже потолковать о томъ же съ судьей Иванъ Тихоновичемъ, Петръ Ивановичъ замѣтно пріободрился: всякое развлеченіе, всякое уклоненіе въ сторону отъ гнетущаго безпокойства мгновенно поднимало его упавшій духъ. Перекрестивъ на сонъ грядущій дѣтей, онъ пошелъ спать, подумавъ съ большимъ облегченіемъ, что утро вечера

мудренѣе. И дѣйствительно, онъ не только скоро уснулъ, но даже проспалъ дольше, чѣмъ слѣдовало, и все, что вчера казалось ему такимъ смутнымъ, запутаннымъ и даже угрожающимъ — и прибытіе новаго губернатора, и корреспонденція, и забракованный Марголинъ, и принятый Десятниковъ,—все показалось совершенно простымъ и яснымъ, и когда яркое январское солнце пробралось своими косыми лучами въ широкія щели неплотныхъ ставней, съ него соскочила всякая боязнь. Теперь онъ зналъ, что дѣлать, сказавъ самому себѣ: «что онъ не поддастся, что доказательствъ нѣтъ»; онъ надѣлъ мундиръ и рѣшительнымъ, бодрымъ шагомъ, высоко держа голову и раскланиваясь по дорогѣ направо и налѣво, отправился въ засѣданіе присутствія. Его еще вчера пасмурное лицо не сохраняло никакихъ признаковъ волненія: оно было только торжественно и строго. Поздоровавшись съ членами, стараясь не смотрѣть на Зыкова и, въ тоже время, почти противъ воли замѣчая каждое его движеніе, онъ открылъ засѣданіе. Подождавъ, пока затихъ послѣдній звукъ придвигаемаго стула, Петръ Ивановичъ поднялъ голову, оглядѣлъ всѣхъ членовъ и, вынувъ изъ бокового кармана знаменитый нумеръ «Недѣльнаго Обозрѣнія», произнесъ съ своей торопливой манерой:

— Вѣроятно вы, господа, уже слышали объ оскорбительной статьѣ подъ заглавіемъ: «Курьезы послѣдняго набора», направленной противъ членовъ воинскаго присутствія...

— Не всѣхъ,—сказалъ громко Зыковъ.—Есть такіе, которымъ оскорбляться нечѣмъ.

— Я нахожу,—продолжалъ Лупинскій, не обращая вниманія на Зыкова и дѣлая удареніе на мѣстоимѣніи.—Я нахожу, что это оскорбленіе не должно ос-

таться безнаказаннымъ и, съ своей стороны, предлагаю подать коллективную жалобу прокурору.

— Такъ, пане добродзіе, такъ!—вскричалъ докторъ Пшепрашинскій и хотѣлъ что-то продолжать; но «панъ маршалокъ», унявъ строгимъ взглядомъ его несвоевременный восторгъ, докончилъ также строго и внушительно:

— Я предлагаю привлечь къ отвѣтственности за диффамацію по 1039 ст. автора корреспонденціи, Орлову, ея пособниковъ и редактора газеты... Какъ вы, господа?.. обратился онъ къ членамъ, обводя глазами столъ.

Всѣ члены, за исключеніемъ Зыкова и отсутствующаго депутата отъ сословій, въ молчаніи наклонили головы.

— Составьте протоколъ,—обернулся «панъ маршалокъ» въ сторону Скорлупскаго, раздражаясь и почти страдая отъ насмѣшливой улыбки Зыкова, которая его преслѣдовала.

Г. Скорлупскій приготовился писать.

— Я протестую противъ оскорбительности статьи и не считаю себя оскорбленнымъ,—сказалъ, тѣмъ же отчетливымъ тономъ, ротмистръ Зыковъ и что-то записалъ у себя въ книжкѣ.

Г. Скорлупскій заскрипѣлъ перомъ.

И не успѣли члены перейти къ текущимъ дѣламъ, какъ уже вѣсть о жалобѣ и о судѣ,—подслушанная засѣдающимъ тутъ по сосѣдству членомъ опеки,—перешла въ сѣни, гдѣ толпились евреи, пробѣжала волной по площади, захватила на пути трактиры и лавки и часа черезъ два, весь городъ зналъ, что «панъ маршалокъ» отдалъ подъ судъ Орлова и ротмистра Зыкова.

Корреспонденція и наборъ произвели обычную въ

такихъ случаяхъ сенсацію въ обществѣ. Сторонникамъ Петра Ивановича пришлось поработать не мало: докторъ Пшепрашинскій доказывалъ, выходя изъ себя, что если «панъ маршалокъ» захочетъ, то не только Татьяну Николаевну или Зыкова, но кого угодно можетъ выслать въ 24 часа изъ города; судья Иванъ Тихоновичъ подыскивалъ статьи, приводилъ извѣстныя ему кассаціонныя рѣшенія; г. Скорлупскій досталъ какой-то особенный сводъ законовъ, въ которомъ нашлось указаніе, что Татьяну Николаевну можно притянуть къ суду даже по двумъ статьямъ; но Лупинскій былъ великодушенъ и сказалъ, поблагодаривъ Скорлупскаго за усердіе, что пока достаточно одной. Онъ заперся у себя въ кабинетѣ, спустилъ сторы чтобы уже рѣшительно ничѣмъ не развлекаться и сталъ что-то строчить, и когда, настрочивъ страницъ десять, наконецъ, поставилъ послѣднюю точку, то поднялъ глаза къ потолку и, облокотясь на столъ, задумался. Богъ знаетъ, что пробѣгало у него въ головѣ: дошелъ ли онъ до того, что самъ вѣрилъ, будто все имъ написанное сущая правда, или заботился больше всего о томъ, какъ бы не проврататься? Съ нѣкоторыхъ поръ онъ чувствовалъ, что въ немъ словно порвалась какая-то струна, которая прежде удерживала его отъ грязныхъ и дурныхъ дѣлъ; теперь онъ сталъ способенъ на что угодно и, не разбирая средствъ, пользовался всѣмъ, что попадало подъ руку.

XX.

Прошло двѣ недѣли, и волненіе, начинавшее понемногу затихать, вдругъ снова поднялось, когда въ «Судебномъ Вѣстникѣ» появилась замѣтка, сообщающая о привлеченіи къ суду по 1039 ст. жены надворнаго

совѣтника, Орловой, воинскаго начальника ротмистра Зыкова и редактора «Недѣльнаго Обозрѣнія» коллежскаго ассесора Кандаурова.

У Орловыхъ собралось человѣкъ пять. Пришелъ Зыковъ въ настроеніи, которое Татьяна Николаевна называла «на нѣсколько градусовъ упавшимъ». Онъ ожидалъ, что корреспонденція перевернетъ все верхъ дномъ, его вознесетъ, а членовъ повергнетъ въ прахъ и вдругъ, прочитавъ замѣтку о привлеченіи себя къ суду, пришелъ въ большое негодованіе. Онъ даже охладѣлъ къ самой корреспонденціи и, втайнѣ негодовалъ на Татьяну Николаевну.

. — И опять-таки скажу,—продолжалъ начатый разговоръ съ Егоромъ Дмитріевичемъ Зыковъ,—что пользы не будетъ никакой: прочтутъ, узнаютъ, что въ такомъ-то городѣ есть взяточники, и скажутъ, какъ Захаръ Обломовъ про клоповъ: а какже въ благоустроенномъ государствѣ безъ взяточниковъ? Повѣрьте, что толку не будетъ...

— Т. е. ихъ не сошлютъ въ Сибирь, хотите вы сказать?

— Даже изъ службы не выгонятъ! У насъ, вѣдь, все такъ: никогда не знаешь, что выйдетъ: за одно и то же дѣло могутъ орденъ повѣсить и подъ судъ отдать... Польза! Даже смѣшно сказать! — воскликнулъ онъ съ горечью.

— Но польза ужъ та,—сказала Орлова,—что фактъ указанъ, что не всѣ молчатъ, и сами же вы говорите, что они станутъ осторожнѣе... Достаточно пока и того, что въ ихъ средѣ образовался расколъ: они станутъ слабѣе..

— Такъ, такъ, Татьяна Николаевна: divide et im-

pera!—сказалъ Шольцъ, услыхавъ ея послѣднія слова. (Онъ входитъ въ комнату).

— Еще до этого далеко,—отвѣтилъ ему, здороваясь, Орловъ и усадилъ рядомъ съ Зыковымъ.

— А вы знаете, васъ подъ судъ?—сказалъ Шольцъ Татьянѣ Николаевнѣ.

— Какъ же! Прежде всѣхъ Степанъ доложилъ:— «васъ, говоритъ, барыня, производитель въ острогъ хочетъ»... Ну, и прекрасно,—отвѣчала она Зыкову: — пусть, говорите вы, ничего не выйдетъ, пусть ихъ всѣхъ наградятъ, а меня и васъ подъ судъ...

— За что же меня, помилуйте?

— Нѣтъ, непремѣнно и васъ! Но развѣ можно молчать при видѣ такихъ вопіющихъ фактовъ, какъ этотъ случай съ Десятниковымъ? Потому-то мы никогда и не можемъ довести никакого дѣла до конца, что, послѣ первой попытки, ждемъ непремѣнно удачи, требуя такихъ результатовъ, какихъ желаемъ сами. Чуть не вышло по нашему, у насъ тотчасъ пропадаетъ охота продолжать начатое, опускаются руки и въ то же время, какъ мы кладемъ оружіе, утомившись и ничего не сдѣлавъ. такіе неутомимые бойцы, какъ Лупинскій, соединяются плотнѣе и дѣйствуютъ съ удивительнымъ согласіемъ... Возьмите хоть эту несчастную корреспонденцію: если къ ней и относится кто снисходительно (ни въ какомъ случаѣ, однако, не оправдывая корреспондента, потому не женское дѣло), то потому лишь, что она интересна, какъ своего рода скандалъ, какъ пикантная новость, а заглянуть поглубже никто и не подумаетъ... Вы только посмотрите на эту разрозненность, на ту, почти, враждебность, съ которой мы относимся другъ къ другу, тогда какъ они...

— А все это, господа, потому, — сказалъ Егоръ

Дмитріевичъ,—что они защищаютъ себя, а вы взялись защищать то общее дѣло, въ которое умные люди ужъ и вѣрить перестали... Теперь за Лупинскаго всѣ,—продолжалъ онъ,—тутъ и Гвоздика, и Сосновичъ, и опека, и полиція...

— Ну, да! И его выгородятъ, а я останусь въ дуракахъ,—сказалъ Зыковъ, вставая и принимаясь ходить.

— Знаете, Александръ Даниловичъ, — сказала ему Татьяна Николаевна, — есть случаи, когда честнѣе и даже умнѣе—извините за парадоксъ—остаться въ дуракахъ... Я, по крайней-мѣрѣ, этого не боюсь.

— Да и я не боюсь, а вотъ увидите, чѣмъ все это кончится: недаромъ Натанъ Петровичъ говоритъ...

— Натанъ Петровичъ прекрасный человѣкъ, — возразила Татьяна Николаевна, — но я не всегда вѣрю тому, что онъ говоритъ. Мнѣ кажется, что онъ говоритъ одно только затѣмъ, чтобы на слѣдующій день сказать совсѣмъ другое...

Въ эту минуту вошелъ Комаровъ, а за нимъ Колобовъ.

— Вы слышали? — спросилъ осторожно Комаровъ, здороваясь съ Татьяной Николаевной.

— А вы не слыхали?– отвѣтила она, смѣясь.

— Нѣтъ, мнѣ аптекарша сообщила: «пани Орлову, говоритъ, на три мѣсенца до острога».—Это, спрашиваю, вы рѣшили? Не, Боже брони! Я же говорю, что люди кажутъ.

— А вамъ, Петръ Дмитріевичъ, кто сказалъ?

— Пшепрашинскій на всю улицу провозгласилъ... Имъ, знаете, какой теперь праздникъ.

— Ну, вотъ видите! — воскликнулъ Зыковъ.

— Неужели вы испугались аптекарши, Александръ Даниловичъ? — спросила Татьяна Николаевна.

— Аптекарши, не аптекарши, а одинъ въ полѣ не воинъ!—сказалъ Шольцъ, являясь, противъ своего обыкновенія, на поддержку Зыкова.

— Знаете, Густавъ Андреевичъ, одностороннее толкованіе этой пословицы сдѣлало очень много вреда и никогда никому не принесло пользы. Оно, конечно, за большинствомъ идти легче, но, извините, я лучше предпочту остаться совсѣмъ одна... вотъ только съ нимъ!—показала она на мужа.

— А вы слышали, Александръ Даниловичъ,—спросилъ Комаровъ ротмистра, — какимъ способомъ «панъ маршалокъ» получаетъ за каждаго пропущеннаго въ присутствіи жида?

— Нѣтъ, не слыхалъ,—сказалъ, оживляясь, Зыковъ.

— Я полагаю, у него разные способы, — замѣтилъ серьезно Колобовъ.

— Но одинъ заслуживаетъ особеннаго одобренія: въ день осмотра онъ уѣзжаетъ устраивать бытъ сельскаго духовенства, и вся сдѣлка совершается безъ него...

— Юридическое alibi,—сказалъ Шольцъ.

— Понимаете! вся штука въ томъ, что онъ къ этому непричастенъ.

— Какова тонкость, какова отдѣлка!—воскликнулъ Зыковъ почти въ восторгѣ. — И сколько нужно было положить науки, чтобы дойти до такой чистоты въ мошенничествѣ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ форменную фуражку—практикуется,—тѣмъ же тономъ сказалъ Колобовъ.

— Впослѣдствіи онъ это до того упростилъ,—продолжалъ Комаровъ,—что даже никуда не ѣздилъ, а просто объявлялся отсутствующимъ.

— Откуда вы это знаете?—спросилъ, озабоченно, Шольцъ.

— Акула въ клубѣ разсказывалъ...

— Вотъ колодникъ-то!—проговорилъ въ негодованіи Колобовъ, продолжая дѣлать свои замѣчанія a parte.

— Неужели нельзя его за это, на скамью?—спросилъ Егоръ Дмитріевичъ у Шольца.

Тотъ молчалъ, что-то соображая.

— Видите: ужъ задумался, — сказалъ съ упрекомъ Зыковъ:—У нихъ, батюшка, ничего нельзя! И на что только, прости Господи! эти прокуроры существуютъ? воскликнулъ ротмистръ и сталъ прощаться.

— Такъ какъ же на счетъ редактора-то, Александръ Даниловичъ?—остановила его Татьяна Николаевна.—Дадите ли вы мнѣ копію съ вашихъ постановленій; вѣдь надобно же его выгородить...

Зыковъ нѣсколько замялся.—То-есть какія же копіи? По нашему военному закону я этого не могу...

— Но вѣдь вы же подтверждаете, что сообщенныя мною цифры и свѣдѣнія вѣрны?

— Совершенно.

— Въ такомъ случаѣ, чтобы не нарушать вашего военнаго закона, подтвердите это письмомъ, а я его отошлю редактору...

— Съ большимъ удовольствіемъ,—сказалъ съ нѣсколько принужденной улыбкой Зыковъ.

— По крайней мѣрѣ, въ случаѣ суда...

— Ужъ суда никакъ не миновать,—увѣренно произнесъ прокуроръ.

— А мнѣ, напротивъ, кажется,—возразила Орлова,—что никакого суда не будетъ, а такъ все пройдетъ и, по немногу, покроется мракомъ забвенія.

— Ни въ какомъ случаѣ,—также рѣшительно повторилъ Шольцъ.—Прокуроръ не имѣетъ права отказать въ принятіи жалобы по ст. 1039. Онъ можетъ отказаться отъ обвиненія, но суда не избѣгнете...

— Тѣмъ лучше! — воскликнула Орлова.—Этимъ, по крайней мѣрѣ, приподнимется хотя маленькій уголокъ той, закрытой со всѣхъ сторонъ, сцены Полѣсья, гдѣ дѣлается столько беззаконій... и даже на глазахъ у прокурора!—прибавила она, прощаясь и отходя отъ двери.

— Татьянѣ Николаевнѣ хорошо говорить, когда она всему этому непричастна,—говорилъ недовольнымъ тономъ Зыковъ, возвращаясь домой.

— Какъ непричастна, когда она первая идетъ подъ судъ? возразилъ Колобовъ.

— Да, но это не повредитъ ея карьерѣ,—сказалъ Зыковъ, думая въ это время о какой-то полученной имъ бумагѣ «сверху».

— Ты замѣтилъ, какъ Зыковъ остылъ?—сказала, по уходѣ гостей, Татьяна Николаевна мужу.—Я даже думаю, что онъ письма не дастъ...

— Навѣрное дастъ. Сегодня онъ былъ подъ вліяніемъ мудраго Натана, потому и пятился, и тутъ же бумажку получилъ, въ которой рекомендуютъ быть поумѣреннѣе...

Егоръ Дмитріевичъ не ошибся, и на другой день, за чаемъ, Степанъ подалъ Татьянѣ Николаевнѣ большой запечатанный конвертъ. Это было письмо, которымъ ротмистръ Зыковъ оффиціально подтверждалъ справедливость статьи: «Курьезы по набору». Письмо это Татьяна Николаевна немедленно отправила въ Петербургъ, а вечеромъ всѣмъ въ городѣ стало извѣстно, что ротмистръ Зыковъ «все взялъ на себя», совершенно выгородивъ Татьяну Николаевну и редактора «Не-

дѣльнаго Обозрѣнія». Совершивъ этотъ гражданскій подвигъ, рискуя, какъ онъ говорилъ, своей карьерой, Зыковъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы его поступокъ получилъ возможно большую распространенность. Онъ опять поднялся духомъ и, въ день письма, чувствовалъ себя настоящимъ героемъ. Напротивъ того, Петръ Ивановичъ Лупинскій, узнавъ о письмѣ, пришелъ въ сильное раздраженіе: возможность выпутать изъ дѣла Татьяну Николаевну казалась ему новымъ оскорбленіемъ со стороны Зыкова.

— Нѣтъ! этому не бывать!—воскликнулъ онъ и бросилъ недокуренную папиросу.

Бѣдный «панъ маршалокъ», чувствовавшій себя, за два часа до того, столь бодрымъ и увѣреннымъ, подъ давленіемъ этого «нелѣпаго» письма, какъ онъ выразился,—вдругъ почувствовалъ приливъ того безпокойства, отъ котораго у него тотчасъ же начинало болѣть подъ ложечкою. Онъ сдѣлался суетливъ, перемѣнился въ лицѣ и, чтобы какъ-нибудь развлечься, рѣшилъ съѣздить въ Болотинскъ.

XXI.

«Панъ маршалокъ» отправился вмѣстѣ съ женой. Слухъ о ихъ отъѣздѣ сопровождался разными коментаріями. Старикъ Гусевъ, подъ большимъ секретомъ, сообщилъ Колобову, что Лупинскій вынулъ изъ опекунскаго сундука свои деньги,—«могутъ понадобиться», подмигнулъ онъ значительно, и продолжая такимъ же образомъ секретничать въ каждомъ домѣ, куда заходилъ, очень скоро распространилъ слухъ, что «панъ маршалокъ» поѣхалъ жаловаться куда-то такъ высоко, что захватилъ съ собою всѣ деньги.

— Жаловаться, жаловаться поѣхалъ!—говорили всѣ

и сообщали другъ другу разныя соображенія. Маленькое, праздное и любопытное общество интересовалось поѣздкой Лупинскаго въ Болотинскъ еще и потому, что, съ назначеніемъ новаго губернатора, всѣ ждали, что въ губерніи повѣетъ новымъ духомъ. Въ то время ходилъ еще весьма распространенный слухъ, будто самое назначеніе это состоялось съ цѣлью очистить воздухъ Болотинской губерніи—и это аллегорическое выраженіе было понято всѣми въ надлежащемъ смыслѣ. Впослѣдствіи, все это такъ и осталось на степени аллегоріи; но тогда съ умиленіемъ разсказывали, что новый губернаторъ принялъ даже какую-то бабу изъ самой дальней волости, и, по ея жалобѣ, немедленно назначилъ строжайшее разслѣдованіе. Насколько все это было вѣрно,—да и было ли вообще что-нибудь подобное—никто не спрашивалъ, а прямо всѣ повѣрили и многіе пришли въ уныніе.

Представившись новому губернатору въ губернскомъ городѣ, Петръ Ивановичъ оставилъ жену въ жидовской гостинницѣ, а самъ,—подобно Іонѣ, пропадавшему трое сутокъ во чревѣ китовѣ,—на трое сутокъ куда-то пропалъ. И всѣ три дня, слѣдуя данной инструкціи, Мина Абрамовна дѣлала утромъ визиты женамъ разныхъ совѣтниковъ, прокуроровъ и секретарей, а вечеромъ, тяготѣя душой къ костелу, молилась передъ «маткой Боской» и «Свентымъ Яномъ», сложивъ руки «по польску», и прося о погибели своихъ многочисленныхъ враговъ. Эти три дня показались ей безконечными.

Наконецъ, Петръ Ивановичъ вернулся.

— Ну что?—спросила она съ трепетомъ, дождавшись, однако, пока онъ развяжетъ свой шарфъ.

— А вотъ мы теперь посмотримъ!—сказалъ онъ

кому-то угрожающимъ тономъ и послалъ за почтовыми лошадьми.

Въ сумерки февральскаго дня, Лупинскіе, возвратясь въ уѣздный городъ, подъѣхали къ своей квартирѣ. Въ тотъ же вечеръ былъ собранъ весь синклитъ, а на другой день докторъ Пшепрашинскій, въ должности герольда, громко возвѣщалъ, что пріемъ у губернатора былъ блистательный, что «панъ маршалокъ» не только удостоился пожатія руки, но даже былъ приглашенъ на чашку чаю. За Пшепрашинскимъ повторялъ то же самое старикъ Гусевъ и остальные члены опеки. Вскорѣ всѣ узнали, что не только губернаторъ остался доволенъ Лупинскимъ, но, что гораздо важнѣе, и самъ Лупинскій остался доволенъ губернаторомъ.

Пани маршалкова» отнесла все къ заступничеству «свентего Яна» и дала себѣ слово, при первомъ благопріятномъ случаѣ, снова вернуться въ лоно католической церкви.

XXII.

Послѣ каждаго засѣданія благотворительнаго общества вошло въ обычай собираться у Орловыхъ.

Зыковъ, очутившійся разомъ подъ двумя слѣдствіями, былъ въ послѣднее время почти всегда не въ духѣ. Дѣло объ овсѣ слагалось не совсѣмъ благопріятно. Напуганный таинственными ст. 1039 и 1055, не допускающими свидѣтельскихъ показаній, слыша со всѣхъ сторонъ разныя предостереженія и коварные намеки, сбитый съ толку подсмѣивающимся надъ его гражданскимъ мужествомъ Натанъ Петровичемъ, Зыковъ переживалъ въ день нѣсколько направленій: то ему чудилось, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, герой и ему надо стоять до конца, то онъ называлъ себя осломъ и хотѣлъ все бросить. Онъ словно ходилъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ.

Дѣло съ овсомъ занимало всѣ городскіе и уѣздные умы: паны радовались скандалу съ «маршалкомъ», котораго имъ навязали; сторонники Петра Ивановича выходили изъ себя, стараясь доказать ему свою преданность.

Теперь у Орловыхъ только-что кончили чай и перешли въ гостиную.

— И все-таки можете отвѣчать,—говорилъ Шольцъ Зыкову, продолжая начатый разговоръ.

— Ну вотъ подите съ нимъ!—обратился Зыковъ къ присутствующимъ:—Да какая же тутъ клевета, когда вы сами слышали показанія крестьянъ?

— По закону, началъ ровнымъ голосомъ прокуроръ,—все, что не доказано—именуется клеветой. Техническій терминъ, прибавилъ онъ съ авторитетомъ признаннаго юриста.

— Законъ обставленъ формальностями, которыя нельзя безнаказанно нарушать,—сказалъ судья, Натанъ Петровичъ, присоединяясь къ прокурору.

Но Зыковъ, находящійся теперь въ моментѣ своего поднятія, не могъ проникнуться такими доводами:—Законъ!—усмѣхнулся онъ.—Нынче все сваливаютъ на законъ, какъ прежде сваливали на лукаваго... Да что тутъ толковать! я вамъ докажу примѣромъ, или лучше сказать, анекдотомъ...

— У васъ, вѣдь, все анекдоты! съ неудовольствіемъ замѣтилъ прокуроръ.

А вы думаете у васъ ихъ нѣтъ?—спросилъ Зыковъ.— Да вся служба-то ваша одинъ безконечный анекдотъ; только и серьезнаго, что 20-е число.

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!—воскликнулъ Шольцъ,

кому-то угрожающимъ тономъ и послалъ за почтовыми лошадьми.

Въ сумерки февральскаго дня, Лупинскіе, возвратясь въ уѣздный городъ, подъѣхали къ своей квартирѣ. Въ тотъ же вечеръ былъ собранъ весь синклитъ, а на другой день докторъ Пшепрашинскій, въ должности герольда, громко возвѣщалъ, что пріемъ у губернатора былъ блистательный, что «панъ маршалокъ» не только удостоился пожатія руки, но даже былъ приглашенъ на чашку чаю. За Пшепрашинскимъ повторялъ то же самое старикъ Гусевъ и остальные члены опеки. Вскорѣ всѣ узнали, что не только губернаторъ остался доволенъ Лупинскимъ, но, что гораздо важнѣе, и самъ Лупинскій остался доволенъ губернаторомъ.

Пани маршалкова» отнесла все къ заступничеству «свентего Яна» и дала себѣ слово, при первомъ благопріятномъ случаѣ, снова вернуться въ лоно католической церкви.

XXII.

Послѣ каждаго засѣданія благотворительнаго общества вошло въ обычай собираться у Орловыхъ.

Зыковъ, очутившійся разомъ подъ двумя слѣдствіями, былъ въ послѣднее время почти всегда не въ духѣ. Дѣло объ овсѣ слагалось не совсѣмъ благопріятно. Напуганный таинственными ст. 1039 и 1055, не допускающими свидѣтельскихъ показаній, слыша со всѣхъ сторонъ разныя предостереженія и коварные намеки, сбитый съ толку подсмѣивающимся надъ его гражданскимъ мужествомъ Натанъ Петровичемъ, Зыковъ переживалъ въ день нѣсколько направленій: то ему чудилось, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, герой и ему надо стоять до конца, то онъ называлъ себя осломъ и хо-

тѣлъ все бросить. Онъ словно ходилъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ.

Дѣло съ овсомъ занимало всѣ городскіе и уѣздные умы: паны радовались скандалу съ «маршалкомъ», котораго имъ навязали; сторонники Петра Ивановича выходили изъ себя, стараясь доказать ему свою преданность.

Теперь у Орловыхъ только-что кончили чай и перешли въ гостиную.

— И все-таки можете отвѣчать,—говорилъ Шольцъ Зыкову, продолжая начатый разговоръ.

— Ну вотъ подите съ нимъ!—обратился Зыковъ къ присутствующимъ:—Да какая же тутъ клевета, когда вы сами слышали показанія крестьянъ?

— По закону, началъ ровнымъ голосомъ прокуроръ,—все, что не доказано—именуется клеветой. Техническій терминъ, прибавилъ онъ съ авторитетомъ признаннаго юриста.

— Законъ обставленъ формальностями, которыя нельзя безнаказанно нарушать,—сказалъ судья, Натанъ Петровичъ, присоединяясь къ прокурору.

Но Зыковъ, находящійся теперь въ моментѣ своего поднятія, не могъ проникнуться такими доводами:—Законъ!—усмѣхнулся онъ.—Нынче все сваливаютъ на законъ, какъ прежде сваливали на лукаваго... Да что тутъ толковать! я вамъ докажу примѣромъ, или лучше сказать, анекдотомъ...

— У васъ, вѣдь, все анекдоты! съ неудовольствіемъ замѣтилъ прокуроръ.

А вы думаете у васъ ихъ нѣтъ?—спросилъ Зыковъ.—Да вся служба-то ваша одинъ безконечный анекдотъ; только и серьезнаго, что 20-е число.

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!—воскликнулъ Шольцъ,

вставая и отходя отъ только-что усѣвшагося Зыкова.

— Да въ чемъ же дѣло, господа?—спросила Татьяна Николаевна, разговаривавшая у окна съ Колобовымъ.

— А вотъ въ чемъ,—началъ Зыковъ, откашливаясь и приступая къ разсказу:—всѣмъ вамъ, господа, извѣстно, что мы, среди улицы и среди бѣла дня, поймали Лупинскаго съ дровами, т. е. съ овсомъ, поправился онъ.—При пяти свидѣтеляхъ, десять человѣкъ крестьянъ, передъ образомъ, показали, что привезли овесъ даромъ за какую-то копію. Прокуроръ, вотъ этотъ самый, всѣ ихнія слова слышалъ, собственноручно записалъ, скрѣпилъ — и что же? Оказывается, что ничего этого не было, никто ничего не говорилъ, никто ничего не слыхалъ... Миражъ какой-то и только!

— Я этого не говорю,—сказалъ сердито Шольцъ.

— Человѣкъ пойманъ съ поличнымъ, какъ у нихъ тамъ говорится, уличенъ въ вымогательствѣ — и, въ заключеніе, я же могу отвѣчать за распространеніе слуховъ, помрачающихъ честь извѣстнаго мошенника... Что же это за законъ, что же это за судьи, которые правды отъ лжи отличить не могутъ?

— Да вы поймите,—заговорилъ, начиная горячиться, Шольцъ,—что всѣ ваши десять мужиковъ откажутся отъ своихъ словъ, отопрутся...

— А вы то на что? Вѣдь, надѣюсь, вы не откажетесь, не отопретесь, какъ мужики?

— Да что вы меня все суете?

— А куда же я васъ дѣну? Вы прокуроръ, вы стражъ закона — какъ же вы откажетесь отъ свидѣтельства собственныхъ ушей? Какъ откажутся солдаты отъ того, что видѣли и слышали?

— Солдаты вамъ подчинены, — возразилъ Натанъ

Петровичъ,—можно допустить, что они покажутъ все, что вамъ угодно?..

— А почему же, въ такомъ случаѣ, не допустить, по аналогіи, что крестьяне, будучи подчинены Лупинскому, отказываются отъ своихъ словъ изъ опасенія разныхъ репрессивныхъ мѣръ?—сказалъ Егоръ Дмитричъ.

— Да, почему этого не допустить?—обрадовался новому аргументу Зыковъ, обращаясь къ прокурору.—Ну, хорошо: пусть солдаты подчинены мнѣ, крестьяне Лупинскому, пусть это для нихъ законная причина врать, но вѣдь вы-то, Густавъ Андреевичъ, не подчинены, слава Богу, ни мнѣ, ни ему — такъ почему же ваше показаніе ничего не значитъ?

— Да говорятъ же вамъ, что они могутъ отречься, подъ присягой, на слѣдствіи показать, что ничего не говорили, что ничего этого не было...

— Стало, выходитъ, что мы съ вами все это выдумали?

— Стало, что такъ.

— Въ такомъ случаѣ знаете что?—сказалъ Зыковъ. внезапно утихая: — напрасно я васъ, батюшка, тогда потревожилъ, лежали бы себѣ на диванѣ съ своей мигренью, все то же было бы...

— Я вамъ тогда же говорилъ, что изъ этого можетъ ничего не выдти.

— Да изъ чего же у васъ что-нибудь выходитъ? вѣдь поймали, уличили?

— Нѣтъ, еще не уличили,—сказалъ судья.

— Поймали, уличили,—настойчиво повторилъ Зыковъ,—и всетаки ничего не выйдетъ, удивительно!..

— Ничего нѣтъ удивительнаго, кабы вы знали получше судебные уставы...

— И горжусь тѣмъ, что не знаю, по крайней мѣрѣ,

могу отличить честнаго человѣка отъ негодяя, а вы съ своими уставами скоро до того дойдете...

— Послушайте, господа, — сказалъ Егоръ Дмитріевичъ, — мнѣ кажется, что вы совершенно по-напрасну горячитесь: отрекутся крестьяне отъ своихъ словъ или нѣтъ — это нисколько не измѣнитъ того обстоятельства, что Лупинскій получилъ овесъ въ видѣ взятки.

— Какимъ же образомъ, — спросили одновременно, судья и прокуроръ.

— Да вѣдь вы помните, что онъ говоритъ въ своей жалобѣ?

— На, вотъ прочти! — сказала Татьяна Николаевна, подавая мужу исписанный листокъ.

— Однако, вы запаслись важнымъ документомъ, — сказалъ, съ своею тонкой улыбкой на губахъ, Натанъ Петровичъ.

— По милости Петра Дмитріевича и вѣроломства Гусева...

— Вотъ, господа, обратите вниманіе... — И Егоръ Дмитріевичъ явственно прочелъ: «Крестьяне сельницкаго общества, считая себя обязанными мнѣ за благополучный для нихъ исходъ дѣла о надѣленіи ихъ землею, разновременно, противъ моего желанія, привозили мнѣ овесъ; отъ полученія денегъ хотя и отказывались, но всегда принимали въ томъ размѣрѣ, въ какомъ сами оцѣняли овесъ. Такъ было и въ послѣдній разъ, когда крестьяне, отъ водки ротмистра Зыкова, а еще больше отъ его громкаго голоса—совсѣмъ одурѣли и говорили то, что онъ приказывалъ»...

— Какова наглость, Боже ты мой! — всплеснулъ руками Зыковъ.

— И наглость, и глупость вмѣстѣ, — сказалъ Егоръ Дмитріевичъ. — Вы только вникните въ эту путаницу

разнорѣчивыхъ показаній: то крестьяне отказываютс отъ денегъ, то сами назначаютъ цѣну, то, назначивъ цѣну и, слѣдовательно, сторговавшись, денегъ не получаютъ, потому-что онѣ обращаются на училище...

— Да помилуйте! Это училище никогда не существовало, и вотъ Платонъ Антоновичъ... да гдѣ же онъ? — обернулся Зыковъ.

— Платонъ Антоновичъ всегда ретируется потихоньку, — замѣтилъ судья.

— Онъ рано встаетъ и рано ложится, — сказала Татьяна Николаевна.

— Ну, и Господь съ нимъ! Такъ я говорю, что это училище никогда не существовало, — повторилъ Зыковъ.

— А кто будетъ этого доискиваться? — спросилъ Шольцъ. — Поступали деньги на училище и баста!

— Финалъ лучше всего. Слушайте... «Причемъ виновность его, (Зыкова), усугубляется еще тѣмъ, что, зная о моемъ нерасположеніи къ прусскому подданному Шольцу, онъ не только находится въ пріятельскихъ къ нему отношеніяхъ, но даже приглашалъ присутствовать при ложномъ показаніи на меня крестьянъ»... Какъ вамъ это нравится? развѣ это не полнѣйшее помраченіе и чести, и разсудка вмѣстѣ?.

— Безподобно! — засмѣялся Шольцъ.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь! — сказалъ Зыковъ, сердито глядя на хохотавшаго Шольца, на котораго ему подмигивалъ судья.

— Да помилуйте, Александръ Даниловичъ, какъ же тутъ не смѣяться? Вѣдь если эта жалоба не съумасшедшаго, такъ вѣдь это собственноручный обвинительный приговоръ, — сказалъ Егоръ Дмитріевичъ, отдавая листокъ женѣ. — И какое тутъ слѣдствіе, когда

онъ добровольно покаялся, что бралъ овесъ за какой-то благополучный исходъ?

— Ну вотъ, Егоръ Дмитричъ, мы съ вами и не юристы, и уставовъ ихнихъ наизусть не знаемъ, однако, понимаемъ же суть: ну, скажите, какъ я могу подлежать отвѣтственности за клевету, если по свидѣтельству самого прокурора...

— А какъ я могу свидѣтельствовать, если, по слѣдствію, окажется, что крестьяне врали?

— Зачѣмъ имъ было врать, когда они передъ лампадой, передъ Александромъ Невскимъ...

— Въ серебряной ризѣ,—невольно подумала Татьяна Николаевна.

— Клялись, что все правда? Развѣ мы ихъ тянули за языкъ? Или вы тоже свернете на мой громкій голосъ? Люди показали передъ лампадой...

— Да что вы все съ вашей лампадой?—сказалъ Шольцъ.

— Какъ—что съ лампадой? Вотъ и видно сейчасъ, что вы нѣмецъ...

— Послушайте, Густавъ Андреевичъ, убѣждены ли вы, что Лупинскій получилъ овесъ даромъ?—спросила Татьяна Николаевна, желая прекратить споръ.

— Убѣжденъ, что и не одинъ овесъ,—рѣшительно отвѣчалъ Шольцъ.

— Ну, такъ за что же будетъ отвѣчать Александръ Даниловичъ: вѣдь это похоже на то, какъ если бы васъ обвинили въ поджогѣ только потому, что, увидѣвъ огонь, вы первый дали бы знать о пожарѣ...

— Все это такъ, но юридическая истина очень часто расходится съ фактической и, какъ справедливо замѣтилъ Натанъ Петровичъ, судъ обставленъ такими формальностями...

— Которыя,—перебилъ Зыковъ,—даютъ возможность

честнаго человѣка посадить въ острогъ, а негодяя вознести на пьедесталъ... Эхъ, господа, господа! вздохнулъ онъ,—а еще беретесь судить! Книжники вы и фарисеи—вотъ вы кто!—продолжалъ, разгорячившійся до степени кипѣнія, Зыковъ.—За книжными-то мертвыми буквами вы живыхъ людей не видите, не видите, что сильный душитъ слабаго, да еще требуетъ, чтобы тотъ не кричалъ... Я благодарю моего Бога,—перекрестился Зыковъ,—что я только мытарь и ничего больше?

— Вотъ онъ всегда такъ,—сказалъ Шольцъ:—свернетъ на священное писаніе и думаетъ, что онъ правъ.

— А вы свернете на законъ и воображаете, что ужъ коли не судья, да не прокуроръ—такъ и рта не смѣй разинуть.

— Вотъ и урезоньте его!—тономъ сожалѣнія сказалъ Шольцъ.—Такъ по вашему вся бѣда значитъ въ законѣ—не будь закона, такъ въ этомъ уѣздѣ благоденствовали бы!..

— Да, пожалуй, что было бы нехуже,—сказалъ Колобовъ, видимо одобрявшій Зыкова.

— Не въ законѣ, а въ законникахъ,—возразилъ прокурору Зыковъ.—Меня, батюшка, не собьете.—«Законы святы, да судьи-то лихіе супостаты», гдѣ-то говорится. Я вѣдь тоже въ свое время кое-чему учился... Много забылъ, конечно, а иногда въ голову приходитъ... Въ тѣхъ законникахъ,—продолжалъ онъ съ увлеченіемъ, поймавъ одобрительную улыбку Колобова,—что, держась обѣими руками за свои 10 томовъ, скорѣе готовы упрятать въ острогъ невиннаго человѣка, нежели отступить хоть на іоту отъ печатной буквы. А еще говорятъ: мировой судья можетъ судить по внутреннему убѣжденію. Кой чертъ, напримѣръ, у Лабиринтова внутреннее убѣжденіе или хоть

у Мосолова? Вонъ, намедни ваши праведные судьи,— обратился онъ къ Натанъ Петровичу,—осудили какого-то мужичка на два мѣсяца въ острогъ за оскорбленіе ясновельможнаго пана Іосифа Липкевича изъ Озерковъ, а этого пана и оскорбить-то нельзя, потому онъ самимъ Богомъ съ минуты зачатія оскорбленъ... Плутъ, говорятъ, первѣйшій...

— За что же именно осудили? — спросила Татьяна Николаевна.

— А за то, что выразился про его панство неловко, а онъ, не то что ловко выражаться, онъ по человѣчески говорить не умѣетъ, понятія не имѣетъ, что за оскорбленіе такое... Его самого всю жизнь били, раззоряли, всячески душили, онъ не оскорблялся, а тутъ вдругъ слово какое-то выговорилъ, подвернулось сгоряча—тотчасъ подъ судъ и въ острогъ. Осудили, улыбаются и руки потираютъ: мы, молъ, долгъ свой исполнили, за-то каждое 20-е число руку протягиваемъ.

— Теперь я вспоминаю, — сказала Татьяна Николаевна,—Петръ Дмитріевичъ мнѣ про это дѣло разсказывалъ; но только я хорошенько не поняла, въ чемъ же заключалась вина крестьянина...

— И понять нельзя,—проворчалъ Зыковъ.

— Въ томъ, — отвѣтилъ Татьянѣ Николаевнѣ Шольцъ, — что крестьянинъ Терентій Козелъ гдѣ-то въ шинкѣ или на сходкѣ, словомъ въ какомъ-то собраніи, выразился...

— Разумѣется, не въ нашемъ благородномъ клубѣ,— насмѣшливо произнесъ Зыковъ, умышленно выговаривая слово «благородный» съ удареніемъ.

— Постойте вы! — нетерпѣливо махнулъ ему рукой Шольцъ.—Гдѣ-то сказано: «что панъ Липкевичъ планъ испортилъ», подразумѣвая, что онъ его въ свою пользу измѣнилъ.

— Да это такъ и было: планъ дѣйствительно измѣненъ,—я это знаю достовѣрно, сказалъ Колобовъ.

— Панъ, конечно, подалъ жалобу, — продолжалъ Шольцъ, — и изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось...

— Ничего изъ нихъ не выяснилось!—воскликнулъ съ сердцемъ Зыковъ, — вѣдь я самъ былъ на съѣздѣ, чуть всѣхъ не выругалъ... Сижу я это у нихъ въ судѣ, смотрю на этихъ праведниковъ и думаю: Господи ты Боже мой! отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ! Вотъ Мосоловъ и добрый человѣкъ, табаку мнѣ отъ Эгизы изъ Кіева привезъ, а не могу не сказать: сидитъ и, какъ видно, ничего не понимаетъ, только глазами хлопаетъ... Смотрю на мужика, на Терентія Козла (ужъ именно козелъ отпущенія!), кафтанишко худой, еле на плечахъ держится, зипунъ, колтунъ, лицо какое-то съежившееся, н самъ-то онъ съежился, а передъ нимъ этотъ судъ скорый и милостивый... Скоръ-то онъ, скоръ, а ужъ милостивъ ли? Одному Богу извѣстно.—Ты,—спрашиваетъ Лабиринтовъ у мужика,—слово это произнесъ? — Произнесъ, господинъ судебный,—отвѣчаетъ Козелъ, испуганно озираясь по сторонамъ, въ родѣ, какъ знаете, попадется въ мышеловку мышь и не знаетъ, куда выскочить... «Въ виду сознанія обвиняемаго и въ силу такой-то статьи,—говоритъ господинъ судебный, потирая руки съ удовольствіемъ охотника, поймавшаго дичь, постановляется и т. д.» Ну, тотчасъ постановленіе—и въ темницу...

— Извините, я протестовалъ, сказалъ Шольцъ.

— Да что въ вашемъ протестѣ! —съ оттѣнкомъ пре-

зрѣнія произнесъ Зыковъ.—Ну, убавятъ на одинъ мѣсяцъ—вотъ и все одолженіе...

— Допустимъ даже, что до трехъ дней сократятъ—но, вѣдь тутъ важно совсѣмъ не то, тутъ важна возможность подобнаго обвиненія,—сказалъ Егоръ Дмитріевичъ.

— Да-съ, для того, чтобы осудить мужика, достаточно подхватить на лету каждое брошенное слово...

— А открыть взятку «пана маршалка», продолжалъ за Зыкова Колобовъ,—значитъ совершить преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1039.

— Ну-съ, взглянулъ я на судей съ ихъ цѣпями и оцѣпенѣлыми лицами, взглянулъ на Терентія Козла, присужденнаго на два мѣсяца въ острогъ за одно пустое слово, и такъ мнѣ стало скверно, что я, извините, плюнулъ и вышелъ на свѣжій воздухъ... Я только-что съ крыльца, а тутъ какъ разъ изъ питейнаго, что подъ съѣздомъ, ведутъ совсѣмъ готоваго Дорожку, а сзади переваливается попъ Иванъ, только-что приводившій къ присягѣ свидѣтелей Липкевича...—Господи вскую мя оставилъ!—воскликнулъ я и отвернулся.

— Ну, ужъ это вы отъ себя про отца Ивана-то, для полноты картины прибавили?—спросилъ Шольцъ.

— Тутъ, батюшка, Густавъ Андреевичъ, можно только сбавить, а ужъ прибавить нечего...

— Предсѣдательствовали вы, Натанъ Петровичъ?—спросила Татьяна Николаевна.

— Нѣтъ, у насъ на два отдѣленія: я въ гражданскомъ,—отвѣтилъ, какъ бы нѣсколько смутясь, Натанъ Петровичъ.

— Онъ уголовныхъ избѣгаетъ,—сказалъ Зыковъ.—Вы, Татьяна Николаевна, послушайте, что дальше было... Хотя, собственно, это сюда не относится, но я разскажу... Всего одна минута,—прибавилъ онъ, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе Натанъ Петровича.—Прихожу изъ суда домой, смотрю ждетъ меня въ передней Хмѣлевскій ямщикъ...

— Не тотъ ли это Хмѣлевскій, что по дѣлу Подгорнаго въ острогѣ сидѣлъ?—спросила Татьяна Николаевна.

— Онъ самый, сказалъ Колобовъ.—Отъ Гвоздики житья не стало: пошелъ въ ямщики..

— И славно возитъ; онъ меня въ Юрьевичи возилъ... Что тебѣ? спрашиваю.—Къ вашей милости: судья Лабиринтовъ на Гвоздику жалобу не принимаетъ.—Да я-то тутъ при чемъ?—Ужъ сдѣлайте такую милость...—Почему же не принимаетъ?—Чинъ, говоритъ, не прописанъ. Неизвѣстно, говоритъ, на кого жалуешься.—Я, говорю, на посредственника, Михаила Ивановича Гвоздику: избилъ оченно шибко,—ажъ до трехъ разовъ принимался: хватитъ безъ никакой церемоніи, да и ну! Собакою травилъ...—Слышалъ, говоритъ, что избилъ, а безъ чина не могу принять...—«Сдѣлайте такую милость: поищите, какой такой на ёмъ чинъ, въ третій разъ подаю: то слово какое-то пропущено, то зачѣмъ на святкахъ пришелъ, а теперь вотъ чинъ требуется»... Понимаете! все это на тотъ конецъ, чтобы пропустить срокъ. Вотъ, теперь и извольте сообразить, каково ваше правосудіе,—обращаясь къ судьѣ и прокурору, сказалъ Зыковъ:—неразумнаго мужика за одно слово на два мѣсяца въ острогъ безъ никакой церемоніи засадили, а посредникъ Гвоздика можетъ избить до полусмерти—такъ на него и жалобъ не принимаютъ! Вѣдь эдакихъ судей распубликовать надо, имя, отчество, фамилію всѣми буквами прописать...

— Имъ всякая публикація нипочемъ,—сказалъ Егоръ Дмитріевичъ:—ни книгъ, ни газетъ въ руки не берутъ.

— Ну, какъ ты говоришь?—возразила Татьяна Нико-

лаевна.—Мосоловъ состоитъ членомъ нумизматическаго общества, пишетъ статьи...

— Которыхъ не печатаютъ,—вставилъ Зыковъ.

— И еще недавно совѣтовалъ мнѣ пріобрѣсти какой-то лексиконъ о корнѣ словъ. — Если, говоритъ, пристально читать, можно до дурости дойти...

— Да ужъ онъ и дошелъ, кажется!—сказалъ Зыковъ.

Гости стали прощаться.

XXIII.

Вернувшись изъ «губерніи», Петръ Ивановичъ Лупинскій занялся своими врагами; это былъ самый разгаръ его подпольной дѣятельности. Онъ работалъ изо всѣхъ силъ и рѣшительно не могъ посидѣть на мѣстѣ; онъ бросался отъ статскаго генерала къ военному, отъ прокурора къ жандармскому полковнику, и грозныя слова о каторгѣ и Сибири не сходили съ его языка; онъ переходилъ отъ уложенія о наказаніяхъ къ уставу о печати, прочиталъ пропасть статей, съѣздилъ три раза въ Болотинскъ посовѣтоваться съ тамошними юристами, и, за большія деньги, купилъ у нихъ право считать себя невиннымъ. Въ уѣздѣ, у себя дома, у него была своя партія, сильная своимъ единомысліемъ; всѣ эти люди были одного съ нимъ толка, исповѣдывали одну и ту же религію наживы, онъ потакалъ ихъ инстинктамъ и, поддерживая его, они поддерживали себя. Они тяготѣли другъ къ другу, какъ желѣзо тяготѣетъ къ магниту, они соединялись, какъ самыя удобныя химическія соединенія. Это были все отборнѣйшіе въ своемъ родѣ люди. Сюда принадлежали докторъ Пшепрашинскій, съ избыткомъ выкупавшій лихвенными процентами то, чего не давала ему его убогая медицина; тутъ былъ помѣщикъ Ардамовичъ, вкрадчивый и нѣжный

съ дамами, бывшій управляющій какого-то пана, нынѣ самъ панъ, но, по привычкѣ, «хамъ» въ душѣ. Весь погруженный въ темныя, двусмысленныя сдѣлки, онъ всѣми силами поддерживалъ Лупинскаго и искалъ самъ поддержки во всемъ, что было темно, двусмысленно и пахло наживой. Сюда же принадлежалъ старинный ходатай по дѣламъ, посѣдѣвшій въ кляузахъ и тяжбахъ, знакомый всѣмъ палатамъ и судамъ, панъ Транковскій, эксъ-президентъ стариннаго суда. Со взглядомъ хищной птицы, съ тонкимъ крикливымъ голосомъ, панъ Транковскій, съ низкими поклонами, пробивалъ себѣ потихоньку дорогу. О, кланялись они всѣ, рѣшительно всѣ: они знали, имъ натвердили съ малолѣтства, что поклонъ никогда и ничему не вредилъ... Тутъ былъ маленькій помѣщикъ Липкевичъ, выродившійся потомокъ когда-то знаменитыхъ предковъ, игрокъ и мотъ, съ наслѣдственными инстинктами тунеядца; этотъ обнищавшій панъ былъ знакомъ съ исполнительнымъ листомъ судебнаго пристава; терпѣлъ отъ своихъ и чужихъ и готовъ былъ на все, лишь бы какъ-нибудь вздохнуть и извернуться. Тутъ былъ докторъ Яроцкій, громившій Петра Ивановича за глаза и курившій ему ѳиміамъ въ глаза, способный къ высокимъ подвигамъ на словахъ и къ гадкимъ поступкамъ, на дѣлѣ. Полусумасшедшій и поэтъ, онъ перевелъ Онѣгина на польскій языкъ и написалъ собственную поэму со включеніемъ всей исторіи отъ грѣхопаденія Адама до послѣдней клубной исторіи своего города. Но все—и поэзію, и медицину, и даже собственную душу—онъ готовъ былъ промѣнять на партію ералаша. Сюда же примыкалъ тайкомъ ученый Иванъ Ивановичъ и смирнѣйшій изъ судей Иванъ Тихоновичъ, цѣломудренно опускавшій глаза, когда говорили о взяткахъ, но самъ всегда гото-

вый взять такъ, чтобы, однако, лѣвая не видала того, что творитъ правая.—Сюда тяготѣлъ протоіерей—глава православія—считавшій религію ступенькой, которая вела не въ рай, но къ туго-набитому карману, и директоръ гимназіи, кривобокій и хромой лицемѣръ, съ узкимъ лбомъ и черствымъ сердцемъ, недоступнымъ для самаго простого человѣческаго движенія. Онъ плакалъ въ церкви во время херувимской и съ улыбкой писалъ доносы на учителей, вѣжливо называя ихъ «донесеніями».

Затѣмъ шли разные господа помельче, служащіе по опекамъ и другимъ мѣстамъ, нищіе духомъ, но плотно питающіеся крупицами, падающими со стола господъ. И весь этотъ сонмъ завершался ксендзомъ, которому «пани маршалкова» тайкомъ носила свои грѣхи, не зная хорошенько, какому Богу ей молиться и какому храму отдавать предпочтеніе. Измѣнивъ, ради карьеры мужа, костелу, она не умѣла держаться церкви и, переходя отъ протоіерея къ ксендзу, перепутала весь свой символъ вѣры.

Всѣ эти неподкупные люди понимали, что пока Петръ Ивановичъ предводительствуетъ, пока онъ прочно сидитъ на своемъ мѣстѣ, заправляя опекой, воинской повинностью, разными поставами, порядками, волостями, пока устраиваетъ бытъ сельскаго духовенства и «раззоряетъ бытъ крестьянъ», какъ съострилъ Натанъ Петровичъ,—до тѣхъ поръ онъ изображаетъ собою силу, подъ сѣнію которой можно погрѣть руки и поживиться. Чѣмъ за этой силой больше собственныхъ грѣховъ—тѣмъ лучше! думалъ каждый, и всѣ они еще крѣпче ухватились за Петра Ивановича и еще усерднѣе стали его поддерживать. Но партія «пана маршалка» стала еще сильнѣе, когда къ ней примкнулъ по-

мощникъ исправника Акула, покончившій съ своею многолѣтней второстепенностью, и назначенный на важный постъ градоначальника вмѣсто уволеннаго Слоняева. Акула сразу поднялся на высоту своего положенія: онъ надѣлъ новый мундиръ съ толстыми жгутами и, сдѣлавъ Петру Ивановичу оффиціальный визитъ, торжественно отрекся отъ своей давнишней къ нему вражды. Петръ Ивановичъ пошелъ на встрѣчу этимъ авансамъ и, забывая все прошлое, дружески потрясъ протянутую ему руку. Смотря другъ на друга умильными глазами, взаимно прощая прежнія обиды и недовѣріе, они мысленно раздѣлили уѣздъ пополамъ... Въ это же самое время въ обществѣ стали носиться слухи о какихъ-то темныхъ доносахъ.

Въ одинъ «почтовый» день Зыковъ, отчаянно махая бумагой, прибѣжалъ къ Шольцу.

— Вотъ, батюшка, полюбуйтесь въ чемъ обвиняютъ! вѣдь это чертъ знаетъ что! Меня-то, меня! И онъ сталъ шепотомъ что-то разсказывать Шольцу.

Тотъ засмѣялся. — Что за вздоръ! сказалъ онъ, качая головой.

— Да я ее безъ свидѣтелей и въ глаза не видалъ, а не то что...

— Такъ откуда же?

— Жаловалась, видите ли «пану маршалку», что оскорбилъ ея честь! ха! ха! ха!—засмѣялся онъ дѣланнымъ смѣхомъ.

— Да вѣдь она только этимъ и промышляетъ,—сказалъ Шольцъ.

— Ну вотъ подите! Кто же станетъ разбирать? жалуется дворянка за оскорбленіе ея чести, «панъ маршалокъ», ея естественный покровитель, доводитъ до свѣдѣнія, оттуда форменный запросъ,—показалъ онъ на

бумагу,—а что это чистѣйшій вздоръ и клевета—кому какое дѣло?

— Да я не понимаю: къ чему онъ это все?

— И я, батюшка, не понималъ, пока добрые люди не надоумили, а теперь понимаю: у этой, чертъ бы ее побралъ! есть сестра замужемъ за какимъ-то польскимъ паномъ, у пана какое-то тамъ разверстаніе,— стало Лупинскій нуженъ, понимаете? А Лупинскому нужно меня не мытьемъ, такъ катаньемъ—ну вотъ и составился комплотъ... Ахъ, подлецъ, подлецъ!—облегчилъ себя крѣпкимъ словцемъ Зыковъ.

Вслѣдъ за грязнымъ, безсмысленнымъ и лживымъ доносомъ на Зыкова, явился доносъ на Шольца, которому ставилось въ вину нѣмецкое происхожденіе и сомнительность его брака; на Колобова, обвинявшагося въ распущеніи какихъ-то, волнующихъ общество, слуховъ; на Комарова за противодѣйствіе и оскорбленіе полицейской власти; на судью Натанъ Петровича за какую-то игривую надпись, сдѣланную имъ на бланкѣ и, наконецъ, на Орлова за непосѣщеніе имъ храма Божія въ торжественные дни», что, какъ было сказано въ доносѣ, «возмущало патріотическое чувство русскихъ людей». Хотя доноситель оставался въ тѣни и подъ прикрытіемъ полнѣйшаго incognito, но никто не сомнѣвался въ его подлинности, и всѣ назвали Лупинскаго еще прежде, нежели Егора Дмитріевича Орлова конфиденціально увѣдомили, что это, дѣйствительно, онъ.

Это было до того гнусно даже и для Лупинскаго, что Татьяна Николаевна не въ состояніи была разсердиться.

— Такъ упасть, такъ упасть,—говорила она въ смущеніи, стыдясь своего прежняго къ нему расположенія.

— Да помилуйте! Вѣдь это только вы его вознесли,—

съ сердцемъ замѣтилъ Зыковъ, — а я всегда зналъ, что онъ...

Маленькое общество было смущено этимъ обиліемъ доносовъ. Оно видѣло ясно, что цѣлью всей этой подпольной интриги было отвести глаза отъ настоящаго, затмить, сбить съ толку и, указавъ на зародышъ будто бы вредныхъ элементовъ, породить недовѣріе къ извѣстнымъ людямъ. И дѣйствительно, какъ ни казались эти доносы нелѣпы, тутъ на мѣстѣ, гдѣ каждый зналъ каждаго, но сверху пошли допросы и запросы: тамъ, откуда спрашивали, никто не зналъ ни «пана маршалка», ни руководившихъ имъ мотивовъ—видна была только его благонамѣренность—и цѣль, хотя временно, хотя отчасти, была достигнута.

XXIV.

Среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ, дѣло объ овсѣ приняло совершенно неожиданный оборотъ: та высшая военная инстанція, куда было представлено дѣло, по окончаніи слѣдственнаго производства, положила слѣдующую, по истинѣ мудрую, резолюцію: «такъ какъ изъ дѣла невидно существенныхъ признаковъ клеветы, то считать ротмистра Зыкова по суду оправданнымъ». Резолюція эта упала на сторонниковъ Лупинскаго, какъ громъ, и на нѣкоторое время совершенно ихъ обезкуражила:—нѣтъ существенныхъ признаковъ клеветы, прошу покорно! Да изъ-за чего же они всѣ бились-то, изъ-за чего приняли на душу столько грѣха и заставили грѣшить другихъ? Всѣ эти господа были внѣ себя отъ негодованія. Они кричали на всѣхъ перекресткахъ, что такъ нельзя, что законъ зачѣмъ-нибудь да существуетъ, что это не резолюція, а Богъ знаетъ что! Самъ «панъ маршалокъ», горячась, негодуя и вооду-

шевляя потихоньку другихъ, благодарилъ Создателя и Творца, что кончилось именно такъ... Но для него кончилось еще лучше: вслѣдъ за резолюціей по городу разнесся слухъ, что ротмистръ Зыковъ переведенъ въ Д. Это былъ городъ незначительный, тоже еврейскій, но онъ стоялъ на желѣзной дорогѣ и былъ украшенъ какимъ-то историческимъ монументомъ. Зыковъ былъ въ восторгѣ, онъ ликовалъ, ему уже надоѣла вся эта мелкая борьба, все это безпокойство, разладъ съ обществомъ, мелкіе уколы самолюбія и вся эта трата силъ на ежечасныя непріятности изъ-за дѣла, которое, какъ ему казалось, не подвигалось отъ этого ни на шагъ. Онъ живо собрался въ путь, распродалъ за безцѣнокъ всѣ свои вещи, отправилъ впередъ Игнатовича съ сѣрымъ, и раннимъ мартовскимъ утромъ, безъ всякихъ проводовъ и прощаній, выѣхалъ изъ города. Онъ былъ въ самомъ счастливомъ настроеніи и великодушно отказался отъ всякаго судебнаго преслѣдованія «пана маршалка», какъ ему намеками совѣтовалъ услужливый судья Иванъ Тихоновичъ, предлагая себя въ адвокаты. Александръ Даниловичъ чувствовалъ себя настоящимъ имянинникомъ и, вырвавшись на свободу, забылъ всѣ непріятности, стремясь навстрѣчу новымъ впечатлѣніямъ. То, что оставалось позади, въ далекомъ, глухомъ уѣздѣ, его уже не интересовало. Онъ считалъ свое дѣло конченнымъ и на рубежѣ двухъ уѣздовъ, у пограничнаго столба, привставъ въ своей почтовой телѣжкѣ, онъ обернулся въ послѣдній разъ на однообразный пейзажъ уходившихъ вдоль полей, болотъ и мелкаго кустарника. Когда онъ сѣлъ въ вагонъ и поѣздъ тихо двинулся на сѣверъ, ротмистръ съ облегченіемъ вздохнулъ и, по своей привычкѣ, перекрестился обѣими руками. Все вокругъ

него приняло окраску его собственнаго настроенія, онъ съ наслажденіемъ прислушивался къ свистку паровоза, любовался вагономъ, заговаривалъ съ пассажирами, словно пробовалъ, не разучился ли говорить, и не пропускалъ ни одного буфета. Наконецъ, поѣздъ остановился у станціи, которая была конечной цѣлью его путешествія; взявъ въ руки свой сакъ-вояжъ, ротмистръ смѣшался съ толпой пассажировъ и навсегда изчезъ съ горизонта нашего уѣзда и нашей, приходящей къ концу, исторіи.

XXV.

Чтобы какъ-нибудь загладить афронтъ резолюціи, друзья Петра Ивановича рѣшились поднести ему адресъ, съ выраженіемъ своихъ искреннихъ чувствъ. Тогда на адресы начиналась мода... Петръ Ивановичъ эту мысль одобрилъ (говорили будто онъ ее даже подалъ, но это, конечно, вздоръ), и адресъ вступилъ въ первый фазисъ своего развитія. Главное было въ томъ, чтобы собрать какъ можно больше подписей, и всѣ, по мѣрѣ своихъ силъ, рѣшились этому содѣйствовать: директоръ Сосновичъ взялся составить редакцію и разставить знаки препинанія, исправникъ Акула обѣщалъ поналечь на торгующихъ, а Пшепрашинскій на своихъ должниковъ. Протоіерею поручили взяться за паству, Иванъ Тихоновичъ обѣщалъ дѣйствовать силою убѣжденія на тяжущихся, г. Скорлупскій, умѣвшій писать разными почерками, обѣщалъ доставить нѣсколько образщиковъ своего искусства, городовые ходили по лавкамъ, выразительно требуя разныхъ факсимиле, а самъ Петръ Ивановичъ сдѣлалъ визиты нѣсколькимъ панамъ... Словомъ, дѣло было ведено весьма обстоятельно и прочно, и когда, спустя нѣсколько дней, адресъ былъ готовъ, торжествующій

«панъ маршалокъ» эстафетой на собственный счетъ отправилъ его въ Болотинскъ, на имя его превосходительства, прося разрѣшенія начать одно общее судебное преслѣдованіе всѣхъ тѣхъ, кто клеветою позорилъ его доброе имя. Этотъ предполагавшійся процессъ-monstre долженъ былъ захватить, во-первыхъ, всѣхъ тѣхъ, кто не подписалъ адреса, во-вторыхъ, редакторовъ газетъ, въ коихъ были напечатаны и перепечатаны статьи, оскорбительныя для Петра Ивановича Лупинскаго, и въ-третьихъ, всѣхъ, безъ различія пола и возраста, кто, прочитавъ эти статьи, оставилъ ихъ безъ должнаго протеста.

Хотя диковинность обвиненія и намекала на психическое разстройство обвинителя, но въ уѣздѣ никому не пришло въ голову усомниться въ здравомъ умѣ и трезвой памяти Петра Ивановича. Что же касается до губернатора, то изумленный такой непомѣрной требовательностью «пана маршалка», боясь, по его милости, возбудить нѣкоторымъ образомъ гражданскую войну, безъ малаго, по всей Россіи, его превосходительство отказалъ на отрѣзъ, дипломатически смягчивъ свой отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, «что, будучи несправедливо, обвиненіе падаетъ само - собою и, слѣдовательно, уничтожается причина опровергать и преслѣдовать».

Петру Ивановичу только этого и было надо; онъ потому такъ много и запросилъ, чтобы было съ чего сбавить. Получивъ отвѣтъ губернатора, «панъ маршалокъ» счелъ себя совершенно омытымъ, будто принялъ крещеніе, и снова почувствовалъ себя способнымъ на всякія предпріятія. Сообщивъ въ мѣстный листокъ «о полученномъ отъ всѣхъ сословій адресѣ», онъ тотчасъ поднялъ голову и энергически принялся за опекунскія имѣнія, которыя было, нѣсколько распустилъ, въ виду своего тревожнаго состоянія.

Спровадивъ Зыкова, Петръ Ивановичъ сказалъ: — однимъ врагомъ меньше! и расправилъ свои крылья. Шольцъ говорилъ, что ему чертовски везло—и «пану маршалку», дѣйствительно, везло: чуть начиналъ приподниматься занавѣсъ и издали показывались несомнѣнныя улики, какъ чья-то заботливая рука его мгновенно задергивала и все заволакивалось туманомъ. Шольцъ выходилъ изъ себя; но неутомимый Колобовъ снова наводилъ его на «слѣды». Обходя всевидящее око Акулы, они рылись въ полицейскихъ бумагахъ, откапывали самые компрометирующіе документы; улики росли; надъ Лупинскимъ скоплялась душная атмосфера уголовщины, сверху разрѣшалось начать преслѣдованіе, Шольцъ торжествовалъ, Колобовъ кричалъ!—поймали! теперь не уйдетъ! а онъ уходилъ изъ-подъ рукъ, изъ-подъ уликъ, изворачивался, возражалъ, путалъ другихъ, никогда не путался самъ, и Шольцъ становился втупикъ, а Колобовъ приходилъ въ отчаяніе... И прокурору нельзя было не стать втупикъ: всѣ злоупотребленія по воинской повинности и по опекѣ, по волостямъ и по острогу были, повидимому, до такой степени легальны, до того тонки и перепутаны, до того находились въ связи съ разными циркулярами и инструкціями, которые въ свою очередь добавлялись безпрестанно разными объясненіями, служа поводомъ къ новымъ вопросамъ и недоразумѣніямъ, что преслѣдовать ихъ было почти невозможно, не разобравшись хорошенько во всей этой путаницѣ. Это былъ клубокъ, въ которомъ никакъ нельзя было найти настоящаго конца: попадались безпрестанно обрывки, запутывавшіе еще

больше, но настоящій конецъ не давался въ руки никакимъ образомъ.

Шольцъ чувствовалъ себя утомленнымъ и, подобно Зыкову, желалъ по временамъ уйдти, отдохнуть и со всѣмъ этимъ развязаться. Орлова была терпѣливѣе всѣхъ, можетъ потому, что ей приходилось смотрѣть со стороны; она возлагала большія надежды на слѣдствіе по своему дѣлу и ждала отъ суда разоблаченія всей этой путаницы. Она подходила къ этому событію своей жизни съ легкомысліемъ, которое рѣшительно всѣми осуждалось и, благодаря незнанію законовъ, ничего не боялась. Когда ей говорили о необходимости взять защитника, она, смѣясь, увѣряла, что справится сама и по прежнему была убѣждена, что все это кончится «такъ». И вдругъ все дѣйствительно кончилось «такъ»: въ одинъ изъ почтовыхъ дней, въ полицейскомъ управленіи была получена бумага такого содержанія: «Имѣю честь поручить N—скому полицейскому управленію объявить проживающей въ городѣ N женѣ надворнаго совѣтника Орловой, что за прекращеніемъ дѣла, по опредѣленію С.-Петербургской судебной палаты, состоявшемуся тогда-то, по обвиненію ея въ оскорбленіи въ печати состава N—скаго по воинской повинности присутствія, она освобождается отъ подписки о неотлучкѣ изъ мѣстожительства, данной ею 13-го іюля прошлаго года». Прокуроръ палаты Линцъ.

Редакторъ «Недѣльнаго Обозрѣнія» и ротмистръ Зыковъ были освобождены отъ всякаго преслѣдованія еще раньше, къ великому негодованію «пана маршалка», который находилъ, что судебная палата не имѣла никакого права такъ поступить.

— Послѣ этого можно все-съ, рѣшительно все-съ!— говорилъ онъ въ волненіи, искусно разыгранномъ, и собирался жаловаться на палату.

— Не говорилъ ли я, что у мошенниковъ, какъ у пьяницъ, есть свой собственный Богъ!—воскликнулъ Шольцъ, прибѣжавшій поздравить Орлову съ этимъ благополучнымъ исходомъ.

— И вы находите, что это—благополучный исходъ?

— Да какъ же неблагополучный? вѣдь занавѣсъ-то опять опустили и ужъ теперь окончательно, и приподнять нельзя! вѣдь его бы, мошенника, на всю Россію прославили, пальцемъ бы стали указывать, а теперь, благодаря рѣшенію палаты, опять вынырнулъ...

— А помните, вы со мной спорили, когда я говорила, что все кончится такъ? Вы смѣялись надъ моимъ невѣжествомъ, а я оказалась догадливѣе всѣхъ.

Шольцъ пожалъ плечами. — Первый случай во всей судебной практикѣ... Однако, какова ему пощечина послѣ всѣхъ его криковъ о Сибири и объ острогѣ? вѣдь онъ васъ чуть на каторгу не сослалъ...

— Знаете, мнѣ кажется, онъ не выдержитъ: или застрѣлится...

Шольцъ захохоталъ.—Не безпокойтесь—не изъ таковскихъ!..

— Развѣ п о к у ш е н і е р а з ы г р а е т ъ,—прибавилъ Егоръ Дмитріевичъ.

XXVI.

Итакъ мало-по-малу душная атмосфера уголовщины, окружавшая Петра Ивановича Лупинскаго, разсѣялась; зловѣщіе призраки изчезли, какъ исчезаютъ въ жаркій день, словно тающія, облака, и на горизонтѣ его, отнынѣ очищенной отъ многія скверны, жизни,—осталась только одна темная тучка

въ видѣ какой-то «клепки», которую онъ никакъ не могъ сбыть съ рукъ. Но хотя прокуроръ Шольцъ и божился, что ужъ это Лупинскому даромъ не пройдетъ, но Шольцъ хлопоталъ о переводѣ: Шольцъ утомился въ своей безплодной борьбѣ; онъ былъ оскорбленъ невниманіемъ къ своимъ донесеніямъ, и когда, наконецъ, пришло извѣстіе о назначеніи его куда-то членомъ окружнаго суда, Петръ Ивановичъ могъ свободно вздохнуть всей грудью... Онъ даже мысленно перекрестился и, ощутивъ на рѣсницахъ слезы благодарности и умиленія, усиленно заморгалъ, не давая себѣ времени расчувствоваться. Въ ознаменованіе этой радости, онъ сдѣлалъ, по своему обыкновенію, парадный вечеръ, убилъ для друзей упитаннаго тельца и пожималъ всѣмъ руки съ такимъ чувствомъ и съ такимъ видомъ, какъ будто и онъ самъ, и всѣ его гости—избавились отъ большой опасности. Онъ праздновалъ нѣсколько дней сряду и, гуляя по городу подъ руку съ Акулой, громко насвистывалъ какой-то побѣдный маршъ, не боясь подъ такимъ прикрытіемъ ни Колобова, ни Комарова и никого на свѣтѣ.

Петръ Ивановичъ казался совсѣмъ довольнымъ; но, увы! все это была одна напускная бравада; на самомъ же дѣлѣ и наединѣ съ самимъ собою, онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ: хотя бояться ему было нечего, хотя мучительно-острое чувство страха немедленной расправы прошло, но онъ видѣлъ себя въ положеніи человѣка, сдвинутаго съ мѣста, на которомъ долго и упорно держался. Онъ еще говорилъ по прежнему громко, безапелляціонно одобрялъ или порицалъ, но, своимъ безошибочнымъ чутьемъ пронырливаго человѣка, онъ понималъ, что сходитъ со сцены, и что амплуа перваго человѣка переходитъ отнынѣ къ

другому. Этотъ другой еще не выяснился, не объявился; но что онъ гдѣ-то тутъ, близко и только ждетъ случая, чтобы сѣсть на шею къ Петру Ивановичу—это было несомнѣнно.

«Панъ маршалокъ» еще оставался главою своего кружка, то есть тѣхъ людей, которыхъ онъ презиралъ въ душѣ за ихъ ничтожество, за ихъ безсердечіе, за ихъ алчность къ наживѣ, словомъ, за всѣ тѣ качества, которыя были въ немъ самомъ; но даже и для нихъ онъ потерялъ свое обаяніе и сталъ совсѣмъ другимъ съ тѣхъ поръ, какъ съ него сняли маску честнаго человѣка. Его начинали обходить и раскланивающійся съ нимъ Акула (который вдругъ оказался архіерейскимъ племянникомъ), потихоньку становился на первое мѣсто, выдвигаясь впередъ и заслоняя собой Петра Ивановича. Нужно ли было организовать какой-нибудь комитетъ, устроить подписку, собрать денежную помощь, выстроить мосты или просто покрасить фонарные столбы—все это предлагалось Акулѣ, а Петръ Ивановичъ оставался въ тѣни, его умышленно забывали, тогда какъ прежде... Къ довершенію неудачъ, тотъ же самый Акула купилъ, съ помощью евреевъ, то конфискованное имѣніе, которое арендовалъ и давнымъ давно облюбовалъ «панъ маршалокъ». Ему даже измѣнили въ губернаторской канцеляріи, а со стороны Акулы это просто было непростительно! Наконецъ, само общество, повторяя взгляды начальства, отодвинуло Лупинскаго на задній планъ, и когда, по поводу послѣднихъ событій на Востокѣ, образовался въ городѣ славянскій кружокъ по почину судьи Натана Петровича,—чрезвычайно чуткаго на все современное—то Петру Ивановичу не только не предложили председательства, но даже вовсе не предложили быть членомъ

Оглядываясь назадъ, онъ ужасался перемѣнѣ въ себѣ и вокругъ себя. Боже мой! какъ далеко было то время, когда надъ головой Петра Ивановича сіяло ясное небо, когда онъ проводилъ дни въ спокойствіи, а вечеромъ, установивъ дѣтей въ «позиціи», и ставъ въ «позицію» самъ, онъ ихъ училъ дѣлать разныя замысловатыя антраша подъ звуки старыхъ фортепіанъ, абонируемыхъ имъ, за пять золотыхъ въ мѣсяцъ, у хозяина-еврея! Это время далеко и безвозвратно ушло. А какъ онъ тогда спалъ! а какой у него былъ тогда желудокъ! Теперь даже самое лицо его измѣнилось и какъ-то потускнѣло: въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ пробивалась сѣдина, глаза отливали какимъ-то зловѣщимъ блескомъ, а на лбу между бровями, какъ легла глубокая морщина, такъ ужъ и не разглаживалась. Потерявъ безмятежную ясность духа, онъ пріобрѣлъ безсонницу, тревожное заглядываніе въ будущее и какой-то страхъ передъ грядущимъ; онъ сталъ похожъ на человѣка, который каждую минуту боится, что вотъ, вотъ надъ нимъ ударитъ громъ, хотя на самомъ дѣлѣ боятся было почти нечего и даже самая «клепка» могла исчезнуть безслѣдно, съ отъѣздомъ въ другую губернію Шольца. Петръ Ивановичъ могъ быть совсѣмъ спокоенъ, но, склонный къ преувеличеніямъ, онъ сталъ бояться собственной тѣни. Онъ сталъ безпричинно вздрагивать и все чаще и чаще прибѣгалъ къ таинственному черному пузырьку, который имѣлъ способность сообщать ему временное спокойствіе и наводить на него сонъ. Докторъ Иванъ Иванычъ осторожно посовѣтовалъ холодные компрессы къ головѣ и что-то еще; но ни компрессы, ни темные пузырьки, ни самый адресъ, ни даже то мѣсто въ опекунскомъ сундукѣ, куда онъ, въ тяжелыя минуты, обращалъ свои взоры — ничто

не могло возстановить утраченнаго равновѣсія его души. Онъ началъ худѣть. Иванъ Иванычъ прописалъ ему усиленную гимнастику: Петръ Ивановичъ сталъ лазить по стѣнамъ, сталъ раскачиваться на одной ногѣ, описывалъ руками разныя фигуры, махалъ головой направо и налѣво, вытягивался, прыгалъ, сопровождая свои эволюціи отрывистыми возгласами: разъ! два! разъ! два! и, протолкавшись цѣлый часъ на одномъ мѣстѣ, усталый бросался въ кресло. Физическое утомленіе приносило съ собой извѣстную дозу облегченія; онъ звалъ жену, ласкалъ дѣтей, садился играть въ шахматы съ докторомъ Пшепрашинскимъ, потомъ вдругъ, заглянувъ въ окно, мѣнялся въ лицѣ: съ горы, какъ разъ напротивъ его квартиры, спускался Колобовъ или Комаровъ, и этого, одного этого—было достаточно, чтобы все его благодушное настроеніе, навѣянное гимнастикой, пропало разомъ: онъ вдругъ блѣднѣлъ, махалъ рукою, и этотъ отчаянный жестъ объяснялъ все. Мина Абрамовна тревожно поднималась: «панѣ дурно!» говорили дѣти, и на цыпочкахъ, боясь шумѣть, спѣшили въ дѣтскую. Одинъ докторъ Пшепрашинскій съ безсердечіемъ, пріобрѣтеннымъ долгой практикой, не вѣрилъ никакой болѣзни и потихоньку улыбался въ то время, какъ Мина Абрамовна спѣшила за laurier cerise.

При людяхъ, въ гостяхъ, Петръ Ивановичъ еще бодрился, шутилъ, игралъ въ карты, разсуждалъ о политикѣ, громилъ Англію, рѣшительно не довѣрялъ Германіи, но о внутренней политикѣ говорить избѣгалъ: внутренняя политика, неизбѣжно, приводила къ нашимъ собственнымъ уѣзднымъ дѣламъ — и онъ сторонился отъ этой непріятной темы, какъ человѣкъ, боящійся ушибить или разбередить больное мѣсто: Петръ Ивано-

вичъ страдалъ своей второстепенностью. Окружающіе отлично это понимали и предупредительно старались заводить рѣчь о такихъ предметахъ, которые не имѣли никакого отношенія къ вопросамъ внутренней уѣздной администраціи. Кто говорилъ о туркѣ, кто о спиритахъ, судья Иванъ Тихоновичъ разсказывалъ свои сны. Очень понятно, что эти искусственные и малозанимательные разговоры не могли способствовать оживленію общества, и всѣмъ было скучно.

Мина Абрамовна ходила какъ потерянная: она не могла понять, чтобы можно было тревожиться, когда все кончилось благополучно, а изъ казначейства, по прежнему, выдавали аккуратно жалованье. Но больше всего ее мучило то состояніе хроническаго раздраженія, которое, со времени послѣднихъ событій, охватило Петра Ивановича. При всей недальновидности, она догадывалась, что Петръ Ивановичъ немного свихнулся. Глядя съ тоской на его измѣнившееся больное лицо, она не знала, чѣмъ помочь горю и становясь каждый вечеръ «на колѣни передъ «маткой Боской и свентымъ Яномъ», просила у нихъ какого-нибудь чуда. Особенно ее пугали ночи; еще днемъ Петръ Ивановичъ старался побороть свою безпричинную тревогу, но къ ночи, когда всѣ симптомы усиливаются, онъ становился просто жалокъ. Въ его устрашенномъ мозгу разросталась цѣлая галлюцинація: это былъ какой-то бредъ воображенія, доведшій свои представленія почти до осязаемости. Ему же представлялся допросъ, слѣдствіе, скамья подсудимыхъ... но не та скамья, къ которой онъ приговорилъ Орлову, гдѣ—онъ это хорошо зналъ—не могло быть никакого позора, а та настоящая скамья скорби и униженія, съ которой хотя бы и оправданные—

взяточникъ сходитъ взяточникомъ, мошенникъ мошенникомъ и негодяй остается негодяемъ, наперекоръ всѣмъ краснорѣчивымъ рѣчамъ, купленнымъ съ торга защитниковъ падшей невинности. Иногда онъ даже вздрагивалъ во снѣ, а раза два-три громко вскрикнулъ, какъ отъ какой-нибудь физической боли и проснулся, въ послѣдній разъ, съ такимъ сердцебіеніемъ, что разбудилъ жену и, странно ворочая глазами, попросилъ зажечь огня. Онъ увидѣлъ себя во снѣ съ бубновымъ тузомъ на арестантскомъ халатѣ. Ему это показалось предзнаменованіемъ, хотя на самомъ дѣлѣ тутъ не было ничего сверхъестественнаго: наканунѣ онъ читалъ процессъ о какомъ-то подлогѣ, и, по естественной ассоціаціи идей, увидѣлъ себя дѣйствующимъ лицомъ въ той уголовной драмѣ, о которой читалъ. Когда Мина Абрамовна зажгла дрожащими руками свѣчку и Петръ Ивановичъ увидѣлъ себя въ знакомой спокойной обстановкѣ, онъ потихоньку перекрестился, радуясь, что это только сонъ, а не роковая, ужасная дѣйствительность.

Петра Ивановича точилъ какой-то невидимый червь, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью: напрасно пробовалъ онъ чѣмъ-нибудь развлечься, бросался къ гимнастикѣ, выдумывалъ новыя усложненныя фигуры, садился играть въ шахматы съ докторомъ Пшепрашинскимъ, пробовалъ учить дѣтей какимъ-то шарадамъ—все это утратило свой прежній смыслъ. Среди своихъ гимнастическихъ упражненій, онъ вдругъ останавливался въ какой нибудь нелѣпой позѣ, глубоко задумавшись, въ шахматахъ былъ каждый разъ побиваемъ, а дѣтямъ толковалъ такъ безтолково, что они не могли уразумѣть ни одного изъ его объясненій. Музыки не могъ выносить вовсе, и бѣдный запылен-

ный Шредеръ стоялъ запертый къ великому огорченію «пани маршалковой». По временамъ, Петръ Ивановичъ хваталъ себя съ тоскою за голову, говоря, «что все это надо кончить» и шагалъ изъ угла въ уголъ, пугливо озираясь и вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ. Надъ благоустроеннымъ домомъ «пана маршалка», надъ его гостиной съ кіевской мебелью и петербургскими занавѣсками опустилась темная туча, наводя уныніе на всѣхъ посѣтителей. Съ Петромъ Ивановичемъ стали обращаться осторожно, какъ съ больнымъ или немного тронувшимся: ему не противорѣчили, слушали снисходительно все, что онъ говорилъ и, ласково улыбаясь, не давали замѣтить, что онъ иногда заговаривается.

Къ веснѣ, когда все въ природѣ начинаетъ оживать, а сердце каждаго человѣка радостно бьется и замираетъ, Петръ Ивановичъ почувствовалъ себя такъ скверно, былъ такъ разстроенъ и растерянъ, что осторожный Иванъ Иванычъ, боясь отвѣтственности посовѣтовалъ Минѣ Абрамовнѣ созвать консиліумъ. Консиліумъ собрался, и ученый ареопагъ мѣстныхъ эскулаповъ, зловѣще качая головами, мѣшая латынь съ польскимъ жаргономъ, принялся за изслѣдованіе... Не смотря на то, что всѣ четверо были отличные діагносты, что, не задумываясь, произносили самые рѣшительные приговоры о жизни и смерти, ручаясь своими головами—тутъ всѣ они стали втупикъ; собственно болѣзни никакой не было, по крайней мѣрѣ, ея нельзя было формулировать, но внутри субъекта было что-то не совсѣмъ ладно.—Что внутри у него не совсѣмъ ладно, отлично зналъ самъ Петръ Ивановичъ, и когда врачи ушли, ни въ чемъ не сговорившись и прописавъ

какой-то вздоръ, неразгаданный паціентъ горько улыбнулся и швырнулъ подъ столъ прописанный рецептъ.

XXVII.

Прошло около двухъ лѣтъ. Послѣдняя война толькочто кончилась. Въ городѣ не было уже ни Колобова, ни Орловыхъ, ни Шольца. Уѣздомъ заправлялъ исправникъ Акула. Первымъ человѣкомъ въ городѣ сталъ судья Натанъ Петровичъ. Вездѣ было тихо, спокойно, хорошо. Казалось, не было даже надобности въ прокурорѣ...

Въ одинъ изъ четверговъ ждали пассажирскаго парохода изъ Кіева, и евреи со всѣхъ улицъ спѣшили на пристань. Вдали раздался свистокъ, показался бѣлый дымъ, толпа подалась впередъ и нѣсколько жиденятъ полетѣли кувыркомъ съ крутого берега. Вверху раздался хохотъ, внизу кто-то взвизгнулъ и еврейское: «о вей миръ!» огласило пристань. Пароходъ медленно подходилъ, шумя своими колесами и изрѣдка давая свистки.

Съ пароходомъ возвращался Скорлупскій. На его лицѣ была написана огромная новость. Она свѣтилась сквозь очки въ его глазахъ, прорывалась въ улыбкѣ, которой онъ не могъ сдержать даже въ то время, когда его со всѣхъ сторонъ толкали въ биткомъ набитомъ пароходѣ. Онъ боялся одного: какъ-бы не застрять съ сакъ-вояжемъ въ узенькихъ дверяхъ каюты при выходѣ. Наконецъ, Скорлупскій слава Богу, проскользнулъ. Онъ просто рвался впередъ; онъ едва могъ дождаться, пока положатъ пароходныя сходни на пристань и, разъ десять рискуя окунуться въ воду, бросился на берегъ.

— Знаете новость? — закричалъ онъ, увидѣвъ въ толпѣ старика Гусева.

— Неужели опять война? — воскликнулъ, начитавшійся «Новаго Времени», Гусевъ.

— Какое! Лупинскаго отдали подъ судъ...

— Что вы, Господь съ вами!—проговорилъ, блѣднѣя отъ такой неожиданности, старикъ.—Вѣдь онъ же подрядъ взялъ?..

— Въ подрядѣ-то вся штука: открылось крупное мошенничество... Помните гнилой овесъ? Еще въ газетахъ даже упоминалось,—ну, вотъ это самое и есть.

— Экъ ему съ овсомъ-то не везетъ! — сказалъ въ раздумьѣ Гусевъ, припоминая старую исторію временъ Зыкова.

— Да развѣ онъ одинъ? тутъ ихъ цѣлая компанія... Однихъ полковниковъ сорокъ, да маіоровъ двадцать восемь.

Старикъ Гусевъ слушалъ съ застывшимъ ужасомъ удивленія на лицѣ. Подошли Платонъ Антоновичъ, судья Натанъ Петровичъ, докторъ Пшепрашинскій, кое-кто еще...

— Слышали новость?—спрашивалъ каждаго Скорлупскій и каждому разсказывалъ, пробираясь впередъ, среди шумѣвшей толпы, въ сопровожденіи своей маленькой свиты.

Платонъ Антоновичъ вздохнулъ.

— Знаете пословицу: повадился кувшинъ по воду...

— Говорятъ, покушался,—шепотомъ сообщилъ Скорлупскій.

— Психическое разстройство... Я всегда замѣчалъ! сказалъ равнодушно докторъ Пшепрашинскій.

— Ничего нѣтъ «психическаго»,—улыбаясь, возразилъ судья Натанъ Петровичъ, и, какъ бы лишая Петра Ивановича всякаго смягчающаго обстоятельства, находчиво и весело прибавилъ:

— И Наполеонъ, вонъ, послѣ Седана, покушался, да на своей постели, царствіе ему небесное, и померъ.

— Ну, это Богъ знаетъ! теперь на этотъ счетъ, говорятъ, строго, сказалъ Гусевъ.—Какъ бы, для примѣра, и того... Онъ сдѣлалъ жестъ рукою.

— И какъ только меня Господь спасъ!—говорилъ Скорлупскій, останавливаясь у калитки своего дома:—Вѣдь какъ звалъ-то! пятьдесятъ процентовъ чистой, говорилъ, прибыли... Женѣ пакетъ за пакетомъ... И вотъ чѣмъ кончилъ!—воскликнулъ онъ съ грустью и со всѣми раскланялся.

Новость эта сдѣлалась предметомъ толковъ въ городскомъ клубѣ въ тотъ же вечеръ.

— Бьюсь объ закладъ, что вынырнетъ!—сказалъ, сидя за карточнымъ столомъ, исправникъ Акула, когда ему сообщили эту новинку.

— Способный человѣкъ и, притомъ, хорошей школы, отвѣтилъ судья Иванъ Тихоновичъ, мѣняя карты, такъ какъ ему не везло.

— Ну, это смотря по тому, какъ повернутъ дѣло, ехидно произнесъ судебный слѣдователь и ловко снялъ подставленную ему Иваномъ Тихоновичемъ колоду.

Партнеры, отвлеченные на минуту отъ ералаша, снова внимательно занялись игрой, и Петръ Ивановичъ Лупинскій, потерявшій всякій интересъ для своего уѣзда, былъ очень скоро преданъ забвенію...

Sic transit gloria mundi!

Конецъ.

Православной Церкви. Книга, которая должна бы быть въ каждой православной семьѣ. Заключая въ себѣ священную исторію, молитвы, символъ вѣры, заповѣди и богослуженіе, изложенное удобопонятнымъ, прекраснымъ языкомъ, съ необходимыми объясненіями, она можетъ служить руководствомъ въ дѣлѣ духовнонравственнаго воспитанія дѣтей.

Народная Школа, октябрь 1884 г. № 10.—Первое наставленіе дѣтямъ въ ученіи Православной Церкви. Учебникъ этотъ, по систематичности изложенія и по простотѣ языка, принадлежитъ къ числу лучшихъ руководствъ Закона Божія. На послѣднемъ съѣздѣ народныхъ учителей въ Царскомъ Селѣ, онъ вполнѣ одобренъ и принятъ для преподаванія. Исключительная дешевизна книги (20 коп.) дѣлаетъ ее доступною для всѣхъ классовъ общества.

Гражданинъ, октябрь 1884 г.— Первое наставленіе дѣтямъ въ ученіи Православной Церкви. Книжка, заглавіе которой сейчасъ выписано, хотя и предназначена дѣтямъ, но это скорѣе систематическое руководство для родителей въ дѣлѣ духовнонравственнаго воспитанія дѣтей. Послѣдовательность, простота и ясность языка и, главное, дешевизна — 20 коп., дѣлаютъ ее общедоступною и необходимою для каждой семьи. Два отдѣла наставленія изданы отдѣльно подъ заглавіемъ: «О богослуженіи Православной Церкви для начальныхъ училищъ»— цѣна 5 к., и «Молитвенникъ»— цѣна 12 к.

Петербургская Газета, 12-го октября 1884 г. № 281.—*«Молитвенникъ»* и *«О богослуженіи Православной Церкви»*.

Мы недавно говорили о добросовѣстныхъ изданіяхъ о. Соколова. Теперь вышли два новыя изданія подъ означенными выше заглавіями, предназначенныя для начальныхъ училищъ. Брошюры иллюстрированы рисунками, текстъ молитвъ напечатанъ по-русски и по-славянски, при чемъ о. Соколовымъ даны общепонятныя для дѣтей объясненія молитвъ и трудныхъ славянскихъ терминовъ. Брошюрки—не безъ литературныхъ недостатковъ, какъ напр. въ книжкѣ «О богослуженіи» нѣкоторые рисунки (стр. 10—11) оставлены авторомъ безъ объясненій, но достигаютъ своей цѣли и могутъ быть рекомендованы нашимъ воспитателямъ и въ особенности недостаточнымъ классамъ, какъ полезныя руководства для обученія дѣтей молитвамъ и для ознакомленія ихъ съ церковью и съ тѣмъ, что находится и совершается въ храмахъ при богослуженіи. Цѣны брошюрокъ весьма доступныя: «Молитвенникъ»—12 копѣекъ, а брошюрка «О богослуженіи», стоитъ пятачекъ.

Богословскій Библіографическій Листокъ. Приложеніе къ «Руководству для сельскихъ пастырей». Январь 1885 г. № 1.—*Рецензіи. Богослуженіе Православной Церкви.*

Намъ весьма пріятно начинать страницы «Библіографическаго Богословскаго Листка» извѣстіемъ о выходѣ въ свѣтъ книги, полное заглавіе которой мы выписали. Какъ показываетъ и это вышеприведенное заглавіе, настоящее руководство составлено мастеромъ своего дѣла ради удовлетворенія настоятельной, насущной потребности—дать своимъ питомцамъ вполнѣ для нихъ понятное и пригодное руководство богослуженія. Нужда въ такомъ руководствѣ сказывается уже давно, при отсутствіи болѣе или менѣе удовлетворительныхъ пособій въ этомъ родѣ, не смотря на то, что подобныя руководства выпускаются десятками въ годъ. Первое и главное отличіе настоящаго руководства отъ подобныхъ ему изданій заключается въ замѣчательной простотѣ и общедоступности изложенія того наличнаго матеріала, какой обыкновенно находитъ мѣсто въ этихъ книгахъ.

Кромѣ необыкновенной простоты и ясности въ изложеніи, настоящее руководство отличается еще тѣмъ весьма похвальнымъ качествомъ, что авторъ его избѣгаетъ въ немъ при объясненіяхъ таинственнаго знаменованія тѣхъ или другихъ особенностей нашего богослуженія и богослужебныхъ принадлежностей «своихъ» и «нашихъ» объясненій, на что имѣютъ претензіи большинство современныхъ педагоговъ—законоучителей, заявившихъ о себѣ трудами въ этой области, а довольствуется вполнѣ тѣми святоотеческими объясненіями, какія извѣстны въ богословской историко-литургической литературѣ. Изъ этихъ толкованій о. Соколовъ избираетъ простѣйшія для дѣтскаго и юношескаго пониманія и усвоенія, и притомъ болѣе всего имѣющія отношенія къ изъясняемому предмету по тѣсной связи своихъ признаковъ. Отсюда его объясненія читаются съ живымъ любопытствомъ и легко удерживаются въ памяти.

Историческому элементу въ своемъ руководствѣ о. Соколовъ удѣляетъ столько мѣста, сколько доселѣ въ подобныхъ книжкахъ никто не давалъ.

Можно надѣяться, что эти страницы съ любопытствомъ прочтутся и не учениками только, но и вообще всѣми, кто интересуется нашимъ богослуженіемъ и желаетъ разрѣшенія многихъ якобы недоумѣнныхъ вопросовъ касательно его. О. Соколовъ какъ бы желаетъ устранить всѣ эти недоумѣнія, а поэтому весьма нерѣдко или, вѣрнѣе, очень часто, говоря о томъ или другомъ богослужебномъ обрядѣ и христіанскомъ обычаѣ вообще, непремѣнно говоритъ и о томъ, когда появился этотъ обычай въ нашей церковной практикѣ и въ чемъ нужно искать причины его происхожденія. Отсюда-то происходитъ то, что читатель съ любопытствомъ перелистываетъ настоящее руководство о. Соколова и почти на каждый интересующійся его вопросъ изъ богослужебной практики можетъ находить такой или иной отвѣтъ. Это-то обстоятельство ставитъ настоящее руководство высоко въ ряду книгъ подобнаго рода.

Новое Время, 5-го іюля 1885 г. № 3358.— На дняхъ вышло вторымъ изданіемъ *Первое наставленіе въ ученіи Православной Церкви*, достойная вниманія книжечка по первоначальному обученію Закону Божію, составленная популярнымъ у насъ спеціалистомъ этого дѣла священникомъ М. И. Соколо-

вымъ. Въ ней все приноровлено къ возрасту и смыслу дѣтей, священная исторія разсказана тепло, истины вѣры насколько возможно пояснены примѣрами и сближеніями, взятыми изъ сочиненій св. Отцевъ. (Изложено въ сокращеніи).

Просимъ не смѣшивать вышеозначенныхъ книгъ съ изданіями протоіерея Димитрія Соколова, и при требованіяхъ пояснять—«Михаила. Соколова».

ПЕРВЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Герм. Вагнера. Перев. Висковатова. Книжка 1-я, 6-е, дополненное новыми рисунками изданіе. Ц. 1 р. **Тоже книжка 2-я,** 3-е, дополненное новыми рисунками, изданіе. **Ц. 1 р.** Обѣ книжки въ переплетѣ съ золот. 2 р. 75 к. *Одобрены Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв.* для библіотекъ при начальныхъ народныхъ училищахъ, Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для возрастныхъ библіотекъ и младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій; Допущены *Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ* въ учени᾽ч. библіотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Сочиненія А. КОВАЛЕНСКОЙ.

Семь новыхъ сказокъ. Съ 8-ю отдѣльными большими картинами и многими другими рисунками. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ красивой папкѣ 1 р. 40 к., въ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к.

Разсказы и сказки для дѣтей. Съ 6-ю отдѣльными большими силуэтами, Е. Бемъ, и др. виньетками. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ съ золот. 2 р. 75 к.

Новые разсказы и сказки для дѣтей. Съ 10-ю отдѣльными большими картинами и многими др. рисунками. Ц. 1 р. 75 к., въ красив. папкѣ 2 р., въ перепл. съ золот. 2 р. 50 к. Авторъ вышесказанныхъ разсказовъ и сказокъ за разсказъ «Крутиковъ» **удостоенъ золотой медали** имени А. Ѳ. Погосскаго

Отзывы о книгахъ А. Коваленской.

Семь новыхъ сказокъ.

Журналъ «**Русск. Мысль**», октябрь 1885 г. Это второе, украшенное рисунками изданіе талантливыхъ сказокъ *г-жи Коваленской* является очень кстати, такъ какъ въ послѣднее время выходитъ мало хорошихъ книгъ для дѣтей. Изданы сказки опрятно и даже изящно. Печать четкая и крупная. Про самыя сказки говорить нечего: онѣ давно уже извѣстны. Въ нихъ находятся красивыя описанія и постоянно присутствуетъ теплая гуманная мысль.

Семь новыхъ сказокъ. Журн. «**Иллюстр. Міръ**», № 45-й 1885 г. Наша дѣтская литература, къ сожалѣнію, состоитъ въ большинствѣ изъ такихъ спекулятивныхъ изданій, разсчитанныхъ на карманъ довѣрчивой публики, и только въ видѣ пріятнаго исключенія время, отъ времени, появляются изданія, вполнѣ удовлетворяющія требованіямъ разумнаго дѣтскаго чтенія. Къ числу такихъ счастливыхъ исключеній мы смѣло относимъ изящное изданіе, заглавіе котораго выписано выше. Впрочемъ, за достоинство этой дѣтской книги говоритъ уже самое имя А. Коваленской, удостоенной за свой разсказъ «Крутиковъ» золотой медали имени А. Ѳ. Погосскаго. Глубокое пониманіе дѣтскаго міросозерцанія и вмѣстѣ съ этимъ простота языка и художественность въ описаніяхъ проглядываютъ въ каждой изъ семи сказокъ высоко - талантливаго автора Съ художественной стороны, «Семь новыхъ сказокъ» не оставляютъ желать лучшаго, что можно видѣть по тѣмъ двумъ гравюрамъ, которыя помѣщены, въ видѣ образчика, въ настоящемъ нумерѣ. Мы смѣло рекомендуемъ книжку А. Коваленской—какъ лучшій рождественскій подарокъ для дѣтей.

Семь новыхъ сказокъ. «**Кроншт. Вѣстн.**», 25 сентября 1885 г. № **113**». Мы прочли съ большимъ удовольствіемъ эту небольшую изящную книжку и смѣло рекомендуемъ ее для маленькихъ читателей. Въ нынѣшнія суровыя времена, когда почва литературная оскудѣла и на ней произрастаютъ въ изобиліи всякія плевелы торгашескихъ фирмъ, всякій сортъ нѣмецко-еврейскаго происхожденія, пріятно встрѣтить книжку съ яркимъ художественнымъ содержаніемъ, написанную человѣкомъ крупнаго и *опрятнаго* таланта. Авторъ новыхъ сказокъ г. Коваленская, удостоена за свой разсказъ «Крутиковъ» золотой медали имени Погосскаго; еще недавно были изданы ею «Разсказы и сказки для дѣтей»; такимъ образомъ, она не новичекъ въ литературѣ.

Вы открываете сказки и сейчасъ же ощущаете удовольствіе читать вещь, изложенную отличнымъ литературнымъ языкомъ.

Передъ вами въ книгѣ какъ бы распахиваются двери во внутренній міръ художника, область радужныхъ лучей цвѣтовъ и мелодій. Благоуханія дѣвственной природы, радости и печали маленькой жизни, завѣты счастья, любви и мира, нѣжныя чувства и безупречные образы—все это сливается въ какую-то волшебную поэму, дѣтскую грезу или сонъ.

Въ книгѣ *«Что читать народу»*? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составлен. Учительницами Харьковской частной женской воскресной школы, о Семи новыхъ сказкахъ Коваленской, между прочимъ сказано: *Серебряная роса.* Сказка написана хорошимъ языкомъ, не лишена поэзіи *Царевна глупочка.* Разсказъ приводитъ дѣтей въ полнѣйшій восторгъ и перечитывается съ наслажденіемъ по многу разъ. *Записки соловейки.* Взрослымъ сказка эта нравится больше, чѣмъ дѣтямъ. Очевидно, что не только 2 и 3 сказки, но и 5, 6, 7 носятъ на себѣ тотъ же аллегорическій характеръ; но аллегорія въ трехъ послѣднихъ настолько проста, что вполнѣ доступна дѣтскому пониманію, и мы охотно рекомендуемъ ихъ въ школьную

библіотеку. Вообще, сказки эти нравятся и взрослымъ, и дѣтямъ.

Разсказы и сказки для дѣтей. Журналъ **Гражданинъ**, апрѣль 1885 г. Наружный видъ — не остается ничего желать, въ особенности для дѣтей. Шрифтъ четкій, бумага хорошая, а ужъ силуэты—такъ просто прелесть. Что касается до самыхъ разсказовъ, то они написаны примѣнительно къ дѣтскому пониманію — просто, безъ вычуръ Направленіе разсказовъ прекрасное, что только въ настоящемъ и требуется.

Въ 2 выпускѣ **«Обзора дѣтской литературы»**, составлен. подъ редакціей В Гаршина и А. Герда, о книгахъ «Разсказы и сказки для дѣтей» А. Коваленской говорится: «Двѣнадцать разсказовъ и сказокъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, представляютъ весьма пріятное явленіе въ дѣтской литературѣ. — Кромѣ нѣсколькихъ длиннотъ, языкъ разсказовъ простъ, живъ, очень разнообразенъ и иногда приближается къ истинной художественности. Описанія природы, въ изобиліи встрѣчающіяся въ книгѣ, написаны, очевидно, человѣкомъ, горячо любящимъ и хорошо знающимъ ее. Словомъ, книга г-жи Коваленской заслуживаетъ полнаго вниманія родителей, желающихъ дать своимъ дѣтямъ книгу, возбуждающую добрыя чувства.

Изданіе снабжено нѣсколькими прелестными рисунками г. Бемъ. Весьма сожалѣть, что многія изъ прежнихъ произведеній г-жи Коваленской вышли изъ продажи и не издаются новыми изданіями.

Новые разсказы и сказки для дѣтей. Журн. **«Иллюстр. Міръ»**. Всѣ эти разсказы написаны чрезвычайно увлекательно и могутъ быть прочитаны дѣтьми съ глубокимъ интересомъ. Характерною чертою ихъ является —свободная, непринужденная фантазія, вполнѣ соотвѣтствующая широкимъ полетамъ дѣтскаго воображенія; но рядомъ съ этой фантазіей въ каждомъ изъ разсказовъ маленькіе читатели почерпнутъ знакомство съ разными сторонами повседневной жизни и мимо которыхъ они проходятъ обыкновенно вполнѣ безучастно; останавливая вниманіе на заурядныхъ явленіяхъ, авторъ заставляетъ молодой умъ относиться критически къ этимъ явленіямъ и достигаетъ этого не сухимъ прозаическимъ изложеніемъ, не наставленіями и отвлеченными разсужденіями, но живыми, полными жизни картинами, приноровленными для дѣтскаго пониманія. Таковы особенности всѣхъ разсказовъ, входящихъ въ книгу, и въ нихъ видны всѣ тѣ достоинства, которыя были отмѣчены еще въ разсказѣ «Крутиковъ», удостоенномъ золотой медали.

Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго; хорошая бумага, отчетливая печать, рисунки, исполненные въ извѣстномъ вѣнскомъ артистическомъ заведеніи Ангерера и Гешля—все это какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію книги.—Мы рекомендуемъ это прекрасное изданіе—какъ одинъ изъ лучшихъ подарковъ для дѣтей.